РУССКАЯ БЕСѢДА

ФЕВРАЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

3281
им. А. И. ГЕРЦЕНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Евгеній Онѣгинъ, въ историческомъ значеніи типа. *Арс. Введенскаго* 1

II. Свобода, любовь и вѣра. (Продолженіе). Н. Аксакова. . . 22

III. Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. 1) Дѣтство и первые годы ученія И. Д. Бѣляева. 2) Московскій университетъ и годы студенчества И. Д. Бѣляева. 3) Тридцатые годы. Служба въ конторѣ Св. Синода. 31

IV. Личное счастье. Разсказъ. *Н. Панова* 69

V. По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ общемъ собраніи членовъ Славянскаго Общества. (Продолженіе). *П. А. Гейсмана.* 76

VI. Политическое обозрѣніе. 89

VII. Анфимъ VII, Архіепископъ Константинополя, Новаго Рима, и Вселенскій Патріархъ. (Письмо изъ Царьграда) . . . 103

VIII. Къ вопросу о Китайско-Японскомъ столкновеніи. *Д. Иловайскаго.* 107

IX. Нѣсколько словъ по поводу армянскаго вопроса. *Лео.* . . 110

X. Письмо изъ Яффы. *С—въ.* 118

XI. **Зарубежное Славянство.**

Сербія 119

Письмо изъ Сербіи. *М. Ж.* 130

Страшная казнь. Герцоговинская быль. *В. Врчевича.* Съ сербскаго перев. *М. Жерайча* 132

РУССКАЯ БЕСѢДА

ФЕВРАЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

3281
Пров. 50

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Евгеній Онѣгинъ, въ историческомъ значеніи типа. *Арс. Введенскаго* 1

II. Свобода, любовь и вѣра. (Продолженіе). Н. Аксакова. . . 22

III. Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. 1) Дѣтство и первые годы ученія И. Д. Бѣляева. 2) Московскій университетъ и годы студенчества И. Д. Бѣляева. 3) Тридцатые годы. Служба въ конторѣ Св. Синода. 31

IV. Личное счастье. Разсказъ. *Н. Панова* 69

V. По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ общемъ собраніи членовъ Славянскаго Общества. (Продолженіе). *П. А. Гейсмана.* 76

VI. Политическое обозрѣніе. 89

VII. Анѳимъ VII, Архіепископъ Константинополя, Новаго Рима, и Вселенскій Патріархъ. (Письмо изъ Царьграда) . . . 103

VIII. Къ вопросу о Китайско-Японскомъ столкновеніи. *Д. Иловайскаго.* 107

IX. Нѣсколько словъ по поводу армянскаго вопроса. *Лео.* . . 110

X. Письмо изъ Яффы. *С—въ.* 118

XI. **Зарубежное Славянство.**

Сербія 119

Письмо изъ Сербіи. *М. Ж.* 130

Страшная казнь. Герцоговинская быль. *В. Врчевича.* Съ сербскаго перев. *М. Жерайча* 132

XII. **Вопросы внутренней жизни:**

Необходимость измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ духовно-академическаго устава для пользы богословской науки и церкви. Проф. *А. Гусева* 145
Наши университетскіе диспуты. *Н. Щ.* 161
Дѣятельность С.-Петербургскаго Комитета грамотности. *М. Т.* 163
Наша учащаяся молодежь. *М. Т.* 167
Сельскохозяйственныя промышленныя желѣзныя дороги . . 171
XIII. Объявленія.

Приложеніе **БЛАГОВѢСТЪ**. Февраль 1895 г.

Содержаніе: „Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ“. (Продолженіе). Статья *Е. Апостолиди.*

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ ТИПА.

(Критическій очеркъ).

Русская критическая литература, которая на значительномъ протяженіи времени присвоивала себѣ названіе «реальной» критики, тѣмъ не менѣе не богата изслѣдованіями, въ которыхъ разъяснялось бы историко-общественное значеніе типовъ, выведенныхъ русскою художественною литературою. Не нужно обманываться на этотъ счетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что критика русская, повидимому, только тѣмъ и была занята, что разъясняла общественный смыслъ литературныхъ явленій. Разъясненія эти, почти безъ исключенія, имѣли характеръ болѣе простой—и болѣе безплодный, именно характеръ осужденія дурныхъ свойствъ литературныхъ персонажей и призывъ читателей къ сознанію недостатковъ нашего общественнаго устройства; мы же говоримъ о генезисѣ литературныхъ типовъ, о томъ, какъ, подъ какими историческими вліяніями они сложились въ русскомъ обществѣ, и затѣмъ какое значеніе они должны были имѣть въ немъ, въ его умственной и нравственной жизни. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ передъ нами еще почти непочатое поле.

Между тѣмъ, быть можетъ, ни одна изъ литературъ европейскихъ народовъ не нуждается до такой степени въ изслѣдованіяхъ этого рода, какъ литература русская. На всемъ протяженіи ея самостоятельнаго существованія красною нитью проходитъ въ ней настойчивое стремленіе изобразить и разъяснить все одного и

того же типическаго представителя русскаго образованнаго общества, лишь въ нѣсколько различныхъ условіяхъ жизни; и этотъ типъ, въ которомъ нельзя не видѣть выразителя какого-то страннаго и тяжелаго русскаго «умственнаго недуга», какъ выразился Гончаровъ, нельзя не видѣть яснаго противорѣчія между направленіемъ русскаго образованія и русской жизнью, странной безплодности образованія для послѣдней,—всегда заслуживалъ самаго строгаго и пристальнаго вниманія со стороны своего историческаго происхожденія и общественнаго значенія. Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Тентетниковъ, Лишній человѣкъ, Обломовъ и проч. и проч.—всѣ эти имена со многими другими, появлявшимися въ художественныхъ произведеніяхъ русской литературы даже до послѣднихъ дней, говорятъ намъ о высокой общественной важности общаго типа, для котораго они служатъ частными выраженіями, и о необходимости возможно полнѣе понять и осмыслить его. Всѣ эти знакомые намъ образы суть показатели стремленія русскаго общества къ самосознанію, и критическія изслѣдованія ихъ съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыя мы указываемъ, проведенныя съ должной обстоятельностію и послѣдовательностію, были бы новымъ и плодотворнымъ шагомъ въ дѣлѣ русскаго общественнаго самосознанія. Выполненіе этой огромной задачи, по нашему глубокому убѣжденію, составитъ дѣло не одного поколѣнія русскихъ критиковъ—въ болѣе счастливое, чѣмъ наше, время для литературной мысли.

Въ настоящей статьѣ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя прежде всего на преобладающемъ значеніи въ русской литературѣ Пушкинскаго «Евгенія Онѣгина» съ намѣченной нами точки зрѣнія. Этимъ романомъ геніальнаго поэта русская литература, бывшая дотого подражательною столько же по формамъ, сколько и по содержанію, впервые выступила на самостоятельную дорогу; онъ, какъ мы увидимъ, послужилъ и прямымъ источникомъ всего послѣдующаго литературнаго движенія, полный расцвѣтъ котораго приходится на сороковые и пятидесятые года. Главнѣйшіе художественные типы въ послѣдующей русской литературѣ представляютъ только дальнѣйшее развитіе и развѣтвленіе той же мысли, которую выразилъ въ своемъ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ. Но великій русскій поэтъ изобразилъ въ своемъ героѣ современнаго ему образованнаго русскаго человѣка съ такой полнотою и объективностью, съ такою умственною независимостью, что всѣ послѣдующія изображенія

того же типа,—Печоринъ, Рудинъ, Обломовъ и т. д. сравнительно съ нимъ, по нашему мнѣнію, односторонни, и даже не могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты безъ Онѣгина. И только уже въ созданіяхъ гр. Л. Н. Толстого мы вновь встрѣчаемся съ образами, представляющими столь же многосторонній и объективный анализъ того явленія, которое изобразилъ въ Онѣгинѣ Пушкинъ. Великій поэтъ ничего не убавилъ и не прибавилъ въ своемъ геро̀ѣ, что могло бы навести читателя или критику на то или другое предвзятое толкованіе, какъ это дѣлали его литературные потомки. Какъ истинный поэтъ, покорный своему вдохновенію, онъ, не мудрствуя лукаво, возвелъ въ сознаніе существующій общественный фактъ, значеніе котораго, при тогдашнемъ складѣ воззрѣній, не могло быть хотя бы въ самой отдаленной степени, указано ни кѣмъ изъ современниковъ, какъ не было долго указано и критикой. Если бы онъ, подобно слѣдовавшимъ за нимъ писателямъ, былъ увлеченъ желаніемъ не оставить читателей въ недоумѣніи передъ загадочнымъ образомъ, если бы онъ сталъ пояснять его извѣстнымъ подборомъ событій въ романѣ, мы имѣли бы только мнѣніе автора о современной ему эпохѣ и людяхъ въ ней, но рисковали бы лишиться полной картины мудренаго явленія. Сказанное именно и поясняетъ ту мысль, что безъ «Евгенія Онѣгина» не могутъ быть хорошо поняты позднѣйшіе литературные факты.

Но эта же самая, высокая объективность изображенія создавала и трудность пониманія Онѣгина, какъ представителя общественнаго типа, народившагося подъ вліяніемъ европейскаго образованія, дѣлала возможнымъ весьма разнообразное толкованіе его. Для потомковъ не осталось сомнѣнія, что Онѣгинъ—не есть подражательное изображеніе чего-то вродѣ Байроновскихъ героевъ. Не много прошло послѣ появленія его времени, — и въ литературѣ появились такіе персонажи, какъ Обломовъ и Тентетниковъ, россійское происхожденіе которыхъ не могло уже составлять вопроса. Первый изъ подобныхъ героевъ по времени созданія, Тентетниковъ, лишенъ своимъ авторомъ всякаго «демонизма» и загадочности; Гоголь взялъ въ немъ такого незначительнаго и смирнаго малаго, такого простѣйшаго изъ простыхъ образованныхъ людей тогдашней Россіи, настолько лишилъ его всякаго убранства человѣкоубійствомъ и привлекательностью для женщинъ, какія мы находимъ въ Онѣгинѣ и Печоринѣ, поставилъ его въ столь реальныя условія, къ окну деревенскаго дома,—что весь байронизмъ какъ рукой сняло съ зага-

дочнаго героя, и вышелъ изъ него простой «коптитель неба», по характеристикѣ самого автора его. А между тѣмъ его родство съ Онѣгинымъ и Печоринымъ и со всѣми «лишними» людьми русскими осталось всё-таки очевиднымъ. Послѣ такого героя, повторяемъ, сомнѣнія относительно дѣйствительнаго присутствія въ русской жизни Онѣгиныхъ и Печориныхъ мѣста не имѣли. Но современники Пушкина могли иначе взглянуть на дѣло, тѣмъ болѣе, что самъ поэтъ давалъ какъ бы поводъ заподозрить въ героѣ просто «москвича въ Гарольдовомъ плащѣ», или въ смыслѣ простого литературнаго изображенія, созданнаго фантазіей, или же въ смыслѣ дѣйствительнаго, но совершенно мелкаго явленія,—моднаго подражателя заграничнымъ героямъ.

Любопытно, однако,—и это должно внимательно отмѣтить въ исторіи вліянія «Онѣгина» на русское общество,—общество это не отказалось признать въ немъ своего. Какъ это всегда бываетъ, одни увидѣли въ героѣ «сатиру» на русское образованное общество, и Пушкинъ долженъ былъ оправдываться въ этомъ даже передъ своими умными друзьями. По поводу первой главы, появившейся въ 1825 году, отражая дружескія нападки, онъ писалъ: «Гдѣ у меня сатира? О ней и помина нѣтъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»... Самое слово «сатирическій» не должно бы находиться въ предисловіи (оно было употреблено, однако, самимъ Пушкинымъ). Многіе взглянули на Онѣгина съ точки зрѣнія просто личной нравственности. Бѣлинскій, живой свидѣтель тогдашняго времени, предъ которымъ прошли не одни отзывы печати, а и сужденія въ обществѣ, категорически говоритъ, что такое воззрѣніе было и не исчезло даже и во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. «Мы помнимъ, говоритъ онъ, какъ горячо многіе читатели изъявляли свое негодованіе на то, что Онѣгинъ радуется болѣзни своего дяди и ужасается необходимости корчить изъ себя опечаленнаго родственника.

«Вздыхать и думать про себя:

— Когда же чортъ возьметъ тебя!»

«Многіе и теперь этимъ крайне не довольны. Безсердечное убійство Ленскаго, отношенія къ Татьянѣ и всѣ вообще дѣянія Онѣгина не могли конечно расположить къ нему строгихъ судей; его находили холоднымъ эгоистомъ и лицемѣромъ».

Нашлись, однако, элементы въ обществѣ, которымъ Онѣгинъ даже понравился. Когда появилась первая глава романа, только что основанный тогда въ Москвѣ «Московскій Телеграфъ» причислилъ его къ «истинно шуточнымъ поэмамъ»; Онѣгина онъ

понялъ, какъ «шалуна съ умомъ, вѣтренника съ сердцемъ — онъ знакомъ намъ, мы любимъ его»; и хотя журналъ называлъ романъ «національнымъ», но потому, что въ немъ «видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, *которымъ всѣ мы не чужды были никогда*».

Такъ или иначе, но никто не думалъ искать въ Онѣгинѣ просто подражательную литературную фантазію, лишенную значенія «реальнаго», въ современномъ узкомъ смыслѣ этого слова; и въ критикѣ дѣло шло только о признаніи и не-признаніи изображеннаго героя строго вѣрнымъ дѣйствительности. При такомъ характерѣ типа въ позднѣйшей критикѣ должны были появиться болѣе подробные анализы его, разъясненія его значенія. Но тутъ мы сталкиваемся съ понятнымъ фактомъ, что оцѣнить Онѣгина близкіе къ нему потомки не могли и не умѣли, въ нихъ самихъ были тѣ свойства Онѣгина, которыя создавали изъ него типъ, и безпристрастный анализъ ихъ ускользалъ изъ ихъ рукъ.

Бѣлинскому пришлось анализировать Онѣгинскій типъ въ то время, когда уже ясно обозначилось раздѣленіе мыслящихъ людей Россіи на западниковъ и славянофиловъ. Бѣлинскій самъ былъ, какъ извѣстно, на сторонѣ первыхъ, и это должно было наложить на его сужденія объ Онѣгинѣ ясный, какъ о представителѣ европейскаго образованія въ русскомъ обществѣ, колоритъ, увлечь его въ сторону преувеличенной защиты Пушкинскаго героя. «Онѣгинъ»— писалъ онъ:—«есть поэтически вѣрная картина русскаго общества въ извѣстную эпоху». Еще ближе и опредѣленнѣе его мысль. что въ «Евгеніи Онѣгинѣ» представлена «нравственная физіономія *наиболѣе оевропеившагося* въ Россіи сословія». Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ сужденіемъ точнымъ и яснымъ, неоспоримо вѣрнымъ. Прямымъ и непзбѣжнымъ образомъ ставился непосредственно вопросъ: если «оевропеиваніе» русскаго общества идетъ такимъ порядкомъ, что въ результатѣ получаются Онѣгины, то не идетъ ли оно путемъ неправильнымъ? Бѣлинскій какъ человѣкъ честной и неподкупной мысли, и какъ въ тоже время ревностный поборникъ *европейскаго образованія*, не задумался рѣшить этотъ вопросъ косвеннымъ образомъ отрицательно, возведя всѣ пороки онѣгинскаго типа въ добродѣтели, въ проявленія «высшей образованности», въ проявленія русскаго прогресса, выразившагося, «почти исключительно въ томъ сословіи», къ которому принадлежалъ Онѣгинъ. Его, Онѣ-

гина, «тоскующая лѣнь» — есть результатъ «необразованности среды». Высокомѣрное, полупрезрительное, подъ личиною внѣшнихъ приличій, отношеніе Онѣгина къ простой радушной деревенской семьѣ Ларинныхъ онъ объясняетъ такъ: «Правда, Онѣгину было дико въ обществѣ Ларинныхъ, но образованность еще болѣе чѣмъ свѣтскость была причиною этого. Не спорнмъ, общество Ларинныхъ очень мило, особенно въ стихахъ Пушкина; но намъ, хоть мы и совсѣмъ не свѣсткіе люди, было бы въ немъ не совсѣмъ ловко»... Признакомъ особеннаго развитія являются у Бѣлинскаго даже такія мысли Онѣгина, какъ про дядю: «когда же чортъ возьметъ тебя?» Противопоставляя Онѣгина «какому нибудь бѣдному чиновнику, который вдругъ видитъ себя наслѣдникомъ богатаго дяди старика» и лицемѣрно ухаживаетъ за нимъ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что «къ особенностямъ людей свѣтскаго общества принадлежитъ отсутствіе лицемѣрства (!)». И на вопросъ, кто же мѣшаетъ Онѣгину отказаться отъ низкой роли, которую онъ такъ ясно представлялъ себѣ, Бѣлинскій отвѣчаетъ: «Какъ что? Чувство деликатности, человѣчности», — забывая, что Онѣгинъ заботился о наслѣдствѣ, и нисколько о человѣчности. Озлобленный умъ Онѣгина является у Бѣлинскаго «признакомъ высшей натуры». Въ убійствѣ Ленскаго Онѣгинъ правъ, потому что убилъ его «не ни за что, а за то, что тотъ самъ хотѣлъ убить его совершенно ни за что и первый вызвалъ его на дуэль»,—мысль, въ которой совершенно не вѣрно представляется фактъ, — забыто, именно, оскорбительное поведеніе Онѣгина у Ларинныхъ. Наконецъ, Онѣгинъ пренебрегъ Татьяной, «въ смиренной долѣ» только потому, что «человѣкъ не можетъ располагать движеніями сердца, любить и разлюблять по своей волѣ», и на томъ же основаніи онъ полюбилъ Татьяну, когда она стала знатной особой. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій вскользь замѣчаетъ, что «ореолъ свѣткости не могъ не возвысить Татьяну въ глазахъ Онѣгина», разрушая этимъ однимъ на половину всѣ свои разсужденія. Защита «образованности», очевидно, увлекла Бѣлинскаго за предѣлы справедливаго рѣшенія вопроса. Воззрѣніе его, конечно, удержаться не могло; слишкомъ уже очевидно было противорѣчіе между нимъ и образомъ Пушкинскаго Онѣгина. Но основная точка зрѣнія среди западниковъ осталась та же — объясненіе пороковъ Онѣгина пороками исключительно русской жизни. Добролюбовъ, которому случайно пришлось говорить объ Онѣгинѣ по поводу Обломова, не затруднялся поставить его рядомъ съ героемъ романа Гончарова.

Въ то время «умственный недугъ» Россіи почитался вполнѣ объясненнымъ: виновата во всемъ была «обломовщина», умственная помѣщичья лѣнь, не допускающая человѣка возвыситься до предпріимчиваго Штольца, изъ ничего создающаго капиталы, и Онѣгинъ, казалось, получилъ въ Обломовѣ полное объясненіе.

Несостоятельность этого возрѣнія, однако, также вполнѣ очевидна. Ни по воспитанію, ни по натурѣ Онѣгинъ совершенно не похожъ на Обломова, хотя они и суть представители одного и того же типа. Одинъ — «оевропеившійся» человѣкъ, другой — истинное дитя Обломовки, не могшій никакъ отрѣшиться отъ родного лежанья; онъ ли ужь не остался вѣренъ прадѣдовскимъ завѣтамъ. Одинъ—два раза садится за книги и оставляетъ ихъ потому, что «въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ»; другой — просто засыпаетъ надъ книгой. Одного мучитъ «охота къ перемѣнѣ мѣстъ», другого насильно перетаскиваютъ съ одной квартиры на другую. У одного—«мечтамъ невольная преданность», у другого — только сонъ, и т. д. и т. д. Добролюбовъ сопоставилъ многихъ героевъ русской литературы съ Обломовымъ съ такимъ же шаткимъ правомъ. Всѣхъ онъ обвиняетъ въ невѣжествѣ и умственной лѣни; но Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, но Рудинъ даже — совсѣмъ не были необразованны, и Онѣгинъ скорѣе принадлежитъ къ ихъ числу, чѣмъ къ числу Обломовыхъ. Сказаннаго вполнѣ достаточно для доказательства ложности параллели, проведенной Добролюбовымъ. И если «обломовщина», требующая, однако, болѣе близкаго разсмотрѣнія, и годится для объясненія Обломова, то ни въ какомъ случаѣ не идетъ она для лихорадочно ищущаго дѣла Рудина и мечущагося въ тоскѣ Онѣгина. Тѣмъ не менѣе знаменитый критикъ создалъ своею статьей весьма живучее воззрѣніе, т. е. недоразумѣніе собственно, которое находило и находитъ понынѣ послѣдователей. Добролюбовъ указалъ, однако, существенное, типическое свойство всѣхъ героевъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Взятые изъ разныхъ слоевъ общества, выросшіе подъ различными вліяніями, отличные другъ отъ друга темпераментами и свойствами ума, всѣ они, тѣмъ не менѣе, сходны—полной непригодностью для общества, для жизни.

Къ тому же роду западническихъ воззрѣній необходимо отнести мнѣніе И. А. Гончарова, сказавшаго въ своемъ извѣстномъ критическомъ этюдѣ «Милліонъ терзаній»: «онъ (Чацкій) искренній и горячій дѣятель, а тѣ (Онѣгинъ и пр.)—паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія

отжившаго вѣка», при чемъ, конечно, разумѣется, что болѣзненныя порожденія эти составляютъ результатъ русскихъ основъ жизни, которыхъ не можетъ побороть европейское просвѣщеніе, европейская образованность. Во всякомъ случаѣ воззрѣніе Бѣлинскаго было отринуто; Онѣгинъ былъ низведенъ изъ «осевропеившихся», по образованности поступающихъ не хорошо, людей—въ разрядъ существъ, созданныхъ русскимъ крѣпостничествомъ и невѣжествомъ.

Рядомъ съ этими воззрѣніями постепенно возникалъ совершенно отличный отъ нихъ строй мысли, дававшій Онѣгину и другимъ героямъ его типа совершенно иное толкованіе. Его вносили славянофильскія воззрѣнія, и крупнымъ выразителемъ ихъ явился Аполлонъ Григорьевъ. Григорьевъ въ своихъ воззрѣніяхъ на литературу исходилъ изъ того общаго представленія, что въ ней совершается борьба между чуждыми русскому уму и чувству идеалами и еще невыяснившимися идеалами русскими, самобытными; литература стремится создать эти послѣднія, постепенно побѣждая привившіеся къ ней идеалы запада. Въ Пушкинѣ онъ видѣлъ великаго поэта, въ которомъ эта борьба сказалась съ полною силою. Душа Пушкина подчинялась различнымъ идеаламъ, стремилась подняться до нихъ, создать равные имъ, но, какъ натура живая и самобытная, великій поэтъ русскій не могъ вполнѣ подчиниться имъ и создавалъ новые, самобытные типы, на которыхъ лежала печать нашего народнаго духа, нашего «типоваго». Во всей дѣятельности Пушкина онъ видѣлъ доказательство этой мысли; начавъ съ «Кавказскаго плѣнника», «Алеко» и пр., онъ, въ концѣ концовъ, пришелъ къ повѣстямъ Бѣлкина и къ «Капитанской дочкѣ», въ которыхъ нѣтъ уже «безъпмянныхъ страданій» и «высокопарныхъ мечтаній». Григорьевъ съ любовью останавливается на строфахъ, гдѣ Пушкинъ говоритъ о смѣнѣ своихъ «высокопарныхъ мечтаній» на любовь къ «песчаному косогору», «къ двумъ рябинамъ передъ избушкой», и проч.—къ простой сельской картинѣ съ ея радостями и печалями, затѣмъ о томъ, что его «идеалъ теперь — хозяйка, его желанія—покой, да щей горшокъ, да самъ большой».

Отсюда понятно, какъ долженъ былъ Григорьевъ смотрѣть на Онѣгина. Онъ видѣлъ въ немъ «все таки русскаго человѣка множествомъ чертъ своей натуры», но только поставленнаго въ ложное положеніе *оторванностью отъ русскихъ идеаловъ*, *„безпочвен-*

постью". «Мрачный сплинъ и язвительный скептицизмъ Чайльдъ-Гарольда — замѣчаетъ онъ: — замѣнился въ Онѣгинѣ хандрою отъ праздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностью здороваго смысла, т. е. прирожденною, а не пріобрѣтенною критическою способностью, который — критикъ потому, что даровитъ, а не потому, что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причинъ своего критическаго настройства въ озлобленіи, и которому та же критическая способность можетъ—того и гляди—указать дорогу выйдти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу». По мысли Григорьева, такимъ образомъ, европейскіе идеалы, которымъ подчиненъ Онѣгинъ, принижаютъ его натуру, которая сама по себѣ выше ихъ. Онѣгинъ является тутъ не съумѣвшимъ отстоять свою самостоятельность и самобытность противъ вліянія чуждыхъ идеаловъ, не сродныхъ его натурѣ.

Аполлонъ Григорьевъ имѣлъ своихъ послѣдователей, развивавшихъ его воззрѣнія. Одинъ изъ нихъ (г. Страховъ), по поводу «Отцевъ и дѣтей» говоритъ, что Базаровъ есть прямой, непосредственный подражатель Онѣгиныхъ, Печорины хъ, Рудиныхъ, Лаврецкихъ; въ Базаровѣ же онъ видитъ изображеніе «жизни *подъ мертвящимъ вліяніемъ теоріи*». «Всѣмъ извѣстно», замѣчаетъ онъ, что наши живые представители, что носители думъ нашихъ поколѣній уже съ давняго времени отказываются быть практиками, «что дѣятельное участіе въ окружающей ихъ жизни для нихъ издавна невозможно». Въ статьяхъ своихъ о «Войнѣ и мирѣ» гр. Толстого тотъ же авторъ подробнѣе развиваетъ свою мысль въ ея общемъ значеніи. Господствующую у насъ образованность, представителями которой были и Онѣгинъ, и Рудинъ, и Базаровъ, и всѣ герои художественныхъ произведеній, онъ называетъ «фальшивою, неимѣющею никакихъ корней». «Для плодотворности образованія», говоритъ онъ, «требуется самостоятельное, самобытное умственное развитіе. Необходимо, чтобы мы жили не чужою, а своею умственною жизнью,—чтобы чужія идеи не просто отпечатлѣвались или отражались на насъ, а превращались бы въ нашу плоть и кровь... Мы не должны быть воскомъ, отливающимся въ готовыя формы, а должны быть живымъ существомъ, которое всему имъ воспринимаемому даетъ свои собственныя формы, образуемыя имъ по законамъ своего собственнаго развитія». Съ этой точки зрѣнія авторъ смотритъ на нашихъ героевъ, какъ на носителей несамобытной, фальшивой образованности, находя ихъ черты

во всѣхъ явленіяхъ нашего умственнаго развитія, во всемъ нашемъ прогрессѣ.

Оригинальное развитіе тѣмъ же мыслямъ далъ Достоевскій въ своей извѣстной «Рѣчи» на Пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ. «Пушкинъ», говорилъ онъ, «первый, своимъ глубокимъ прозорливымъ и геніальнымъ умомъ и чисто русскимъ сердцемъ своимъ, отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интеллигентнаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, возвысившагося надъ народомъ. Онъ отмѣтилъ и выпукло поставилъ передъ нами отрицательный типъ нашъ, безпокоющагося и не примиряющагося, въ родную почву и въ родныя силы ея не вѣрующаго, Россію и себя самого (т. е. свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникшій надъ родной почвой нашей) въ концѣ концовъ отрицающаго, дѣлать съ другими не желающаго и искренно страдающаго... Правда, и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ. Конечно, *слыхалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ.* Вѣритъ лишь въ полную *невозможность какой бы то ни было работы на родной почвѣ*»... И нравственную мысль, истекающую изъ романа, равно какъ и изъ поэмы «Цыганы», Достоевскій облекаетъ въ слѣдующія слова: «Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной почвѣ... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ... не за моремъ гдѣ нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою»...

Передъ нами, такимъ образомъ, два цикла воззрѣній, совершенно другъ другу противоположныхъ, другъ друга исключающихъ. Каждое изъ нихъ, однако, проведено русской критикою лишь въ общихъ чертахъ, въ формѣ общихъ положеній, и существованіе ихъ нисколько не противорѣчитъ, даже въ этомъ частномъ случаѣ, мысли о скудости русской критической литературы. Высказывая свои мнѣнія къ случаю, по поводу, ни одинъ изъ приведенныхъ авторовъ не устремляетъ своихъ усилій на отысканіе доказательствъ своихъ положеній. Противорѣчивыя мнѣнія для читающей публики существуютъ, такимъ образомъ, рядомъ, какъ двѣ теоріи, одинаково вѣроятныя, одинаково имѣющія основанія, и попытокъ строгимъ анализомъ отыскать, на чьей сторонѣ правда, почти не было.

Но что же можетъ быть важнѣе рѣшенія вопроса: создался ли онѣгинскій типъ подъ гнетущимъ вліяніемъ русской жизни въ

своихъ народныхъ и государственныхъ основахъ, или же онъ возникъ подъ вліяніемъ «фальшивой образованности» интеллигентнаго русскаго класса, какъ результатъ умственной несамостоятельности, несамобытности? Самый романъ Пушкина, повидимому, не могъ говорить надвое, и въ немъ самомъ должны бы найтись данныя для рѣшенія нашего вопроса. Но съ одной стороны трудно опираться единственно на него, когда онъ далъ возможность существовать двумъ столь противоположнымъ мнѣніямъ. А съ другой стороны,—«отчужденіе отъ народныхъ началъ», «подчиненіе европейскимъ идеаламъ», «безпочвенность» и пр. — все это такія выраженія, которыя можно понимать весьма различнымъ образомъ, все это слишкомъ общія выраженія. И для того, чтобы ясно представить себѣ, былъ ли Онѣгинъ жертвою русской жизни, ея застоя, не поддававшагося «благодѣтельнымъ воздѣйствіямъ европейской цивилизаціи», или же безсиліе его происходило отъ подчиненія чуждымъ идеаламъ, — для этого необходимо выяснить, насколько возможно прямыми фактами, въ чемъ состояло такое вліяніе русской жизни, или какъ именно чуждые идеалы вели къ той странной роли, которую играли въ обществѣ люди онѣгинскаго типа. Трудно, конечно, ожидать, чтобы романъ или вообще какое бы то ни было художественное произведеніе, говорящее образомъ, могло на вопросы такого отвлеченнаго характера дать положительные, отвлечено-формулированные отвѣты. Но на помощь роману приходитъ исторія,—и задача значительно приближается къ рѣшенію. Съ помощью историческихъ данныхъ, при свѣтѣ историческаго освѣщенія, крупныя и осмысленныя черты Онѣгина становятся еще осмысленнѣе, лежащая въ немъ противоположность, противорѣчіе другимъ типамъ—Ленскому, Татьянѣ, проглядываетъ еще выпуклѣе; вы не только уже знаете это лицо, но близко знакомы съ его образомъ мыслей—и угадываете то, очемъ онъ умалчиваетъ. Такая помощь исторіи нужна только намъ, потомкамъ; современникамъ она нужна не была,—Онѣгинъ былъ передъ ними въ жизни: но настоящее пониманіе рѣдко дается современникамъ.

Что же говоритъ исторія временъ Пушкина и Онѣгина? Въ короткой характеристикѣ литературнаго типа возможны, конечно, только самыя общія историческія указанія, и мы остановимся на выводахъ одного изъ «западническихъ» историковъ, въ высокой степени компетентнаго въ вопросахъ исторіи того времени. «У людей александровскаго времени (когда и былъ Онѣгинъ, по роману) въ предметахъ нравственной и общественной философіи было вообще

много отвлеченнаго и идеалистическаго», говоритъ историкъ. «Мысль не укладывалась въ строгую, положительную форму, въ опредѣленное требованіе; напротивъ, всего чаще она оставалась на степени *теоретическаго афоризма*, идеальнаго стремленія,—потому, конечно, что самые идеалы были слишкомъ новы, что *дѣйствительность слишкомъ мало на нихъ походила и, не давая имъ необходимой практической опоры*, поневолѣ заставлялала этихъ людей *опять возвращаться къ идеаламъ и теоріямъ*». Нельзя яснѣе выразить всю ненормальность умственнаго направленія эпохи, и оно должно было приносить горькіе плоды. Невозможно же было требовать, чтобы дѣйствительность вдругъ превратилась въ осуществленіе теорій и идеаловъ, попавшихъ въ головы освропеившихся людей Россіи; не дѣйствительность, конечно, должна была придти къ нимъ и стать подъ мѣрку ихъ идеаловъ, а они должны были придти къ дѣйствительности и стать въ ней дѣятелями, вооруженными идеалами. Но они «возвращались къ идеаламъ и теоріямъ», т. е. вели свои умы къ «кипѣнью въ дѣйствіи пустомъ», какъ геніально выразился Пушкинъ.

Естественно и неизбѣжно теоретическіе идеалисты должны были пытаться примѣнить къ дѣйствительности свои «теоріи и идеалы». Но вотъ что говоритъ тотъ же историкъ: «Начиная съ первыхъ лѣтъ и первыхъ замысловъ императора Александра, до послѣдняго развитія тайныхъ обществъ, всѣ *идеалы общественной реформы* отличаются *слишкомъ теоретическимъ настроеніемъ*... При всемъ различіи... плановъ, въ нихъ проходитъ одна общая черта, — ихъ нѣсколько странное, далекое отношеніе къ русской жизни,—во всемъ было что-то *произвольное*, неприлаженное. Люди, задававшіеся преобразовательными идеалами, *слишкомъ легко удовлетворялись общими положеніями и готовыми рѣшеніями. И, не отдавая себѣ яснаго отчета въ русской дѣйствительности*, довольствовались однимъ *общимъ представленіемъ* о неудовлетворительности существующаго положенія вещей». «Теоріи,— продолжаетъ историкъ: — которыя были тогда въ ходу, были въ особенности теоріи политическія, навѣянныя европейскими вліяніями, а также возбуждаемыя первыми инстинктивными стремленіями русской жизни: *эти теоріи, чрезвычайно трудныя и сложныя въ сущности*, въ то же время были (казались) общедоступны, *какъ будто поддавались наглядными рѣшеніями*»... Въ этой вѣрной характеристикѣ слышится какъ будто уже обвиненіе теоретиковъ и идеалистовъ въ легкомысленномъ, не глубо-

комъ отношеніи даже къ тѣмъ самымъ теоріямъ и идеаламъ, въ непониманіи «ихъ чрезвычайной трудности и сложности». Въ примѣръ этого легкомыслія и непониманія приводятся и факты. Подъ руками «реформаторовъ» быстро создавались конституціонные планы, подкладка которыхъ заимствовалась готовая, изъ европейскихъ политическихъ идей; не сомнѣвались обращаться и прямо къ иностранцамъ, которые и сами не находили въ этомъ ничего страннаго; Лагарпъ пишетъ свой планъ, и императоръ Александръ негодуетъ, что Сперанскій его «обрусилъ»...

Дѣйствительность, конечно, оставалась глуха и слѣпа къ подобнымъ начинаніямъ; какъ всякая жизнь, она не гнулась по произволу теоретиковъ, оставаясь, по прежнему, мало похожею на волновавшіе образованныхъ людей теоріи и идеалы, притомъ такъ легкомысленно, съ такой поверхностностью составляемые. Но «теоретическое» поколѣніе, конечно, не себя обвиняло въ неудачахъ, а русскую жизнь, и это обвиненіе ея доходитъ по прямой линіи до цитируемаго историка. «Большая часть людей,—говоритъ онъ,—возымѣвшихъ тогда политическіе интересы, получили ихъ подъ непосредственными впечатлѣніями европейской жизни и посредствомъ *наглядняго сличенія русской дѣйствительности съ цивилизаціей и свободой западныхъ народовъ.*»

Въ дѣйствительности русской, конечно, было много въ высокой степени печальнаго. Но дѣло въ томъ, что теоретики сравнивали ее даже совсѣмъ и не съ европейскою жизнью, а съ теоріями и идеалами европейскими, воображая, что жизнь Европы совершенно согласна съ этими теоріями и идеалами. Здѣсь далеко не лишнее будетъ упомянуть о разочарованіяхъ, постигшихъ въ этомъ отношеніи многихъ лучшихъ русскихъ людей, когда они ближе знакомились съ Европой. Герценъ ярко отмѣтилъ разницу «между дѣйствительностью (европейской), которая возносится къ идеалу, и той, которая теряется въ грязи улицъ», онъ справедливо замѣчаетъ, что «мы знаемъ Европу книжно, литературно, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя». Но поколѣніе двадцатыхъ годовъ еще далеко было отъ критическаго отношенія къ европейской дѣйствительности и, не зная русской жизни, видя только, какъ она не похожа на европейскія теоріи, дѣйствительно должно было поражаться ея, на его взглядъ, отсталостью, некультурностью—и отворачивалась отъ нея.

Не касаясь вопроса, на сколько теоріи были разумны и примѣнимы къ русской жизни, попытаемся представить себѣ, какъ

складывалась душевная жизнь этихъ теоретическихъ приверженцевъ европейскихъ идеаловъ, въ какія отношенія становились они и къ дѣйствительности, и къ этимъ самымъ своимъ идеаламъ.

Само собою разумѣется, что, не находя въ дѣйствительности практической опоры для своихъ теорій и «возвращаясь къ идеаламъ и теоріямъ»,—выраженіе необыкновенно удачное,—идеалисты тѣхъ временъ должны были отшатнуться отъ дѣйствительности совершенно, совершенно потерять интересъ къ ней, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пониманіе ея. Ихъ собственные идеалы становились бременемъ для нихъ, не нужными, безполезными, мучительными наростами, вызывавшими то душевное состояніе, которое превосходно обрисовалъ тотъ же Герценъ въ словахъ: «Намъ нечего щадить, насъ ничего не останавливаетъ, но мы безсильны... Отсюда наша вѣчная иронія, злоба, разъѣдающая насъ и ведущая насъ въ Сибирь, на пытки, къ преждевременной смерти. Люди жертвуютъ собой безъ всякой надежды—отъ скуки, отъ тоски... Въ нашей жизни есть что-то безумное»...

Яркимъ, необыкновенно выразительнымъ примѣромъ человѣка того поколѣнія является Чаадаевъ. Прошедшій тѣмъ же путемъ мысли, какъ и всѣ его современники, испытавшій неопытнымъ юношей, въ походахъ въ Европу, могущественное впечатлѣніе европейской жизни, давшей ему идеалъ, онъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ пришелъ къ полному отрицанію настоящаго и прошлаго и даже будущаго родной земли. Во времена Пушкина, наканунѣ мощнаго литературнаго движенія, начало котораго ему даже суждено было увидѣть, онъ не видитъ въ современной ему жизни залоговъ этого будущаго, а все прошедшее Россіи представляется ему ужаснымъ... «Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые», говоритъ онъ, забывая или игнорируя величавые факты русской исторической жизни, «все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило... Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго»... Съ большой проницательностью Чаадаевъ оцѣниваетъ поистинѣ ужасное положеніе современнаго ему мыслящаго человѣка. Указывая, что народы живутъ только *„могущественными впечатлѣніями прошедшаго на умы“*, онъ говоритъ: «Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то большее, чѣмъ неосновательность. *Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности,* какъ безплодные призраки, *цѣпенѣютъ* въ нашемъ мозгу. *Человѣкъ теряется, не находя средства придти*

въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство общаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ». Но это глубокое и вѣрное представленіе о безплодности существованія, оторваннаго отъ прошедшаго, ведетъ Чаадаева не къ мысли о необходимости связать нашу цивилизацію съ нашимъ прошедшимъ; отрицая наше прошедшее, онъ считаетъ его какъ бы не существующимъ для будущности нашего отечества, потому что «сфера, въ которой живутъ европейцы,—единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія".

Чаадаевъ отмѣчаетъ въ окружающемъ его обществѣ отсутствіе „начальныхъ идей, которыя какимъ бы то ни было образомъ могли бы руководствовать насъ въ жизни", — прямое послѣдствіе безпочвенности образованія. „Хотите ли знать, что это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка,—говоритъ онъ. Онѣ развиваются отъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?"

Таковы мысли, полныя скорби, которыя удручали Чаадаева. Но сопоставляя ихъ съ фактами, приводимыми цитированнымъ выше историкомъ, невозможно не видѣть, что Чаадаевъ несправедливо переносилъ на русскую жизнь то, что составляло свойство только кучки „освропеившихся" людей русскихъ,—„могущественныя впечатлѣнія русскаго прошедшаго на умы" отсутствовали только въ этомъ классѣ людей, а простые русскіе люди жили, быть можетъ, напротивъ, подъ слишкомъ сильными впечатлѣніями этого рода, только ихъ не зналъ Чаадаевъ. Въ словахъ Чаадаева—не вся русская національная, народная жизнь, а только жизнь его собственнаго духа, жизнь теоретическихъ идеалистовъ, стоявшихъ, дѣйствительно, внѣ всякой связи съ какою-либо дѣйствительною жизнью, въ такой атмосферѣ умственной, въ которой, дѣйствительно, лучшія идеи должны были «цѣпенѣть въ мозгу отъ недостатка связи и послѣдовательности».

Отъ Чаадаева и всѣхъ тѣхъ теоретиковъ, которые, по выраженію западника-историка, „удовлетворялись легко общими положеніями и рѣшеніями, переходъ къ Онѣгину и другимъ людямъ его типа не труденъ. Въ самомъ дѣлѣ, не бросается ли въ глаза сходство, почти тождество, Онѣгина съ тѣмъ нравственнымъ и умствен-

нымъ обликомъ, который является какъ выводъ изъ наблюденій надъ дѣйствительными дѣятелями той эпохи? Онѣгинъ, конечно, не Чаадаевъ, который былъ изъ ряду вонъ выходящимъ человѣкомъ; онъ не дѣятель ни политическій, ни общественный. Но онъ такой же представитель европейскаго политическаго идеала, какимъ былъ и Чаадаевъ. Родовыя свойства ихъ—одни и тѣ же.

Онѣгинъ, какъ средній человѣкъ, подобно большинству своихъ сверстниковъ, занималъ такое положеніе въ обществѣ, которое отводило ему, вмѣсто трагической роли Чаадаева, роль почти комическую; не даромъ же въ истинно-комической роли является позже подобный ему Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. Если люди, власть имѣвшіе, могли хоть пытаться примѣнять свои мертвыя теоріи и идеалы къ дѣйствительности, не отдавая себѣ ясно отчета въ послѣдней и уже тѣмъ разрушая свое дѣло; если Чаадаевы силою ума достигали критическаго отношенія къ своему положенію и приходили хоть къ католичеству,—то что могли дѣлать, съ своими широкими, міръ обнимающими, теоріями, люди, подобные Онѣгину, не имѣвшіе ни власти, ни выдающагося ума? Единственная сфера, въ которой могъ проявить и дѣйствительно проявилъ свои идеалы Онѣгинъ, доказавъ тѣмъ свою принадлежность къ кругу мыслящихъ людей своего времени,—это сфера отношеній къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ первое же время, лишь только успѣвъ пріѣхать въ деревню дяди, „яремъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ“; но даже и этотъ «порядокъ новый учредить» онъ задумалъ, по ироническому замѣчанію Пушкина, „чтобъ только время проводить“. А далѣе, на что ему годились общѣйнія, никакого отношенія къ окружающей жизни не имѣющія, теоріи и идеалы общественной жизни? Они пригодились ему только для того, чтобы создать въ немъ тѣ типическія черты, которыя впослѣдствіи должны были получить названіе „общественнаго недуга“.

Смотря на дѣйствительность съ мнимой высоты своихъ, чуждыхъ жизни, идеаловъ, Онѣгинъ естественно долженъ былъ постоянно чувствовать себя выше всего окружающаго; и стихи Пушкина:

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно...

какъ нельзя больше примѣнялись и къ нему, хотя онъ „сноснѣе многихъ былъ“... Въ деревнѣ, гдѣ онъ «скучалъ», это эгоистическое отношеніе къ людямъ, конечно, не могло найти слишкомъ широ-

каго примѣненія; но всюду, во всѣхъ столкновеніяхъ, Онѣгинъ проявилъ его вполнѣ. Онъ не могъ провести свое отрицаніе такъ далеко, чтобы осудить, подобно Чаадаеву и другимъ, всю историческую жизнь, все прошлое Россіи, но потому, что не „имѣлъ охоты рыться въ хронологической пыли“; за то его отрицаніе вполнѣ распространяется на простую русскую семью, на усердіе ея къ гостямъ, на разговоры про дождь и ленъ, на „брусничную воду“... и пр. Его бездѣятельная жизнь кажется ему несравненно выше заботъ о льнѣ и скотномъ дворѣ.

Что Онѣгинъ былъ изъ числа тѣхъ оевропеившихся русскихъ людей, которые если не презирали, то презрительно жалѣли родину во имя европейскихъ идеаловъ, тому есть прямое доказательство и указаніе въ самомъ романѣ Пушкина. Разлюбивъ чтеніе, онъ „изъ опалы исключилъ“, какъ ясно стало Татьянѣ въ домѣ Онѣгина, „нѣсколько твореній“, въ которыхъ находилъ нѣчто родственное себѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Онѣгинѣ, какъ и въ Печоринѣ, какъ, быть можетъ, и въ болѣе серьезныхъ людяхъ тѣхъ временъ, помимо искренняго разочарованія, былъ элементъ подчиненія европейскому разочарованію, подчиненія добровольнаго, потому что нравились имъ тѣ романтическіе герои, которые олицетворяли это европейское разочарованіе. Потому-то въ книгахъ Онѣгина Татьяна и нашла „два-три романа, въ которыхъ отразился вѣкъ“. Наблюдая за отмѣтками ногтей, за чертами карандаша, словомъ, за всѣмъ, въ чемъ „Онѣгина душа себя невольно выражала“, Татьяна начинаетъ подозрѣвать, не подражанье ли онъ „современному человѣку, съ его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтанью преданной безмѣрно“; не истолкованье ли онъ „чужихъ причудъ“, чужого озлобленнаго ума; ужъ „не пародія ли онъ?“ Послѣдующія произведенія русской литературы отразили эту глупую страсть многихъ русскихъ людей—изображать изъ себя разочарованныхъ. Онѣгинъ былъ настолько уменъ, чтобы не быть простой пародіей, но несомнѣнно въ немъ проглядываетъ элементъ подражательной разочарованности. Рядомъ съ серьезнымъ увлеченіемъ теоріями и идеалами общественной жизни, въ русскомъ обществѣ знали и увлеченія идеалами протеста, разочарованія и пр., выраженными европейскими литературами. Пушкинъ и Лермонтовъ, вынесшіе на себѣ это вліяніе, служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Само собою разумѣется, что увлеченія и этими идеалами вели къ тѣмъ же слѣдствіямъ, къ тому же презрѣнію къ жизни,

въ которой не было такихъ „красивыхъ“ героевъ, какъ Чайльдъ-Гарольды и Донъ-Жуаны.

Въ романѣ мы находимъ ясныя указанія на то, что Онѣгинъ чувствовалъ фальшивость своего духовнаго настроенія и стремился освободиться отъ него, находимъ тѣ свойства, которыя указаны Ап. Григорьевымъ.

Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Дождливой скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ; онъ увидитъ
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря.

Такъ иронически описываетъ Пушкинъ превращеніе своего героя въ патріота. Строфы эти написаны въ 1829 году, и онѣ показываютъ, что самъ Пушкинъ уже въ то время не слишкомъ довѣрялъ искренности или, по крайней мѣрѣ, прочности идеалистическихъ увлеченій Онѣгина и ему подобныхъ. Путешествіе Онѣгина по святой Руси, однако, открываетъ передъ нами прочность „разочарованія“, душевнаго разлада съ русской жизнью, непониманіе и даже нежеланіе понять ее, проникнуть въ ея не мудрыя тайны. Ни Новгородъ съ его великимъ прошлымъ, ни политый русскою кровью Кавказъ съ его будущимъ, ни что, проходившее передъ его глазами, не возбуждаетъ въ немъ интереса. „Тоска! Тоска!“—единственный припѣвъ, сопровождающій его путевыя впечатлѣнія. Равнодушіе Онѣгина къ великому прошлому Россіи, къ ея святой старинѣ тутъ опять невольно приводитъ на память Чаадаева съ его словами: „Въ самомъ началѣ (нашей исторіи) дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей... Вотъ горестная исторія нашей юности“... и т. д. Какъ будто дикаго варварства „въ самомъ началѣ“, грубаго суевѣрія затѣмъ, и проч. и проч., не было у всякаго другаго народа! Не русская жизнь, возбуждающая только „тоску“ въ Онѣгинѣ, является въ романѣ причиною умственныхъ и нравственныхъ

бѣдствій Онѣгина. Пусть дѣйствительно бы душили его пошлость окружающаго и крѣпостническій строй русской жизни, и негдѣ было бы ему развернуть своихъ богатыхъ силъ; но вѣдь дѣйствовали же другіе на пользу родинѣ въ это самое время! Предположите, что Онѣгинъ, возросшій на почвѣ бездѣятельнаго барства, потерялъ способность къ полезному труду и лишенъ былъ основательнаго образованія, и передъ вами встанутъ неотразимыя возраженія, что Онѣгинъ, по роману, и уменъ и энергиченъ, а въ сравненіи съ средой отличается рѣшительно рѣдкимъ образованіемъ; уже одна „мечтамъ невольная преданность“ обнаруживаетъ въ немъ человѣка идеальныхъ стремленій. Наконецъ, если онъ не могъ мириться съ дѣятельностью въ обществѣ, онъ могъ бы, говоря словами Грибоѣдова, вперить въ науки умъ, „жаждущій познанья“,—но и этого не было. Даже крѣпостническая обезпеченность матеріальная немного способна пояснить характеръ Онѣгина; Рудинъ, Базаровъ и нѣкоторые другіе герои Онѣгинскаго типа—совершенные бѣдняки, и это, однако, не мѣшаетъ имъ оставаться совершенно безполезными и бездѣятельными теоретиками.

Въ романѣ Пушкина отыскиваются, между тѣмъ, какъ извѣстно, не однѣ эти отрицательныя черты, воспрещающія принять только свойства русской жизни за причину безполезности и безнравственности Онѣгина и ему подобныхъ. Этотъ оевропепвшійся человѣкъ всюду и постоянно играетъ роль печальную, совершаетъ дѣянія, свидѣтельствующія совсѣмъ не о душевной высотѣ и превосходствѣ. Наоборотъ, Татьяна, „русская душою“, представляетъ собою по сравненію съ нимъ идеалъ нравственной чистоты. Онѣгинъ—рабъ своихъ страстей; Татьяна—олицетвореніе подчиненія долгу. Онѣгинъ — герой; Татьяна—совсѣмъ простой человѣкъ. Съ какою трогательною простотой и, дѣйствительно, умомъ, съ какою беззавѣтной искренностью она, свободная, повинуясь внушенію своего чистаго чувства, писала Онѣгину о своей любви къ нему. Съ какимъ высокимъ самоотверженіемъ она подчиняется чувству долга, когда Онѣгинъ, уже поздно, отвѣчаетъ взаимностью на ея чувство. Въ Татьянѣ вы постоянно видите живого человѣка, не изломаннаго сухою доктриной и мертвящей теоретичностью. Одно изъ главнѣйшихъ ея свойствъ, отсутствіе котораго въ Онѣгинѣ попстинѣ поражаетъ, — любовь къ природѣ, безъ которой не мыслимъ истинно живой и чувствующій человѣкъ. Блескъ столичной жизни, столь привлекавшій Онѣгина, не имѣетъ, напротивъ того, почти никакой цѣны для Татьяны, потому что въ немъ дѣй-

ствительно нѣтъ истинной цѣнности, а только „постылой жизни мишура“. Безыскусственность, простота, но содержательность душевной жизни Татьяны поразительны въ сравненіи съ жизнью Онѣгина. И если въ ней, — а это несомнѣнно, — Пушкинъ выразилъ столкновеніе русской простой, безпритязательной мысли съ теоретичностью и безпочвенностью тогдашнихъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, то всѣ нравственныя преимущества, очевидно, на сторонѣ первой.

Даже въ самомъ Онѣгинѣ, въ его духовной раздвоенности, вы находите доказательства послѣдней мысли. Аполлонъ Григорьевъ былъ очень правъ, указывая, что Онѣгинъ внутри себя проще и лучше своихъ идеаловъ, которые онъ признавалъ, къ которымъ стремился и указанія на которые Татьяна нашла въ подборѣ книгъ и замѣткахъ Онѣгина. Рабъ своихъ идеаловъ, которымъ наполовину не вѣритъ, Онѣгинъ чувствомъ и умомъ постоянно не на сторонѣ ихъ. Такъ передъ дуэлью съ Ленскимъ онъ обвиняетъ себя, думаетъ, что „могъ бы чувство обнаружить, а не щетиниться, какъ звѣрь“,—но „пружина чести нашъ кумиръ!“ — и потому, „всѣмъ сердцемъ юношу любя“, онъ все-таки убиваетъ его, дѣлаетъ его жертвой своей гордости и боязни „общественнаго мнѣнія“, т. е. по его собственному же объясненію—„шопота и хохотни глупцовъ“. Понятно, что Татьяну повергаетъ въ удивленіе,—какъ онъ, съ его „сердцемъ и умомъ“, постоянно остается „чувства мелкаго рабомъ“.

Изслѣдованіе, такимъ образомъ, показываетъ, что критики славянофильскаго настроенія были гораздо ближе къ пониманію смысла величайшаго произведенія русской литературы, чѣмъ западники, въ воззрѣніяхъ которыхъ на Онѣгина произошелъ, къ тому же, какъ мы видѣли, недвусмысленный расколъ. Смыслъ „Евгенія Онѣгина“, имѣющій неотразимое и великое значеніе, ясенъ и простъ. И не только въ Онѣгинѣ, но и въ Ленскомъ онъ смотритъ на читателя открытыми очами. Этотъ симпатичный юноша, съ младенчески чистой, но, по тогдашнему обычаю, съ „геттингенскою“ душой, а не русскою,—поетъ „поблеклый жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“. Онъ, представитель россійскаго подражательнаго сентиментализма, погруженный въ пучины „мудрости туманной“, производитъ странное впечатлѣніе отсутствіемъ самостоятельной духовной жизни. И какіе печальные плоды всей этой умственной заимствованной жизни предсказываетъ ему Пушкинъ на тотъ случай, если бы онъ не палъ жертвою „души себялю-

бивой и сухой, мечтанью преданной безмѣрно“: „Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ, пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ...“—вотъ „обыкновенный удѣлъ“, который считалъ поэтъ возможнымъ для „задумчиваго мечтателя“...

Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, если ужь нужно искать въ немъ непосредственнаго общественнаго нравоученія, всего сильнѣе звучитъ призывъ къ самостоятельной умственной жизни, къ развитію самобытныхъ основъ существованія, въ противоположность европейничанью и подражательности. И странно, поражающе то недоразумѣніе, по которому въ столь ясномъ художественномъ созданіи русскаго генія могли находить смыслъ почти прямо противоположный.

Изслѣдованіе другихъ дѣйствующихъ лицъ, выведенныхъ русскою литературою въ качествѣ представителей того же Онѣгинскаго типа въ русскомъ обществѣ, можетъ только подтвердить сказанное нами объ Онѣгинѣ и недвусмысленно показать намъ стремленіе русской литературной мысли сознательно рѣшить ту же самую загадку, которая лежитъ въ основѣ романа Пушкина.

Арс. Введенскій.

Свобода, любовь и вѣра.

(Продолженіе).

II.

Разбираемая нами въ настоящемъ случаѣ статья г. Тихомирова написана по поводу статьи г. В. С. Соловьева „Историческій сфинксъ".

Г. Соловьева мы вовсе не намѣрены брать подъ свою защиту, а потому будемъ говорить только о г. Тихомировѣ или точнѣе объ его разсужденіяхъ.

Приведемъ подлинныя его слова:

„Г. Соловьевъ, упрекая „ревнителей" православія въ отсутствіи христіанскаго духа, строитъ аргументацію на формулѣ: „не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ". Это, говоритъ онъ, минимальное требованіе христіанства, совпадающее съ требованіемъ естественной справедливости. Если мы не исполняемъ даже этого, безусловно для насъ обязательнаго требованія, наша жизнь становится лишенной всякаго нравственнаго содержанія".

Пока мы ничего еще особенно ужаснаго не замѣчаемъ. Приводимое г. Соловьевымъ правило есть дѣйствительно правило христіанское, притомъ основное правило христіанское, а потому совершенно понятно, что, не исполняя его, мы лишаемъ нашу жизнь всякаго нравственнаго содержанія. Это—только святая истина.

„Отсюда, продолжаетъ г. Тихомировъ, онъ (т. е. Соловьевъ) логическими умозаключеніями опредѣляетъ обязательное для насъ отношеніе къ чуждымъ вѣроисповѣданіямъ и народностямъ... Мы, говоритъ онъ, не можемъ желать чужого насилія надъ нашей народностью, стало быть не должны позволять себѣ насилія надъ другими".

И опять ничего нельзя принципіально возразить противъ этого, такъ какъ все это является только логическимъ послѣдствіемъ обязательнаго для насъ основнаго правила христіанскаго. Но эту постановку евангельскаго правила дѣйствительнымъ мѣриломъ всѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ отношеній нашихъ къ другимъ почитаетъ г. Тихомировъ особеннымъ, спеціальнымъ методомъ г. Соловьева. И вотъ, чтобы дискредитировать этотъ „методъ г. Соловьева", показать, что онъ приводитъ къ нелѣпости, г. Тихомировъ отъ себя приводитъ примѣры „нелѣпостей, строго логически получающихся по методу г. Соловьева". (стр. 372).

„Чтобы вполнѣ оцѣнить счастливый методъ, посредствомъ котораго г. Соловьевъ доходитъ до своихъ изумительныхъ понятій о спра-

ведливости,—говоритъ г. Тихомировъ,—продолжимъ его разсужденія и попробуемъ провѣрить, по методу г. Соловьева, какіе-нибудь *аксіоматически-ясные* вопросы гражданской и религіозной жизни человѣка".

(Обратимъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что въ этихъ примѣрахъ г. Соловьеву приписывается только методъ, такъ какъ самое полученіе, самый выводъ нелѣпостей признается г. Тихомировымъ за строго-логическій).

„Имѣетъ-ли напр. русская армія право побѣждать непріятеля въ сраженіи"?

„По г. Соловьеву—ни въ какомъ случаѣ".

„Вѣдь мы не можемъ желать себѣ, чтобы другіе насъ разбили. Это ясно. Но минимальное требованіе христіанской нравственности воспрещаетъ дѣлать другимъ то, чего не желаемъ отъ другихъ себѣ. Ergo русская армія, какъ христіанская, не смѣетъ побѣждать враговъ".

Во избѣжаніе недоразумѣній повторимъ опять, что выводъ этотъ признаетъ г. Тихомировъ „строго-логическимъ" (373), что именно нелѣпостью, къ которой приводитъ этотъ „строго-логическій" выводъ, онъ и желаетъ помочь читателю вполнѣ оцѣнить „тотъ счастливый методъ, посредствомъ котораго" и т. д.

Смѣемъ прежде всего завѣрить г. Тихомирова, что въ приведенномъ имъ примѣрѣ во-первыхъ нѣтъ, а во вторыхъ и не можетъ быть не только строго логическаго, но и никакого вообще вывода въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ слово выводъ или заключеніе всякая логика, начиная со временъ самого Аристотеля, хотя и есть нѣкотораго рода намеки на выводъ, нѣкоторое подобіе логической аргументаціи. Прежде всего обѣ посылки имѣютъ чисто отрицательный характеръ. (Мы не можемъ желать и т. д.; христіанская нравственность воспрещаетъ и т. д.). Но изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ, по правиламъ всякой формальной логики, не слѣдуетъ никакого заключенія. (Utraque si praemissa negat non valet consequentia. Ex pluris negativis nihil sequitur). Итакъ изъ того, что мы не можемъ желать, чтобы насъ разбили, а христіанская заповѣдь учитъ насъ не дѣлать другимъ того, чего не желаемъ себѣ, формально вовсе еще ничего не вытекаетъ. Изъ того, что я не могу хотѣть, чтобы меня женили (такъ какъ я напр. уже женатъ, или не имѣю средствъ), а христіанское правило воспрещаетъ желать другимъ того, чего не желаемъ себѣ, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы я не могъ и не имѣлъ права желать, чтобъ женился другой. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предъидущемъ, a non posse ad non oportere non valet consequentia. Наконецъ какимъ образомъ появляется въ выводѣ г. Тихомирова нежданно-негаданно „русская армія", о которой ни въ

одной изъ посылокъ не было и помина, хотя извѣстно изъ всякой логики, что субъектомъ и предикатомъ выводнаго заключенія, заключительнаго сужденія (judicii conclusi) должны быть только составныя части посылокъ. Почему не вставить вмѣсто „русской арміи“ въ это заключеніе „прусскаго короля“, „китайскаго императора“ или „столпотвореніе вавилонское“? Правда, тогда не было-бы уже никакихъ намековъ на правдоподобіе и фиктивную логичность, но зато нелогичность, отсутствіе вывода ярче выступала-бы на глаза и не была-бы ничѣмъ замаскированною. Во избѣжаніе такихъ ложныхъ выводовъ, могущихъ имѣть видъ правдоподобія, логика учитъ со времени Аристотеля и до нашего времени: Omnis demonstratio per terminos fiet tres neque eos plures. —Terminus esto triplex. — Tres tantum termini sint in syllogismo. Объясняется это самою природою вывода, силлогизма или заключенія. Силлогизмъ или выводъ зиждется на отношеніи двухъ различныхъ понятій къ одному и тому-же третьему, являющемуся попеременно въ двухъ сужденіяхъ въ качествѣ субъекта и предиката. Ложное заключеніе, получаемое черезъ нарушеніе этого правила, носитъ названіе—quaternio terminorum. Итакъ, примѣръ, приводимый г. Тихомировымъ для обличенія абсурдности „методы г. Соловьева“ и признаваемый имъ за „строго-логическій“ выводъ, имѣетъ нѣкоторое подобіе вывода, но не есть выводъ, силлогизмъ или заключеніе, ибо *по формѣ* грѣшитъ противъ всѣхъ основныхъ правилъ логики.

Приведемъ примѣръ г. Тихомирова къ строго логической формѣ вывода вмѣсто нѣкотораго подобія вывода, которымъ онъ удовлетворяется. Силлогизмъ требуетъ прежде всего трехъ терминовъ, не только съ единствомъ слова, но и съ единствомъ значенія или точнѣе съ постоянствомъ слова и обозначенія. У г. Тихомирова ихъ цѣлыхъ пять; такого отступленія логика со временъ аристотелевскихъ даже не предвидѣла, предполагая и кватерніонъ верхомъ нелогичности. Перечислимъ эти термины: 1) „Мы“ въ первомъ сужденіи (мы не можемъ желать и т. д.). 2) Нежеланіе быть разбитыми. 3) Правило христіанской нравственности, требующей и т. д. 4) Русская армія. 5) Право побѣждать враговъ. Изъ пяти терминовъ никакого вывода или силлогизма составить нельзя, а потому мы необходимо должны ограничить логическую удаль, широкій размахъ или широковѣщательность г. Тихомирова, какъ обличителя, соединивъ пятый терминъ со вторымъ, въ желаніи или нежеланіи побѣды и совершенно устранивъ первый терминъ, какъ не нужный, тѣмъ болѣе что отъ насъ къ русской арміи вовсе non valet consequentia, и обязательное для насъ можетъ быть для арміи вовсе и не обязательнымъ. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующую, дѣйствительно „строго-логическую“ форму вывода:

Русская армія не должна желать другимъ того, чего не желаетъ себѣ.

Желаніе побѣдить есть желаніе другимъ того, чего не желаешь себѣ.

Ergo: Русская армія не должна желать побѣды.

Такъ какъ г. Тихомировъ протестуетъ, какъ увидимъ мы далѣе, противъ отрицательной формы, придаваемой г. Соловьевымъ основной заповѣди христіанства, то устранимъ въ силлогизмѣ это обстоятельство. Мы получаемъ, измѣняя средній терминъ (terminus medius):

Русская армія должна поступать съ другими такъ, какъ она желала-бы, чтобы поступали съ нею.

Пораженіе врага есть поступаніе съ нимъ не такъ, какъ она желала-бы, чтобы другіе поступали съ нею.

Ergo: Русская армія не должна поражать врага.

Только при такомъ построеніи и логически возможенъ и логически правиленъ тотъ нелѣпый выводъ, которымъ г. Тихомировъ хочетъ „помочь читателямъ оцѣнить тотъ методъ, которымъ г. Соловьевъ“ и такъ далѣе. Но при такомъ построеніи — а не при какомъ иномъ искомой для г. Тихомирова нелѣпости и не получится — слѣдуетъ предварительно смотрѣть на русскую армію какъ на нѣчто, не имѣющее смысла и разумнаго права существовать. Во всей получаемой путаницѣ не виноваты ни „методъ г. Соловьева“, ни правило логики, ни основная заповѣдь евангельская, а виноватъ только одинъ г. Тихомировъ съ одной стороны не знакомый съ правилами логики, съ другой стороны сопоставляющій безъ оговорки понятія условныя (русская армія) съ понятіями безусловными, опять вслѣдствіе того же незнанія логическихъ правилъ. Для г. Тихомирова вопросъ о правѣ побѣждать есть вопросъ *аксіоматически* ясный. (Хорошо понятіе объ аксіомѣ). А между тѣмъ это есть вопросъ чрезвычайно условный. Если неизбѣжны и потому необходимы войны и вслѣдствіе того должны существовать арміи, то разумѣется, онѣ должны въ случаѣ нужды сражаться, а сражаясь, разумѣется, имѣютъ право побѣждать враговъ. Съ другой стороны, если предположить, что христіанство не допускаетъ войны, то слѣдовательно оно не допускаетъ и сраженія и побѣды надъ врагомъ. Вся нелѣпость, устраняющаяся при правильномъ построеніи, происходитъ только отъ сопоставленія въ подготовляемомъ выводѣ понятій условныхъ съ понятіями безусловными. Такое ложное умо заключеніе не составляетъ для логики непредусмотрѣнной новизны и съ незапамятныхъ временъ носитъ въ ней названіе аргументаціи a dictu secundum quid ad dictum simpliciter. Въ большинствѣ логикъ тоже съ

незапамятныхъ временъ имѣется и примѣръ такой аргументаціи и какъ разъ совпадающій съ примѣромъ г. Тихомирова:

N убилъ человѣка (подразумѣвайте: на войнѣ).

Убивать человѣка значитъ совершать преступленіе.

Слѣдовательно N совершилъ преступленіе.

Слово „армія“ уже подразумѣваетъ возможность войны и нравственнаго ея оправданія, а потому и нравственное оправданіе побѣды.

Вставьте въ приводимый учебниками формальной логики примѣръ нелогичности вмѣсто N (названіе одного человѣка) слово „армія“ (собирательное понятіе, относящееся къ массѣ людей) и получится почти буквально тотъ самый выводъ, то самое построеніе соллогизма, которые объявляетъ г. Тихомировъ строго логическими и бьющими на голову противника и защищаемый имъ принципъ, не для него одного драгоцѣнный. „Строго-логическій“ выводъ получаетъ г. Тихомировъ именно тѣмъ путемъ, которымъ для формальной логики получается „нелогичность“, ложное заключеніе, паралогизмъ.

Гораздо любопытнѣе и поучительнѣе для насъ другой приводимый г. Тихомировымъ примѣръ „нелѣпости, строго логически получающейся по методу г. Соловьева“.

„Имѣетъ ли по крайней мѣрѣ право христіанскій миссіонеръ,—спрашиваетъ г. Тихомировъ,—желать искорененія язычества?

„Опять нѣтъ“, отвѣчаетъ онъ самъ себѣ. „Вѣдь мы не можемъ желать, чтобы наша „предполагаемая“ истина была искоренена „предполагаемою“ другими истиною. Стало быть мы не можемъ желать такой непріятности и для другого“.

Опять на пути къ разрѣшенію вопроса въ самой постановкѣ его помѣщается препятствіе въ видѣ повторяемой и вослѣдствіи неопредѣленности выраженія. Логика требуетъ терминовъ точныхъ и опредѣленныхъ и съ терминами смутными, туманными или вообще двусмысленными исполнять свое назначеніе не можетъ. Что подразумѣвается подъ дважды повтореннымъ словомъ „искорененіе“? Когда императоръ Сигизмундъ, открывая Констанцскій соборъ, просилъ римское духовенство „искоренить“ (eradicere) схизму гуситовъ, слушатели понимали это слово въ такомъ смыслѣ, что имъ предстоитъ уличить и обвинить всѣхъ или по крайней мѣрѣ главныхъ еретиковъ, а императору, владѣющему мечомъ церкви, пожечь, потопить или перебить ихъ согласно ихъ приговорамъ и тѣмъ достигнуть искорененія ереси. По словамъ лѣтописца Видукинда нѣмецкіе князья постановили также „искоренить (eradicere) славянское язычество“ и отчасти достигли этой цѣли, перебивъ и переказнивъ десятки тысячъ, а нѣкоторыхъ подвергнувъ насильствен-

ному крещенію, причемъ это мѣропріятіе составляло только одинъ пріемъ въ общей сложности постояннаго искорененія. Само собою разумѣется, что такого „искорененія“ не имѣетъ права желать не только христіанскій, но и никакой вообще миссіонеръ. Но допустимъ, что рѣчь идетъ не о такомъ именно искорененіи, а о „искорененіи“ путемъ какого-бы то ни было принужденія вообще. Хотя мы, лично, употребили бы противъ искорененія путемъ принужденія и не ту именно аргументацію, которая приводится въ поставленныхъ выше словахъ, и на другомъ основаніи старались бы доказать, нелѣпость, предосудительность и грѣховность всякаго насильственнаго обращенія, но не можемъ не признавать важности и справедливости и приведенныхъ выше доказательствъ. Да, мы дѣйствительно не желаемъ, чтобы наши вѣрованія были насильственно искореняемы во имя вѣрованій другихъ и уступили бы имъ свое мѣсто, а потому, какъ христіане, не можемъ желать такого насильственнаго искорененія вѣрованія другихъ, хотя бы мы и твердо убѣждены были въ превосходствѣ и истинности нашихъ вѣрованій, и именно— вслѣдствіе этой свой убѣжденности.

Но откинемъ отъ „искорененія“ всякій характеръ насильственности, принужденія, а потому отбросимъ и самое это, явно криминальное слово, подыскавъ другое на замѣну его.

Имѣетъ ли право христіанскій миссіонеръ желать духовной побѣды вѣры своей надъ всѣми остальными и присоединенія къ ней всѣхъ остальныхъ людей вообще или по крайней мѣрѣ всѣхъ людей извѣстной, опредѣленной территоріи? Но лелѣять, питать такое *желаніе* имѣетъ безспорно право всякій миссіонеръ или даже всякій человѣкъ, будь онъ хоть буддистъ, магометанинъ, язычникъ, христіанинъ-католикъ, христіанинъ-протестантъ или представитель какого бы то ни было христіанскаго или нехристіанскаго вѣроисповѣданія. ибо: кто же можетъ лишить человѣка нравственнаго права *желать* торжества того, что онъ считаетъ религіозною своею святынею и притомъ единою, непреложною истиной? Этого нравственнаго права еретиковъ, т. е. отпадшихъ отъ Церкви, этой нравственной равноправности ихъ не отрицала *всецѣло* и сама Церковь, отрицая правоту ихъ догматовъ. Мы говоримъ *всецѣло*, потому что ересь представляетъ нѣкоторое отличіе отъ самостоятельнаго, унаслѣдованнаго вѣроисповѣданія. „Вы не имѣете, говорила Церковь, нравственнаго права желать, чтобы всѣ восприняли то, что вы сами еще почитаете собственнымъ своимъ измышленіемъ, собственною своею поправкою или измѣненіемъ, какъ не въ правѣ вообще одиночный умъ посягать на всеобщность. Еще менѣе нравственнаго права имѣете вы выдавать измышленія свои за ученіе Церкви, за преданіе цер-

ковное". Такъ говорила нерѣдко Церковь, не вполнѣ вѣруя въ полноту вѣры и увѣренности самихъ еретиковъ. Совершенно иначе относится Церковь къ еретическимъ вѣрованіямъ, сдѣлавшимся уже живымъ преданіемъ для людей, вполнѣ убѣжденныхъ, что такъ, а не иначе учила, учитъ и должна учить истинная Церковь. Приведемъ два только примѣра. „Они еретики, пишетъ въ 5 вѣкѣ Сальвіанъ Массилійскій о позднѣйшихъ аріанахъ, но—сами того не вѣдающіе. И притомъ же они для насъ еретики, а для себя—нѣтъ. Понастольку почитаютъ они себя православными, что насъ оскорбляютъ именемъ еретиковъ. Что они для насъ—то мы для нихъ. Истина у насъ, но они думаютъ, что она у нихъ. У насъ слава Божія. но они полагаютъ, что ихъ вѣра создаетъ славу Божію. Нечестивы они по вѣрѣ своей, но потому, что ее почитаютъ благочестіемъ. Заблуждаются они, но отъ чистоты души заблуждаются, не отъ ненависти, а отъ любви къ Богу, полагая, что тѣмъ проявляютъ свое уваженіе и любовь къ Божеству. Хотя не имѣютъ они истинной вѣры, но чтятъ совершенную любовь Божію. Будутъ ли они наказаны за самую неправость мнѣній на судѣ божественномъ—знаетъ одинъ только Судія. Намъ же, полагаю я, предписываетъ Богъ терпѣніе къ нимъ потому, что видитъ, какъ они, хотя и вѣрятъ неправо, но отъ стремленія къ правотѣ заблуждаются" (De gubernatione Dei. 5) На ряду съ этими теплыми, глубоко прочувствованными словами стоятъ и рѣчи Григорія Богослова къ македоніанамъ, проникнутыя увѣренностью въ догматической неправотѣ ихъ, но и въ нравственной ихъ равноправности. „Такую любовь питаю я къ вамъ,—говоритъ онъ,—такое уваженіе къ скромному одѣянію вашему, къ цвѣту лица вашего, свидѣтельствующему о воздержаніи, къ почтенной и чистой дѣвственности вашей и чистотѣ, къ священнымъ собраніямъ вашимъ, къ ночному вашему псалмопѣнію, къ вашей любви къ бѣднымъ, къ вашему братолюбію, къ гостепріимству вашему, что охотно желалъ бы я быть отлученнымъ отъ Христа и пострадать въ качествѣ осужденнаго, чтобы только вы соединились съ нами". (Orat. XLI, 8). Разумѣется, великій святитель не осудилъ бы и ошибающихся македоніанъ за такія же пожеланія.

И такъ, если право желать торжества своей вѣрѣ имѣетъ не только христіанскій миссіонеръ, но въ большей или меньшей степени всякій искренно и истинно убѣжденный представитель какой бы то ни было сдѣлавшейся преданіемъ религіи, то въ чемъ же заключается логическое затрудненіе, создающее для г. Тихомирова нелѣпость", по методу г. Соловьева"?*)

*) *Право* гг. Розанова и Тихомирова желать торжества производимыхъ ими измышленій надъ преданнымъ ученіемъ Церкви нельзя, разумѣется, отожествлять и ставить равночестнымъ съ *правомъ* Церкви, желать побѣды хранимаго ею преданія

Уяснивъ нѣкоторыя предварительныя понятія, разберемъ жалкій паралогизмъ, измышленный г. Тихомировымъ.

Слово искорененіе можетъ, какъ уже видѣли мы, имѣть три различныя значенія, а именно можетъ обозначать: 1) уничтоженіе какого либо вѣрованія путемъ принужденія съ кровопролитіемъ, 2) уничтоженіе вѣрованія черезъ принужденіе, хотя и безъ кровопролитія, и 3) духовное торжество высшаго вѣрованія надъ низшимъ и преклоненіе свободное низшаго передъ высшимъ.

Понятно, что въ первомъ и во второмъ случаѣ въ приведенной выше аргументаціи нѣтъ никакого ни паралогизма, ни софизма, ибо не только христіанскій, но и никакой вообще миссіонеръ не имѣетъ нравственнаго права желать такого искорененія.

Возьмемъ третій случай, т. е. тотъ, когда искорененіе обозначаетъ только духовную борьбу убѣжденій и побѣду одного надъ другимъ. Можемъ ли мы желать побѣды надъ нашей вѣрою? Не можемъ, но не можемъ прежде всего потому, что въ самое содержаніе нашей вѣры входитъ убѣжденіе въ ея непобѣдимости и правотѣ, а слѣдовательно такое желаніе для насъ немыслимо, невозможно. Но, не желая быть побѣжденными, мы можемъ допускать и даже желать, чтобы съ нами боролися, ибо въ этой борьбѣ намъ суждено побѣдить, и мы твердо, безусловно убѣждены въ этой побѣдѣ. Что же обозначаетъ побѣда? Не выходъ только изъ борьбы невредимымъ, но и духовное подчиненіе себѣ противника. Имѣемъ ли мы право желать такого духовнаго подчиненія?—Да, потому что вѣра наша есть высшая, а подчиненіе ей соперника будетъ свободнымъ, и онъ свободно перейдетъ отъ худшаго и низшаго къ лучшему и высшему. И такъ, мы можемъ желать этой побѣды и для себя и для соперника. Никакого столкновенія съ заповѣдью любви здѣсь нѣтъ, а, напротивъ, наше стремленіе къ духовной борьбѣ и побѣдѣ есть только стремленіе къ исполненію этой основной заповѣди любви.

Чѣмъ же объясняется возможность постановки и происхожденія логическаго паралогизма, нами разсмотрѣннаго?—Во-первыхъ, постановкою

надъ измышленіями всякаго рода, но нельзя отрицать вполнѣ и ихъ право заблуждаться, вѣрить въ свои заблужденія и желать торжества своей вѣры. Мы говоримъ, разумѣется, о юридическомъ правѣ, ибо нравственныя права совершенно различны. На одной сторонѣ личный, индивидуальный разумъ «этихъ господъ»; на другой единый въ вѣкахъ разумъ Божественнаго Откровенія, хранимый Церковью. Не во всякомъ случаѣ *право* ихъ должно осуществляться только добросовѣстно. Не должны они приписывать Церкви то, что принадлежитъ только имъ, составляетъ только ихъ измышленіе или плодъ ограниченности индивидуальнаго ихъ пониманія. Въ то же время нравственное право зиждется только на свидѣтельствѣ совѣсти, а потому и поучать должны они, «сурово совѣсть допросивъ», если они къ этому способны.

невѣрія и недовѣрія вмѣсто вѣры или стремленіемъ ихъ занять ея мѣсто, а во-вторыхъ замаскированнымъ болѣе или менѣе стремленіемъ подразумѣвать подъ „искорененіемъ“ именно принужденіе, хотя бы даже и безъ кровопролитія.

При такихъ условіяхъ и только при нихъ паралогизмъ или софизмъ остается во всей своей силѣ.

Да проститъ намъ читатель воспропзведенный на этихъ страницахъ урокъ формальной логики. Печальная необходимость побудила насъ къ этому. Виноваты ли мы въ томъ, что противники исповѣдуемой нами истины не только силятся постепенно вложить свой смыслъ въ священныя для насъ понятія, водворить свои измышленія „на мѣстѣ святѣ“, но и постепенно отучить общество отъ здравыхъ пріемовъ мышленія, заставить почитать „строго-логичнымъ“ только тотъ путь, который до сихъ поръ почитался ведущимъ ко лжи и обману или самообольщенію. Поневолѣ пришлось взять „указку“ учителя логики.

Н. Аксаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣтство и первые годы ученія Ив. Дм. Бѣляева (1810—1829 г.) [1]).

Ив. Дм. родился 15-го іюля 1810 г. въ Москвѣ и былъ первенцемъ діакона церкви св. Троицы на Троицкомъ (впослѣдствіи священника у Спаса на Болвановкѣ) Дмитрія Николаевича [2]) и супруги его Мавры Егоровны Бѣляевыхъ. Подъ ихъ мирнымъ кровомъ и протекли первые годы Ив. Дм. О родителяхъ его мы имѣемъ очень мало извѣстій, знаемъ, что оба отличались глубокой религіозностью и добротой и, какъ говорится, души не чаяли въ своихъ дѣтяхъ. Дм. Ник., воспитанникъ Виѳанской семинаріи временъ митрополита Платона [3]), былъ человѣкъ по своему времени хорошо образованный: между прочимъ онъ свободно говорилъ и писалъ по латыни, повидимому ему не чужды были нѣкоторыя литературныя стремленія: въ бумагахъ Ив. Дм. мы видѣли нѣсни, записанныя рукой Дм. Ник., также отрывки изъ исторіи церкви Спаса на Болвановкѣ, но, должно быть, проза обыденной жизни заглушала ихъ [4]). Дм. Ник. былъ небогатъ, такъ что ему приходилось давать

---

[1]) Матеріаломъ для этой главы (кромѣ печатнаго, который будетъ указанъ въ своемъ мѣстѣ) послужили воспоминанія объ Ив. Дм., которыми любезно подѣлились съ нами сестра Ив. Дм. Елизавета Дмитріевна Погожева, а также зять и товарищъ по семинаріи Ив. Дм., протоіерей Илья Даниловичъ Войновъ; кромѣ того мы воспользовались бумагами Ив. Дм., находящимися у Ельпидифора Васильевича Барсова и у племянника Ив. Дм. Дмитрія Андреевича Погожева, а также свѣдѣніями объ ученіи Ив. Дм., извлеченными нами изъ дѣлъ Архива Имп. Московскаго Университета.

[2]) Въ бумагахъ у Дм. Андр. Погожева мы нашли записку съ краткими свѣдѣніями о жизни Дм. Ник.: священникъ Димитрій Николаевичъ Бѣляевъ родился 1775 г. мая 15 дня, посвященъ во діаконы Срѣтенскаго сорока въ Троицѣ, что на Троицкомъ, церкви въ 1802 г. сентября 14 дня. Посвященъ въ священники Замоскворѣцкаго сорока въ церкви Преображенія Господня, что на Болвановкѣ, 1818 г. августа 6 дня, скончался 1838 г. декабря 28 дня.

[3]) Дм. Ник. очень любилъ разсказывать о митр. Платонѣ и его времени, о которомъ всегда сохранялъ свѣтлую память.

[4]) Въ бумагахъ у Дм. Андр. Погожева сохранилась записная книги Дм. Ник.: тамъ за цѣлый рядъ лѣтъ порядливо записаны приходы и расходы, состояніе погоды и событія, почему либо привлекшія на себя вниманіе Дм. Ник., какъ-то: пріѣздъ и представленіе митр. Филарету, извѣстіе о 14-мъ декабрѣ 1824 г. (о «крамолѣ» противъ государя) и тому под. Сюда же вписаны разнаго рода документы, аттестаты, сохранныя росписки и т. д. Мы воспользуемся кое-чѣмъ.

уроки на сторонѣ, а когда Ив. Дм. подросъ, то самъ сталъ учить и его [5]). Дм. Ник., вообще очень снисходительный къ своимъ ученикамъ, былъ требователенъ къ сыну, можетъ быть, опасаясь дать ему, какъ своему, послабленіе; и Ивану Дм., хотя старавшемуся изъ всѣхъ силъ угодить отцу, довольно часто приходилось сносить выговоры, которые только запугивали мальчика [6]). Это замѣтилъ родственникъ Бѣляевыхъ Дмитровскій протоіерей и смотритель тамошняго духовнаго училища [7]), часто наѣзжавшій въ Моску и останавливавшійся у Дм. Ник.; онъ и предложилъ отпустить Ив. Дм. къ нему. Родители согласились, такъ какъ уже подходило время отдать мальчика въ духовное училище, а, живя у смотрителя, онъ, конечно, могъ пользоваться лучшимъ надзоромъ. 9-го сентября 1821 г. Ив. Дм. былъ отвезенъ въ Дмитровъ, а 13-го, по сдачѣ экзамена, помѣщенъ въ духовное училище. Впослѣдствіи Ив. Дм. всегда служилъ благодарственный молебенъ 8-го сентября въ воспоминаніе начала своего школьнаго ученія. Изъ записной книги Дм. Ник. мы узнаемъ, какія познанія вынесъ изъ дому Ив. Дм.: „сего числа (т. е. 9 сентября 1826) перваго моего сына Іоанна 10 лѣтъ, обученнаго россійской словесности, катехизису, первой части ариѳметики, первой части латинской и начаткамъ греческой грамматикъ“, препроводилъ, и т. д. [8]). Но кромѣ этихъ знаній изъ дому вынесъ Ив. Дм. еще гораздо важнѣйшее: онъ вынесъ добрый, неиспорченный характеръ и зачатки той глубокой религіозности, которою онъ отличался всю жизнь.

Въ духовномъ училищѣ Ив. Дм. пришлось заниматься тѣми же предметами, которыми занимался и дома и кромѣ того священной исторіей, географіей и нотнымъ пѣніемъ. Всѣ эти предметы давались Ив. Дм. легко, однако онъ не былъ въ числѣ первыхъ учениковъ: въ то время по большей части требовалось заучиванія наизустъ, при чемъ не все достаточно хорошо было объясняемо, а Ив. Дм., обладавшій живыми способностями, никакъ не могъ съ этимъ помириться: онъ старался только о томъ, чтобы понять, а разъ понялъ, то уже не заботился о дословной передачѣ, что не очень нравилось его учителямъ. Товарищи лучше оцѣнили Ив. Дм., и случалось, что къ нему за разъясненіемъ

---

[5]) Начатки грамоты Ив. Дм. изучилъ у своей матушки, какъ то водилось въ то время среди духовенства.

[6]) Горе свое Ив. Дм. выплакивалъ у своей няни, состарившейся въ семьѣ Бѣляевыхъ; на ея рукахъ выросталъ и Ив. Дм., который впослѣдствіи часто и съ любовью вспоминалъ ее: вотъ еще одна изъ многихъ нянекъ, такъ много вліявшихъ на своихъ питомцевъ, которыхъ въ лицѣ своей няни увѣковѣчилъ нашъ безсмертный поэтъ Пушкина.

[7]) Звали его Козьма Ивановичъ; фамиліи его мы не могли узнать ни изъ бумагъ Ив. Дм., ни отъ родныхъ.

[8]) Запис. книга Дм. Ник. Бѣляева въ бум. у Дм. Андр. Погожева.

обращались гораздо выше его стоявшіе по списку ученики. Только незадолго до окончанія курса Ив. Дм. представился случай отличиться. Въ то время въ Дмитровское духовное училище пріѣхалъ ревизоръ; когда онъ посѣтилъ старшее отдѣленіе, гдѣ былъ тогда Бѣляевъ, то сталъ задавать разные вопросы сперва лучшимъ по списку, а потомъ желающимъ, когда лучшіе не смогли отвѣтить; одинъ Ив. Дм. могъ это сдѣлать. Ревизоръ заинтересовался Бѣляевымъ и спросилъ, почему онъ не на первой скамейкѣ, и когда сказали, что онъ не по всѣмъ предметамъ хорошо идетъ, именно не заучиваетъ наизусть что задаютъ, замѣтилъ: „такія натуры являются столѣтіями и ими надо дорожить, а не притуплять“. Это обстоятельство, по всему вѣроятію, и послужило причиной, что учителя измѣнили свое мнѣніе объ Ив. Дм. и ему выдали хорошее свидѣтельство, которое мы и приведемъ: „Объявитель сего Дмитровскаго уѣзднаго духовнаго училища высшаго отдѣленія ученикъ Иванъ Бѣляевъ, меньшой города Москвы Замоскворѣцкаго сорока церкви Преображенія Господня, что на Болвановкѣ, священника Дмитрія Николаева сынъ, имѣющій отъ роду 15 лѣтъ, поступилъ въ училище изъ дому родителей 1821 года мѣсяца сентября 2-го дня, при способностяхъ хорошихъ и прилежаніи надлежащемъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ предметамъ: языку латинскому похвально, языку греческому очень хорошо, священной исторіи и пространному катехизису отлично, ариѳметикѣ хорошо, географіи похвально, нотному пѣнію порядочно, поведенія хорошаго. Нынѣ онъ послѣ публичнаго испытанія посланъ для дальнѣйшаго наукъ продолженія въ Виѳанскую [9]) семинарію, для чего и дано ему Бѣляеву свидѣтельство Іюля 15 дня 1824 года. Дмитровскаго духовнаго училища смотритель протоіерей Козьма. Исправляющій должность инспектора Николай Покровскій. У сего свидѣтельства Дмитровскаго училища печать“ [10]). Въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ Ив. Дм. жилъ въ семействѣ помянутаго протоіерея Козьмы, состоявшемъ изъ супруги и двухъ дочерей: старшей, уже пожилой дѣвушки, и младшей — ровесницы Ив. Дм. Мальчика всѣ полюбили, но особенно дружила съ нимъ старшая дочь, Надежда Кузьминична. Это была дѣвушка замѣчательная: она положительно стояла выше окружающей среды какъ отличными качествами своего характера, такъ и развитіемъ ума: она много читала, доставая книги, гдѣ было можно, и не только произведенія изящной словесности, но и серьезнаго содержанія. Въ Иванѣ Дм. Надежда

[9]) Дмитровское духовное училище принадлежало къ округу этой семинаріи.
[10]) Зап. кн. Дм. Ник. въ бум. у Дм. Андр. Погожева, также въ Арх. Имп. Моск. Унив. въ дѣлахъ правл. Моск. Унив. по 1-му столу № 309. 1829 г. (дѣло о поступленіи въ число студентовъ Ив. Дм.)

Козьм. нашла такого же охотника до чтенія, какъ была сама. Они вмѣстѣ читали книги и она объясняла ему, что было для него непонятно: едва ли эти бесѣды не дѣйствовали на развитіе Ив. Дм. благотворнѣе самого чтенія. Во всякомъ случаѣ самъ Ив. Дм. придавалъ большое значеніе въ дѣлѣ своего образованія Надеждѣ Козьм. и впослѣдствіи свято чтилъ ея память и не иначе называлъ, какъ своей благодѣтельницей. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, какія книги приходилось читать Ив. Дм., однако съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что онѣ были преимущественно историческаго содержанія и, можетъ быть, даже сама Исторія Государства Россійскаго Карамзина [11]).

По окончаніи курса въ духовномъ училищѣ Ив. Дм. поступилъ въ Московскую семинарію. Въ то время она только что вступила во второй, Заиконоспасскій періодъ своего существованія, какъ обозначилъ его историкъ московской семинаріи Илья Васильевичъ Бѣляевъ [12]). Илья Вас. характеризуетъ этотъ періодъ, какъ постепенное освобожденіе отъ старыхъ, схоластическихъ пріемовъ преподаванія и введенія новыхъ, живыхъ. Однако при Ив. Дм. старая система съ внѣшней стороны была еще въ полной силѣ, но среди преподавателей уже встрѣчались люди съ новыми взглядами и между прочимъ самъ ректоръ архимандритъ Виталій (Щепетевъ — изъ магистровъ I-го курса Спб. Дух. Акад.) [13]). Черезъ нихъ-то и проникало постепенно новое вліяніе. Въ семинаріи въ то время проходились слѣд. предметы: реторика, философія

---

[11]) Много мелкихъ фактовъ изъ жизни Ив. Дм. во время дѣтства и отрочества можно будетъ найти въ разсказѣ (для дѣтей) Е. Д. Погожевой, который долженъ вскорѣ появиться въ печати (Е. Д. Погожева предполагала дать ему названіе «Сбитеньщикъ»). Весь этотъ разсказъ основанъ на воспоминаніяхъ объ Ив. Дм. Е. Д. Погожева указываетъ въ этомъ разсказѣ на любовь Ив. Дм. къ военнымъ упражненіямъ, приводитъ здѣсь одно мѣсто, прекрасно характеризующее живую, впечатлительную и въ высшей степени привлекательную натуру Ив. Дм. Ив. Дм. по поводу готовившейся реформы въ 1862 г. написалъ статью: «Современна ли отмѣна тѣлес. наказ. въ Россіи въ наст. пору» («День» за этотъ годъ №№ 50 и 52), гдѣ горячо возсталъ, противъ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній, тамъ читаемъ: «солдатъ за малѣйшіе проступки такъ наказывали: нагрузятъ на провинившагося ружей десятка два или около этого, поставятъ несчастнаго, чтобы и ногой то не переступилъ—и стоитъ иногда часовъ 5 или 6. Самъ я въ малолѣствѣ (изъ послѣд. видно, что это было въ 1821, 1822 году) видѣлъ, какъ отъ такой стойки люди падали безъ чувствъ и послѣ были отправляемы въ лазаретъ. Нечего сказать, наказаніе легкое. Батожья (назначались) разумѣется по усмотрѣнію командира, безъ счета и мѣры, сколько угодно. Видѣлъ тоже я и эту операцію: бывало рота идетъ на ученье и везутъ за нею возъ палокъ» (стр. 8).

[12]) Племянникъ и близкій человѣкъ Ив. Дм. (см. Библіогр. зап. 1892 г. кн. I ст. «Истор.-литерат. лѣтопись»). Его ст. въ «Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв.» 1874 г. кн. 7, стр. 29 (эта статья вошла также въ «Истор. Москов. Дух. семинаріи»).

[13]) Впослѣдствіи ректоръ Спб. Дух. Акад. и епископъ въ Костромѣ. Вотъ отзывъ о немъ: «Архипастырь съ свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ»... Прав. Обозр. 1887 г. Кн. 2, стр. 217 прим. Ср. «Восп. о Спб. Дух. Акад.» Д. И. Ростиславова въ Вѣст. Евр. 1873 г.

и богословіе, каждый предметъ въ теченіи двухъ лѣтъ; къ нимъ по уставу 1814 г. были еще прибавлены: исторія, языкознаніе и математика въ видѣ вспомогательныхъ наукъ (такимъ образомъ въ реторикѣ, то есть въ низшемъ отдѣленіи проходили всеобщую исторію, греческій и одинъ изъ новыхъ (французскій или нѣмецкій), въ философіи — среднемъ, исторію философіи и т. д. [14]). Въ преподаваніи латинскій языкъ игралъ важную роль, такъ что Ив. Дм. пришлось много заниматься имъ; въ Дмитровскомъ училищѣ этотъ предметъ стоялъ не высоко. Что касается самого преподаванія, то оно раздѣлялось на изложеніе теоріи и практическія упражненія. Риторику учили по руководствамъ Бургія и Франциска Леженя [15]) всеобщую исторію по Шрекку [16]) въ то время уже устарѣвшимъ, да и ранѣе не отличавшимся достоинствами; отъ дополненій и поясненій преподавателя только и можно было ждать исправленія этихъ недостатковъ. При такихъ учебникахъ особенно важное значеніе получали практическія упражненія: сочиненія и устные экспромпты, ими до извѣстной степени искупались недостатки теоріи, что, кажется, и имѣлъ отчасти въ виду митр. Платонъ въ своемъ завѣтѣ: „пусть помнитъ учитель, что учениковъ должно занимать больше практикой, нежели теоріей. Поэтому онъ долженъ объяснить каждое правило примѣрами, и притомъ, чтобы ихъ было больше; онъ долженъ стараться, чтобы ученики не опускали ни одного правила, не усвоивъ его основательно посредствомъ частаго упражненія. А упражненіе должно задавать на томъ и другомъ языкѣ попеременно, ибо нельзя пріучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросить [17]). Сколько можно судить, въ Московской семинаріи во время Ив. Дм. этотъ завѣтъ свято исполнялся и вообще, по крайней мѣрѣ въ

---

[14]) «Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв.» 1874, кн. 7, стр. 34.

[15]) Вотъ характеристика ихъ Д. И. Ростиславова, современника Ив. Дм., учившагося въ Рязанской семинаріи: «очень краткій печатный учебникъ нѣкоего Бургія, разумѣется на латинскомъ языкѣ, какъ тогда требовалъ предразсудокъ, господствовавшій тогда въ семинаріяхъ.... (кромѣ упражненій онъ состоялъ) почти изъ однихъ слишкомъ уже краткихъ опредѣленій, часто касавшихся вовсе не сущности предмета, а, такъ сказать, внѣшней его формы». У Леженя правила были еще короче, но онъ изобиловалъ рѣчами римскихъ великихъ людей», въ которыхъ почти ничего не было спроста сказано, которыя изобиловали, какъ въ старыя времена выражались въ семинаріи, всѣми цвѣтами краснорѣчія, т. е. краснобайствомъ». Рус. Стар. 1893 г. кн. 10. стр. 150, 151). Понятно отъ чего Леженя заставляли переводить въ наказаніе. См. «Ист. Тр. Лав. Семин.» С. Смирнова и рец. И. Д. Бѣляева Рус. Вѣст. 1867 г. № 10, стр. 676. Въ запискахъ Д. П. Ростиславова можно найти живую картину тогдашняго семинарскаго ученія и вообще быта духовенства.

[16]) Сахаровъ называлъ его безсвязнымъ, не дающимъ понятія, что называется исторіей. Рус. Арх. 1873 г. № 6, стр. 899. «Для біогр. Сахарова».

[17]) «Ист. Тр. Лавр. Сем.» С. Смирнова и рец. И. Д. Бѣляева, Рус. Вѣст. 1867 г. № 10—675. Сравнивая записки Ростиславова (см. Рус. Стар.) и воспоминанія о. Ильи Даниловича Войнова съ «Ист. Тр. Лавр. Сем.», легко замѣтить, какъ устарѣли программы въ 20-хъ годахъ: онѣ были почти тѣже, что и въ XVIII столѣтіи; так. обр. рецензія Ив. Дм. книги С. Смирнова получаетъ особый смыслъ.

классѣ реторики, дѣло поставлено было хорошо: самъ Ив. Дм. впослѣдствіи съ похвалой отзывался о преподаваніи, хотя крѣпко не хвалилъ руководствъ; особенно онъ указывалъ на пользу латинскаго языка и часто говаривалъ, что ему онъ обязанъ умѣньемъ стройно и понятно излагать свои мысли; цѣнилъ Ив. Дм. также упражненія: въ его бумагахъ [18]) мы находимъ отзывъ о преподаваніи въ Московскихъ гимназіяхъ, куда Ив. Дм. командировали для присутствія при экзаменахъ: онъ прежде всего требовалъ, чтобы ученики правильно и понятно излагали свои мысли, фактическія знанія отходили на второй планъ: ихъ дастъ университетъ. Мы уже знаемъ, что у Ив. Дм. развилась охота къ чтенію, въ семинаріи она еще болѣе окрѣпла: вѣдь, то было время, когда въ нашей литературѣ сталъ болѣе и болѣе господствовать романтизмъ, время, когда всѣ зачитывались стихами Жуковскаго и Пушкина; но въ семинаріи ихъ еще не признавали и считали ничтожествомъ предъ такими классическими сочиненіями, какъ „Россіяда“ Хераскова; конечно, молодость была болѣе чутка къ явленіямъ современной литературы: ученики доставали себѣ новыя сочиненія и, какъ водилось въ то время, списывали у себя: у Ив. Дм. былъ, кажется, цѣлый сборникъ стиховъ Пушкина и, между прочимъ, цѣлыя поэмы, списанныя собственноручно Ив. Дм., въ бумагахъ сохранилось нѣсколько отрывковъ [19]). На ряду съ любовью къ чтенію росла и любовь къ исторіи. О. Илья Даниловичъ Войновъ говорилъ намъ, что уже въ семинаріи Ив. Дм. увлекался исторіей и помимо классныхъ занятій читалъ латинскихъ и русскихъ историковъ; интересовался Ив. Дм. и древностями: онъ, между прочимъ, долго бился, стараясь прочесть надписи на старинныхъ надгробныхъ памятникахъ, находившихся около церкви Спаса на Болвановкѣ, но за древностью ихъ безуспѣшно. Да, наконецъ, и сама Москва являлась для него обширнымъ полемъ для наблюденія и изученія русской старины: старинныя церкви, кремль со стѣнами и башнями, преданія, связанныя съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ, все будило и поддерживало любознательность. Перейдя въ среднее отдѣленіе философіи, Иванъ Дмитріевичъ занялся изученіемъ философскихъ наукъ; кажется въ первомъ году у нихъ читалась логика. Ив. Дм.

---

[18]) Рук. Пуб. и Рум. Муз. Рук. И. Д. Бѣляева: № 66 (1576) л. 264—265 см. также: «Извлеч. изъ донес. г.г. доцента Усова, проф. Бѣляева и т. д.» о ходѣ выпускныхъ экзаменовъ въ Моск. 1-й, 2-й и 3-й гимназ.» Цирк. по Моск. Уч. Окр. 1866 г. № 10 и 11.

[19]) Рук. Ел. Вас. Барсова. У Ростиславова читаемъ: «намъ о Пушкинѣ запрещено было и читать, и говорить; мы его сочиненія списывали тайкомъ. Даже сочиненія Карамзина признавались у нашихъ ригористовъ не очень благопадежными. Зато дано было полное благословеніе на чтеніе духовныхъ книгъ, журналовъ и классиковъ, какъ то: «Россіяда» Хераскова и др. его произведеній, по которымъ и преподавалась словесность, см. Рус. Стар. 1893 г. № 10, стр. 152.

плохо успѣвалъ въ ней: это легко понять; онъ еще въ училищѣ отличался нѣкоторой самостоятельностью мышленія: онъ стремился не только запомнить, но и уразумѣть, а между тѣмъ туманныя опредѣленія, изложенныя притомъ тяжелымъ языкомъ, именно менѣе всего удобны для этого: приходилось просто учить, „не мудрствуя лукаво“. Это, а отчасти и просто старшій возрастъ заставили Ив. Дм. подумать о дальнѣйшей своей судьбѣ: священникомъ нельзя было ему быть вслѣдствіе физическаго недостатка (выворотъ ноги). Открывались двѣ дороги: чиновничество и монастырь: кажется, самъ Ив. Дм. склонялся на второе, у него была мечта поступить въ Дух. Академію, но Дм. Ник. рѣшительно отсовѣтовалъ ему это: человѣкъ старыхъ правилъ, онъ требовалъ отъ служителя церкви не только духовнаго, но и тѣлеснаго совершенства, все равно, будетъ ли то священникъ или монахъ. Ив. Дм. рѣшилъ тогда поступить въ университетъ, для чего и сталъ готовиться, занявшись особенно математикой и не безъ успѣха. Пробывъ въ среднемъ отдѣленіи годъ Ив. Дм. уволился и подалъ прошеніе о допущеніи его держать вступительный экзаменъ въ университетъ по нравственно-политическому отдѣленію, теперешнему юридическому факультету [20]) [21]). Изъ семинаріи Ив. Дм. получилъ слѣд. свидѣтельство: „Объявитель сего Московской Духовной семинаріи ученикъ средняго отдѣленія Иванъ Бѣляевъ II-й Московской Епархіи Замоскворѣцкаго Сорока Преображенской, что на Болвановкѣ церкви Священника Димитрія Николаева сынъ имѣетъ отъ роду 20 лѣтъ; при способностяхъ порядочныхъ и прилежаніи слабомъ обучался въ оной семинаріи наукамъ: философіи безъ должныхъ успѣховъ, физико-математическимъ хорошо, словесности, всеобщей исторіи, языкамъ: латинскому, благоуспѣшно; греческому, французскому: средственно. По классу чтенія Новаго Завѣта довольно успѣшно. Нынѣ послѣ публичнаго испытанія, бывшаго въ Іюлѣ мѣсяцѣ сего 1829 года по безуспѣшности и собственному желанію изъ Семинаріи исключенъ въ Епархіальное вѣдомство. Для

[20]) На выборъ факультета вліяли соображенія чисто практическаго свойства: легче было потомъ найти подходящее занятіе, вопросъ, имѣвшій существенное значеніе при скудныхъ средствахъ Ив. Дм.

[21]) Вотъ прошеніе, поданное Ив. Дм.: «21-го Августа 1829 г. Въ правленіе Императорскаго Московскаго университета отъ Ивана Дмитріева сына Бѣляева покорнѣйшее прошеніе. Родомъ я изъ духовнаго званія, сынъ священника Спасской, что на Болвановкѣ церкви, Димитрія Николаева, отъ роду себѣ имѣю 20 лѣтъ. Обучался въ Московской духовной семинаріи наукамъ: философскимъ, физико-математическимъ, словесности, всеобщей исторіи. Языкамъ: латинскому, греческому, французскому и чтенію Новаго Завѣта: нынѣ же желаю продолжать ученіе въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ: почему и покорнѣйше прошу правленіе онаго, по надлежащемъ испытаніи допустить меня къ слушанію лекцій нравственно-политическихъ, въ званіи студента. При семъ прилагаю данный мнѣ изъ Московской духовной семинаріи Аттестатъ Къ сему прошенію самъ Иванъ Димитріевъ сынъ Бѣляевъ руку приложилъ». Арх. Имп. Моск. Ун. Дѣла правл. по 1-му столу 1829 г. № 309, л. 1.

чего и дано Бѣляеву сіе свидѣтельство изъ Семинарскаго правленія 1829 г. Августа 12 дня. Московской духовной семинаріи Ректоръ Заиконоспасскій Архимандритъ Виталій. Инспекторъ іеромонахъ Іосифъ. Секретарь Иванъ Шерновскій-Платоновъ [22]). Этому исключенію нельзя придавать большаго значенія: такова была обычная форма для выходившихъ, хотя бы и по собственному желанію, случалось, даже уменьшали отмѣтки. Во всякомъ случаѣ Ив. Дм. на столько хорошо былъ подготовленъ, что легко сдалъ экзаменъ (его экзаменовали: Ѳедоръ Чермаковъ, Иванъ Снегиревъ, Петръ Шерновскій, Михаилъ Погодинъ, Александръ Гавриловъ, Ѳедоръ Кистеръ и Эдуардъ Гарвей [23]) и былъ принятъ въ студенты, при чемъ ему пришлось дать подписку, что „ни къ какой Массонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри, ни внѣ“ Россіи не принадлежитъ и обязывается и впредь не принадлежать, и представить за себя поручителя—какого-то титулярнаго совѣтника Смирнова [24]).

ГЛАВА ВТОРАЯ [25]).

Московскій университетъ и годы студенчества И. Д. Бѣляева. (1822—1833).

Съ поступленіемъ въ университетъ для Ив. Дм. открылся новый періодъ жизни. Вспомнимъ только, что университетское преподаваніе расширяло умственный горизонтъ, знакомило, хоть до извѣстной степени, съ методами и выводами, достигнутыми въ Зап. Европѣ, знакомило съ положеніемъ науки у насъ, и все это при болѣе самостоятельномъ и сознательномъ отношеніи со стороны слушателей. Съ другой стороны университетъ являлся тѣмъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ разнообразныя теченія общественной жизни и среда студентовъ являлась все же болѣе, чѣмъ какая другая, отзывчивой ко всему новому, живому, пробивающемуся изъ-подъ тяжкихъ оковъ рутины. А мы видѣли съ чѣмъ прибылъ сюда Ив. Дм. жизнь среди духовенства, ученіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ сообщили, конечно, многія особенности, свойственныя духовенству, какъ замкнутой средѣ съ своими интересами и преданіями, до которой могли доходить лишь отзвуки тѣхъ вопросовъ, которые являлись самыми жизненными для другихъ слоевъ общества;

---

[22]) Арх. Имп. Моск. Ун. Дѣла Прав. по 1-му столу 1829 г. № 309, л. 2.
[23]) Ibidem, л. 3.
[24]) Ibidem, л. 4 и 5-й.
[25]) Источники, что и въ первой главѣ.

слагавшееся подъ извѣстнымъ вліяніемъ міровоззрѣніе сразу должно было получить новый и обильный матеріалъ. Къ сожалѣнію въ это время Московскій университетъ переживалъ эпоху упадка: просто поражаешься тому обилію интригъ въ профессорской средѣ, кутежамъ и мальчишескимъ выходкамъ студентовъ, которыми наполнены, можно сказать, воспоминанія объ университетѣ того времени. Въ преподаваніи царствовала рутина: многіе изъ профессоровъ устарѣли, другіе были плохо подготовлены, всѣ довольствовались изложеніемъ лекцій кое-какъ по иностраннымъ руководствамъ, оставляя въ неприкосновенности сырой отечественный матеріалъ, лишь немногіе профессора являлись отраднымъ явленіемъ: они какъ бы были предвѣстниками того блестящаго періода университета, который наступилъ позже въ попечительство гр. Строганова. Мы со всѣмъ этимъ подробнѣе ознакомимся немного ниже, перечисляя профессоровъ нравств.-политическаго отдѣленія. Что касается предметовъ, то, кромѣ богословія и церковной исторіи, преподававшихся протоіереемъ Терновскимъ студентамъ всѣхъ отдѣленій, на нравств.-политическомъ отдѣленіи изучали: латинскій языкъ у адъюнкта Кубарева, теорію гражданскаго и уголовнаго права „примѣнительно къ Римскимъ законамъ“ и Россійское практическое производство дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ у тогдашняго извѣстнаго знатока римскаго права Цвѣтаева, преподававшаго лишь въ началѣ ученія Ив. Дм., и его адъюнкта Малова, а по выходѣ его послѣ извѣстной исторіи [23]), у Николая Васильева, ранѣе читавшаго политическую экономію, и у не менѣе извѣстнаго юриста-практика Сандунова, а по прекращеніи имъ лекцій у Смирнова, читавшаго исторію Россійскаго законодательства, которую одно время преподавалъ адъюнктъ Иларіонъ Васильевъ (1829); вмѣстѣ съ исторіей законодательства проходилась исторія всеобщая и русская, лекціи по коимъ читалъ адъюнктъ Погодинъ; у профессора Василевскаго изучали народное право и дипломатику и, наконецъ, кругъ наукъ замыкался статистикой, преподававшейся Щедритскимъ, и политической экономіей [27]). Легко замѣтить, что общая программа нравств.-политическаго отдѣленія имѣла много сходныхъ чертъ съ программой современнаго факультета и въ ея объемѣ, казалось, можно было дать по тому времени очень солидное образованіе; но нравствен.-политическое отдѣленіе изо всѣхъ отличалось указанными

[26]) Она хорошо характеризуетъ тогдашніе нравы; см. «Восп. изъ моей студ. жизни» Я. И. Костенецкаго, которыми мы еще будемъ пользоваться въ виду ихъ полноты. «Рус. Арх.» 1887 г., кн. 2.

[27]) См. «Обозр. пуб. препод. въ Имп. Моск. Ун. за 1829—30, 1830—32, 1831—32 и 1832—33 гг. (1830—31 г. пошелъ за одинъ съ предыдущимъ; по случаю бывшей въ то время холеры въ Москвѣ лекціи были пріостановлены и годъ не зачли. См. объ этомъ подробно въ «Руск. Мыс.» 1883 г. № 4-й ст. П. А. Висковатова: «Унив. годы Мих. Юр. Лермонтова» и въ біографіи его же.

выше недостатками: знаменитости того времени Цвѣтаевъ и Сандуновъ были на закатѣ своей дѣятельности: Цвѣтаевъ, переводя извѣстный въ свое время учебникъ Макелдея, „такъ сказать, остановился на немъ,—не слѣдя за новымъ, блистательнымъ развитіемъ своей науки. Съ 1820 года историко-юридическая школа, основанная Нибуромъ и Савиньи, дала новое бытіе юрид. наукамъ". „Но они не могли уже быть усвоены русскимъ ученымъ; процессъ его умственнаго развитія какъ бы кончился [28]). Сандуновъ часто прихварывалъ, впрочемъ, методъ его практическій и экзегетическій, „не подвигалъ науку впередъ, а приготовлялъ для службы судей, секретарей и стряпчихъ". Сандуновъ „понималъ науку, какъ законоискусство" [29]). Другіе профессора много имъ уступали: Маловъ и Васильевъ рабски слѣдовали тому же Макелдею, Смирновъ, хотя и издалъ собственное руководство и по свидѣтельству своего благодарнаго ученика Морошкина былъ не только практикъ-юристъ, какъ Сандуновъ, но и систематически образованъ, но „можно жалѣть, что онъ не имѣлъ настолько дарованій, чтобы смѣлую, преобладающую методу Сандунова и односторонность его взглядовъ на юриспруденцію поставить въ настоящіе, законные ихъ предѣлы. Смирновъ боялся критическихъ нападеній Сандунова" [30]); Василевскій, хотя и былъ образованнѣе, но въ преподаваніи все-таки ограничивался руководствомъ Мартенса „Précis du droit des gens", не внося отъ себя ровно ничего и не касаясь совершенно отечественныхъ матаріаловъ [31]). Что касается Щедритскаго, Ник. Васильева и Ил. Васильева, то изъ біографій ихъ можно вывести заключеніе, что это были хорошіе, исполнительные чиновники, иногда отваживавшіеся на кое-какую компиляцію, но какъ профессора незамѣтные [32]). Понятно от-

[28]) «Слов. проф. Моск. Ун. т. II, стр. 539—540.
[29]) Ibidem, т. II, стр. 390—391.
[30]) «Слов. пр. Мос. Ун.» т. I-й II см. біогр. назван. профессоровъ.
[31]) Ibidem, т. I, стр. 149.
[32]) Приведемъ выдержки изъ записокъ Я. И. Костенецкаго, очень живо рисующихъ тогдашній университетъ: «Проф. Левъ Цвѣтаевъ читалъ намъ Римское право, которое онъ издалъ небольшой книжкой... лекціи онъ читалъ очень, если можно такъ выразиться, ограниченно, очень кратко, безъ всякаго философскаго разбора правъ человѣка, безъ всякаго критическаго изслѣдованія римскихъ законовъ. Отъ того онъ не могъ поселить въ своихъ слушателяхъ любви къ этому предмету, и мы занимались имъ просто механически, т. е. учили наизусть». «Сандуновъ, Ник. Ник. орд. проф. практическаго россійскаго судопроизводства. Онъ былъ уже очень пожилой человѣкъ, часто бывалъ боленъ и оттого очень рѣдко бывалъ на лекціяхъ, и этотъ самый главный предметъ юридическаго преподаванія былъ намъ очень мало извѣстенъ». «Теорію гражданскаго и уголовнаго права читалъ экстр. проф. Мих. Яков. Маловъ... Лекціи его были какою-то смѣсью отрывковъ изъ разныхъ иностранныхъ теоретиковъ: Бекаріи, Бентама, Макіавели и проч. съ нашимъ русскимъ законовѣдѣніемъ, чистой чепухой безъ системы и идеи, какой-то компиляціей, откуда-то имъ самимъ или кѣмъ другимъ выбранной, по въ которой нашему законодательству отдавалось преимущество предъ всѣми другими европейскими законодательствами и наше правленіе было выставлено идеаломъ всѣхъ правленій». «Теорію россійскаго гражданскаго права

сюда, что пытливые умы мало могли удовлетворяться такими лекціями, а что такіе умы были, то это лучше всего доказывается тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ студенты стремились въ аудиторіи профессоровъ, вносившихъ въ свое преподаваніе что-нибудь новое, живое: такими профессорами были на физико-математическомъ отдѣленіи Павловъ, внесшій въ свое преподаваніе принципы натурфилософіи Шеллинга, и на словесномъ Надеждинъ, излагавшій археологію, „начиная съ психологическаго анализа эстетическаго чувства и отсюда выводя идею изящнаго и т. д.“ [33]), конечно, все на основаніи той же Шеллинговой философіи. На правств.-политическомъ отдѣленіи такимъ былъ Мих. Пет. Погодинъ, читавшій, какъ мы видѣли, исторію всеобщую и русскую.

Относительно преподаванія Мих. Пет. и отношенія его къ студентамъ мы приведемъ слова Ив. Дм., имѣющіе и автобіографическій инте-

---

читалъ экстр. проф., незабвенный Сем. Алексѣев. С..... Онъ читалъ лекціи по своему сочиненію, довольно толстой книгѣ in quarto, еще давно имъ составленной. Можно себѣ представить, какого рода теорію русскаго права можно было вообще написать въ то время, и какъ ее написалъ въ особенности С....въ, человѣкъ, не знавшій ни одного иностраннаго языка, и кажется, ни о чемъ болѣе не имѣвшій понятія, кромѣ тогдашняго нашего практическаго судопроизводства, въ чемъ онъ, какъ говорили, былъ большой дока. Сочиненіе его, какъ и слѣдовало тогда, заключало панегирикъ нашему законодательству и компиляцію законовъ, распредѣленныхъ и сведенныхъ вмѣстѣ по нѣкоторымъ статьямъ нашего бѣднаго права». «Василевскій читалъ народное право и дипломатію... онъ нерѣдко пропускалъ свои лекціи, да и лекціи читалъ не охотно, какъ бы только поневолѣ, не развивая вполнѣ своего предмета, даже старался какъ можно скорѣе, по тетрадкѣ, прочитать лекцію. Но зато онъ былъ неподражаемъ въ приведеніи примѣровъ изъ исторіи, особенно изъ римской исторіи. Тутъ онъ воодушевлялся, былъ въ высшей степени краснорѣчивъ и увлекалъ насъ до самозабвенія». «Пр. Щедритскій, читавшій всеобщую статистику, хорошо сознавалъ свое невѣжество въ статистикѣ и потому былъ увѣренъ, что никакія его усилія не заставятъ студентовъ слушать его глупыя лекціи, и потому махнулъ на все рукой и ограничился тѣмъ, что лишь бы только исправно ходить въ аудиторію и читать какія-нибудь лекціи». «Экстр. пр. полит. экон. Васильевъ... читалъ лекціи очень медленно, почти диктовалъ ихъ, и требовалъ, чтобы студенты ихъ записывали, и потомъ учили бы ихъ наизусть, такъ что, какъ бы хорошо кто ни зналъ его лекціи, но если на экзаменахъ излагалъ ихъ своими словами, а не буквально его выраженіями, то получалъ низшіе баллы». «Рус. Арх.» 1887 й г. т. I, № 2, стр. 232 — 239; порядокъ мы измѣнили согласно порядку нашего изложенія. Горячій тонъ автора могъ бы возбудить сомнѣніе въ его безпристрастіи (что относительно исторіи Полевого и дѣлаетъ г. Полевой, см. въ томъ же «Рус. Арх.» и замѣчаніе Бартенева, но вотъ что находимъ въ полуоффиціальной бумагѣ: «Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ. Учитъ Римскому праву. Вашему сіятельству довольно извѣстенъ съ весьма хорошей стороны. Сандуновъ отлично знаетъ Россійское законодательство, но давно уже боленъ и мало подаетъ надежды къ выздоровленію. Имъ обоимъ должно бы избрать достойныхъ преемниковъ. Маловъ и Смирновъ. Ихъ адъюнкты, мало чести дѣлаютъ Московскому университету и пора имъ на покой. Ректоръ крѣпко стоитъ за Смирнова по какимъ-то частнымъ связямъ, но онъ изъ худшихъ самый худой, и его классъ всегда похожъ, въ отсутствіе меня, на лубочную комедію... Василевскій. Профессоръ дипломатіи и политическихъ правъ. Голова безразсудная». О Погодинѣ сказано: отлично преподаетъ исторію. Если онъ оставитъ университетъ, трудно будетъ найти, кѣмъ замѣнить его». Чт. въ Им. Мос. Об. Ис. и Др. Рос. 1870 г.. стр. 219. «Памят. зап. о проф. Моск. Унив.» (1831 г.)

[33]) «Рус. Вѣст. 1856 т. № 6, III стр. 62 (слова Надеждина).

ресъ: „Я вашъ ученикъ, принадлежащій къ первымъ курсамъ вашей профессорской дѣятельности, и желаю, хотя въ немногихъ чертахъ, напомнить это давнее время, когда Вамъ не было и тридцати лѣтъ отъ роду. Не знаю, помните ли Вы большую юридическую аудиторію въ старомъ зданіи университета, а мы, Ваши старые ученики, хорошо помнимъ, какъ эта аудиторія на Вашихъ лекціяхъ постоянно наполнялась слушателями не только обязательными по табели, но и охотниками со всѣхъ факультетовъ. Такъ наполнялись въ наше время еще только двѣ аудиторіи, незабвеннаго ветерана Алек. Ѳедор. Мерзлякова и цвѣтущаго тогда Мих. Григ. Павлова. Что же влекло къ вамъ массу слушателей? Да то, что Вы въ Вашу лекцію всегда умѣли вложить жизнь, что въ Вашихъ лекціяхъ всегда выступали Ваша любовь къ дѣлу и Ваша душа; вы самому повидимому сухому изслѣдованію умѣли дать занимательность даже для слушателей, не могшихъ ходить къ вамъ постоянно. Я не говорю уже о вашихъ обязательныхъ слушателяхъ по табели, для нихъ ваши лекціи имѣли свой особый интересъ, вы своими лекціями заставляли ихъ работать, изслѣдовать по вашимъ указаніямъ тѣ или другіе вопросы исторіи. Вы обыкновенно приходили на лекцію съ кипою книгъ, и высказавъ намъ то или другое положеніе, то или другое выработанное вами рѣшеніе, и, высказавъ его кратко и прямо, раскрывали книги и читали изъ нихъ тѣ мѣста, на основаніи которыхъ вы дошли до такого то результата въ вашемъ изслѣдованіи, и затѣмъ живо и занимательно объясняли пріемы, которые были вами употреблены при вашей работѣ. Такимъ образомъ мы за одинъ разъ узнавали отъ васъ и новое изслѣдованіе, и способъ, какъ дойти до результата, найденнаго вами. Но вы не останавливались на одномъ указаніи пути, а задавали и намъ работы для домашнихъ занятій, и наши работы всегда были прочитываемы вами со вниманіемъ и сдавались намъ съ замѣчаніями, а по иным работамъ вы вызывали подавшихъ къ себѣ на домъ, и подолгу бесѣдовали съ ними и давали имъ или указывали книги, которыя нужно прочесть. Кромѣ того для каждаго студента вашъ кабинетъ и ваша библіотека были открыты по праздникамъ; здѣсь иные сами справлялись по книгамъ, иные спрашивали вашихъ указаній, и сидѣли по нѣсколько часовъ, а иные просили книгъ себѣ на домъ. Я самъ засиживался подолгу въ вашей библіотекѣ, нерѣдко бывая свидѣтелемъ какъ иной товарищъ возвращаетъ книгу изодранную и испачканную и проситъ новыхъ книгъ, и Михаилъ Петровичъ задаетъ молодцу нагоняй, что надо-де беречь чужія книги, а то и давать не станутъ; а между тѣмъ самъ все-таки даетъ, приговаривая: возьмите, да будьте осторожнѣй, поберегите, вѣдь, книга и другимъ понадобится. Однимъ

словомъ вы были такой профессоръ, какихъ дай Богъ побольше [34]) [35]). Добавимъ еще, что Мих. Пет. предлагалъ своимъ слушателямъ переводить на русскій языкъ разнаго рода иностранныя сочиненія по исторіи, такъ и Ив. Дм. перевелъ съ латинскаго всѣ изслѣдованія Гайнера [36]). Отсюда мы видимъ, что еще въ университетѣ возникли тѣ близкія отношенія между М. П. Погодинымъ и Ив. Дм., которыя продолжались до самой смерти Ив. Дм. и о которыхъ мы еще не разъ будемъ говорить. Это заставляетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на личности Мих. Пет., какъ профессора и человѣка. Мих. Пет. Погодинъ былъ русскій по рожденію и воспитанію и притомъ, какъ справедливо замѣтилъ Галаховъ [37]), русскій-москвичъ; дѣтство его прошло въ бурную эпоху Наполеоновскихъ войнъ, когда національное чувство достигло высшаго развитія; въ юности Мих. Пет. читаетъ Ист. Гос. Рос. Карамзина, которая поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ немъ это чувство и оно становится господствующимъ на всю жизнь. Здѣсь кроется та глубокая любовь, которую Мих. Пет. питалъ ко всему русскому и его нелюбовь къ иностранному [38]). Однако, восхищаясь свойствами народа, могуществомъ и величіемъ государства русскаго, Погодинъ не закрывалъ глаза и на многія темныя стороны тогдашней русской жизни: какъ дѣтство совпало съ эпохою войнъ, такъ болѣе зрѣлый возрастъ — съ реакціей послѣ нихъ, отозвавшейся и на Мих. Пет.; кромѣ того онъ изъ школы вынесъ глубокое почтеніе къ европейскому просвѣщенію; не безъ вліянія, конечно, осталось и извѣстное соціальное положеніе Мих. Пет. Такимъ образомъ мы видимъ, что онъ не разъ останавливался, среди другихъ вопросовъ,

---

[34]) «Пятидесят. гражд. и учен. службы М. П. Погодина (1821—1871)». М. 1872 Рѣчь И. Д. Бѣляева, стр. 57—58.

[35]) Отзывы о преподаваніи М. П. Погодина разнятся: одни, какъ Ив. Дм., отзываются съ большой похвалой (см. также восп. Костенецкаго «Русск. Арх.» № 2, стр. 231, «М. П. Погодинъ», Галахова Русск. Вѣст. 1889. № 8 и др.), другіе критикуютъ (см. восп. К. С. Аксакова «День» 1862 г. № 40, Гончарова «Вѣст. Евр.» 1887 № 4—эти воспом. приводитъ и Барсуковъ «Жизнь и Тр. М. П. Погодина» т. III, стр. 298—299, характеризуя преподаваніе М. П.): дѣло въ томъ, что иное преподаваніе было на прав.—полит. отдѣленіи, гдѣ М. П. читалъ русскую исторію, которою самъ спеціально занимался, и на словесномъ, гдѣ ему пришлось читать всеобщую; при чемъ нѣкоторые отдѣлы вновь (о самомъ курсѣ, читанномъ М. П., см. Барсукова назв. соч. т. III, стр. 135 и др.)

[36]) «Слов. пр. Моск. Ун.» т. II, стр. 244.

[37]) Русск. Вѣст. 1889 г. № 8.

[38]) Приведемъ очень характерный образчикъ настроенія и мыслей М. П. въ то время: «Какія великія свойства русскаго народа! Какая преданность вѣрѣ, Престолу! Вотъ главное основаніе всѣхъ великихъ дѣяній... Иноплеменное двухсотлѣтнее владычество, тираны, самозванцы—и все устояло, какъ было, опираясь на религію. Покажите, вы подлыя, низкія души, вы глупыя обезьяны, французы въ русской кожѣ! Покажите мнѣ исторію другого народа, которая бы сравнилась съ исторіею нашего народа, языкомъ котораго вы стыдитесь говорить, подлецы!» (изъ Дневника М. П.) Ж. и Тр. М. П. Погодина. Барсукова т. I, стр. 138.

на положеніи крестьянъ, уже въ то время занимавшемъ лучшіе умы [39]), и особенно на недостаткѣ просвѣщенія у насъ. Кромѣ этихъ двухъ существеннѣйшихъ вопросовъ того времени, въ «Дневникѣ» видимъ такія сужденія, за которыя при тогдашней строгости можно было жестоко поплатиться [40]). Впрочемъ, дѣло дальше сужденій и не пошло: природа наградила Мих. Пет. положительнымъ, практическимъ умомъ, всегда умѣрявшимъ его увлеченія. Не трудно прослѣдить эти черты характера и въ ученой дѣятельности Мих. Пет.: любовь къ Россіи естественно вызывала любовь и къ исторіи ея; понятно, какое впечатлѣніе должна была произвесть, появившаяся тогда Ист. Госуд. Рос.: Мих. Пет. зачитывался ею; но тутъ видимъ очень характерное явленіе: юноша Погодинъ, не смотря на весь свой восторгъ, сейчасъ же сталъ писать замѣчанія [41]). Дѣло въ томъ, что Ист. Карамзина вполнѣ удовлетворяла чувству, но не уму Мих. Пет., къ складу его гораздо болѣе подходило строго-критическое изложеніе Шлецера и, пожалуй, преподаваніе Каченовскаго: мы знаемъ, что «Несторъ» Шлецера увлекалъ Мих. Пет., онъ читалъ и перечитывалъ его, и здѣсь «уразумѣлъ, что такое критика» [42]). Кромѣ Шлецера Мих. Пет. знакомился съ «западной» наукой частію непосредственно, изучая произведенія тамошнихъ ученыхъ, частію чрезъ русскихъ, воспитавшихся на ихъ трудахъ; конечно, къ этому присоединилось и то, что сама худо ли хорошо творила отечественная наука. Тогда было замѣчательное время: революція только-что совершилась не только въ политикѣ, но и въ области просвѣщенія, ниспровергнувъ и тамъ, и здѣсь много старыхъ учрежденій и ученій. Въ замѣнъ ихъ выдвинуты были двѣ великія идеи: народности и прогресса [43]). На Россіи также отра-

---

[39]) См. назв. соч. т. I, стр. 87—88 и друг. мѣста. Впрочемъ Погодинъ не былъ близко знакомъ съ положеніемъ крестьянъ и далѣе общихъ взглядовъ объ улучшеніи ихъ быта не шелъ; даже вопросъ объ освобожденіи онъ не всегда одинаково рѣшалъ, лишь въ болѣе зрѣлые годы онъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію. Дѣло въ томъ, что М. П. стоялъ вдалекѣ отъ крестьянской жизни и не интересовался, какъ и большинство образованныхъ людей того времени, узнать ее поближе.

[40]) Барсукова «Ж. и Тр. М. П. Погодина» т. I, стр. 89, 143 и др. м. т. II, стр. 297.

[41]) Ibidem, т. I, стр. 30.

[42]) Ibidem, т. I, стр. 54.

[43]) См. ст. В. Герье. «Рус. Мысль» 1882 г. № 4 «Народность и прогрессъ».— Вотъ какъ говоритъ объ этомъ періодѣ Ор. Ѳ. Миллеръ въ св. вступительной лекціи: «Если мы обратимся къ XVIII столѣтію, то увидимъ, что въ наукѣ его господствовала главнымъ образомъ идея гуманизма, человѣчности вообще. По всѣмъ отраслямъ тогдашней науки замѣтно стремленіе, минуя всѣ мѣстныя историческія преданія, доискаться первоначальныхъ, всеобщихъ основъ человѣческой природы: естественныя общечеловѣческія начала искусствъ, всеобщіе, необходимо повторяющіеся повсюду законы исторіи. И вотъ, когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, у одного изъ главнѣйшихъ народовъ запада подъ вліяніемъ такого, создавшагося въ продолженіи всего вѣка, теоретическаго разрыва съ ними, началось открытое добываніе первоначальныхъ правъ, тогда и большая часть сосѣдственныхъ народовъ, по крайней мѣрѣ въ первую минуту, видѣла въ

зилась эта замѣчательная эпоха, отразилась въ частности и на Мих. Пет., какъ на гражданинѣ, (это мы сейчасъ видѣли), и какъ на ученомъ: уже въ его магистерской диссертаціи затронутъ былъ весьма существенный, особенно для того времени вопросъ, объ одномъ изъ основныхъ элементовъ русской народности—Варягахъ; въ послѣдующихъ своихъ трудахъ онъ разсмотрѣлъ вліяніе этого элемента на разныя стороны древнерусской жизни. Впрочемъ, во время ученія Ив. Дм. только намѣченъ былъ общій планъ этихъ трудовъ и, кажется, не безъ «западнаго» вліянія. Дѣло въ томъ, что хотя Мих. Пет. вовсе не отличался склонностью къ отвлеченному мышленію и сначала даже скептически относился къ философіи [44]), но съ одной стороны чтеніе иностранныхъ историковъ и общее увлеченіе тогдашнихъ образованныхъ москвичей Шеллингомъ заставило и его заняться философіей: Мих. Пет. увлекся и разомъ написалъ «Европейскую книгу» (его слова) [45]) «Историческіе афоризмы», мечталъ и о другихъ трудахъ, но скоро дѣйствительность заставила его обратиться къ другимъ занятіямъ. Это было въ началѣ 20-хъ годовъ; въ концѣ ихъ Мих. Пет. познакомился съ твореніемъ Гизо «Истор. цивил. въ Европѣ» и снова былъ увлеченъ; читая Гизо, Мих. Пет. полагалъ, что имъ «должна начаться новая эра исторіи». Однако вотъ какъ

этомъ всеобщее возрожденіе человѣчества. Сама нація, виновница переворота, считала долгомъ совершить его всюду во благо всего человѣчества. Но стремленіе подарить всѣмъ народамъ человѣческія права вскорѣ переходило въ стремленіе подобнымъ благодѣяніемъ насильственно подчинить ихъ себѣ. Отвлеченная идея единаго человѣчества довела въ своихъ жизненныхъ результатахъ до приневоленія отдѣльныхъ народовъ къ искусственному политическому единству. Вотъ тутъ-то XVIII столѣтіе столкнулось съ XIX; идея единаго человѣчества вообще съ идеею народности, все болѣе и болѣе выясняющеюся и крѣпнущею; открылось, что народамъ дороги ихъ мѣстныя историческія преданія, мѣстныя особенности ихъ быта, ихъ нравы, ихъ вѣрованія. И снова эти явленія жизни нашли соотвѣтственныя выраженія въ наукѣ. Повсюду, отставъ отъ выискиванья общихъ основъ, она обратилась къ изслѣдованію мѣстныхъ народныхъ особенностей». О совр. знач. народ. слов. «День» 1863 г. № 51, стр. 9.—Въ исторіи этотъ переворотъ отразился особенно сильно: «Прошлое столѣтіе въ умственной жизни Европы было героическимъ вѣкомъ раціонализма. Направленіе мысли, ничего, повидимому, не принимавшее на вѣру, для всего требовавшее доказательствъ, основанныхъ на доводахъ разума, само покоилось на вѣрѣ, именно на вѣрѣ въ силу разума, въ его всемогущество»... послѣ французской революціи, унесшей «со старымъ порядкомъ» и многія иллюзіи «философскаго вѣка», явилось съ новыми явленіями жизни разочарованіе во многихъ старыхъ идеяхъ, стала выдвигаться на первый планъ идея зависимости человѣка и всего имъ создаваемаго отъ историческихъ условій, отъ той окружающей дѣйствительности, на которую философскій XVIII вѣкъ, за немногими исключеніями, въ родѣ Монтескье, смотрѣлъ, какъ на искусственное созданіе человѣка». Карѣевъ Сущ. истор. проц. и роль личн. въ истор». кн. 2, стр. 398. Вмѣстѣ съ тѣмъ «историческія событія объяснялись не изъ проэктовъ отдѣльныхъ лицъ, а изъ всего характера эпохи, подвергали изслѣдованію расу, національность, сословія, общественную группу». Шаховъ «Франц. лит. въ перв. год. XIX в.», стр. 179.

[44]) Барсуковъ «Ж. и Тр. М. П. Погодина» т. I, стр. 152, 155 и др. М П. отрицательно относился къ философіи, какъ къ умствованію, не дающему познанія истины, это познаніе могла дать лишь религія. См. ниже.

[45]) Ibidem. т. III, стр. 309.

говоритъ Шевыревъ объ этомъ: «Сама западная Европа привела въ полное сознаніе науки исторію своего развитія... Введеніе въ исторію европейской образованности Гизо, можно сказать, было тою книгою, въ которой всѣ результаты изслѣдованій нѣмецкихъ и французскихъ относительно развитія запада были въ достаточной полнотѣ внесены въ науку, округлены въ стройное цѣлое, представлены съ очевидною ясностію и приведены въ сознаніе всей просвѣщенной Европы. Тогда только наступила и для русскихъ ученыхъ возможность сознать различіе, существующее между развитіемъ запада и отечественнымъ. Заслуга тѣхъ, которые по слѣдамъ Карамзина изучали отечественное бытописаніе, состоитъ именно въ этомъ сознаніи: считаю здѣсь неумѣстнымъ именовать того, кто у насъ былъ первымъ выразителемъ этой мысли. Она-то была положена въ основу современнаго изученія исторіи какъ западной, такъ и отечественной“ [46]). Дѣйствительно, въ своей вступительной лекціи въ началѣ 1832 учебнаго года Мих. Пет. уже намѣчаетъ тѣ общіе взгляды, которые впослѣдствіи изложены имъ въ извѣстной статьѣ: „Парал. Русской исторіи съ исторіей западной Европы“ [47]). Общій характеръ ихъ— полная противоположность Россіи Западной Европѣ и при томъ противоположность въ пользу Россіи. Такое направленіе особенно дѣйствовало на студентовъ, вотъ что читаемъ у одного изъ его слушателей: „мы чувствовали въ немъ самостоятельное направленіе мысли, направленіе, согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ русской жизни... мы были наведены имъ на совершенно новое воззрѣніе на русскую исторію и русскую жизнь вообще. Формулы западныя къ намъ не примѣняются; въ русской жизни есть какія-то особенныя, чуждыя другимъ народамъ начала; по нимъ, еще не опредѣленнымъ наукою законамъ совершается ея развитіе [48]).

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о студенческой средѣ, въ которой пришлось вращаться Ив. Дм., и о его занятіяхъ. Ив. Дм. пришлось учиться именно въ то патріархальное время, отъ котораго К. С. Аксаковъ видѣлъ лишь немногихъ могиканъ и слышалъ преданія: характеристику его даетъ кн. Пыпина „Бѣл. его жизнь и переп.“ [49]) и вновь появившіяся воспоминанія бывшихъ студен-

---

[46]) Введ. въ ист. «Рус. слов.» Москвит. 1844, ч. I, кн. 1, стр. 535—536.

[47]) Барсукова, «Ж. и Тр. М. Погодина», т. IV, стр. 74 и слѣд. приведены выдержки; вся лекція: «Взглядъ на рус. истор.» напечатана въ «Истор. крит. отр.» М. 1846, стр. 1—18.

[48]) «Русь» 1880 г. № 1, стр. 19.

[49]) Тамъ сведены данныя изъ переписки Бѣлинскаго, воспоминаній о немъ и вообще изъ воспоминаній объ университетѣ того времени, вышедшихъ до 1876 г.

товъ [50]). При неудовлетворительномъ, какъ мы видѣли, преподаваніи, при маломъ собственномъ развитіи, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что очень многіе предавались кутежамъ, а то и просто пьянству или убивали время на всевозможныя проказы. Однако запросы ума дѣлали свое дѣло; мы видѣли, что нѣкоторыхъ профессоровъ слушали съ увлеченіемъ, изъ воспоминаній знаемъ, что студенты увлекались литературой, такъ что происходили цѣлые диспуты между классиками и романтиками; чтеніе тогдашнихъ журналовъ, въ которыхъ дѣятельно принимали участіе лучшіе профессора университета, знакомили до извѣстной степени съ текущими вопросами. О настроеніи студентовъ свидѣтельствуетъ трагедія Бѣлинскаго: при всей „ребяческой ходульности и неестественности“ [51]), тамъ ярко выступаетъ тяжелое положеніе крестьянъ, ихъ угнетеніе помѣщиками. Въ то же именно время зарождались и знаменитые впослѣдствіи кружки Станкевича и Герцена, каждый, какъ извѣстно, со своей окраской. Ив. Дм. вслѣдствіе общительности своей натуры сходился со многими [52]), хотя болѣе дружилъ со своимъ кружкомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ студентовъ, еще семинарскихъ товарищей, и поддерживалъ сношенія съ остававшимися въ семинаріи [53]). Впрочемъ, особенно предаваться бесѣдамъ, пѣнію русскихъ пѣсенъ, общимъ прогулкамъ, чѣмъ занимались тогдашніе кружковцы, ему было некогда: съ поступленіемъ въ университетъ Ив. Дм. сильно сталъ заниматься и между прочимъ исправнѣйшимъ образомъ записывать лекціи профессоровъ [54]); этимъ онъ обратилъ на себя вниманіе, и не разъ товарищи обращались къ нему съ просьбой читать вмѣстѣ или дать списать лекціи; страсть къ чтенію продолжа-

---

[50]) Таковы упомян. нами записки Я. И. Костенецкаго, воспоминанія Голикова, Гончарова, и также для болѣе ранняго періода: Мурзакевича Рус. Стар. 1887 г. кн. I, современниковъ Ив. Дм. П. Ѳ. Вистенгофа Истор. Вѣст. 1884 кн. 5; М. Маркса «К. А. Коссовичъ» Рус. Стар. 1886 т. 12; Мих. Пет. Третьякова «Имп. Моск. Ун. въ дорефор. вр.» Рус. Ст. 1892 кн. 7; гр. М. В. Толстаго Рус. Арх. 1881 кн. 2, о позднѣйшемъ времени Буслаева Вѣст. Евр. 1890 кн. 10, 11 и нѣк. др.

[51]) Пыпина «Ж. и пер. Бѣлинскаго» I, стр. 55—56.

[52]) Къ сожалѣнію выяснить подробно этотъ вопросъ намъ не удалось; судя по разсказамъ родныхъ, Ив. Дм. былъ знакомъ и съ Бѣлинскимъ, и съ Герценомъ, и особенно съ Н. Л. Григорьевымъ (см. о немъ у Пыпина «Ж. и пер. Бѣлинскаго» I, стр. 44), съ семействомъ котораго и послѣ продолжалъ поддерживать сношенія; кромѣ того Ив. Дм. въ университетѣ же познакомился и съ нѣкоторыми питомцами Погодина, впрочемъ ни съ кѣмъ изъ нихъ особой дружбы у Ив. Дм. не было.

[53]) Нѣсколько ниже мы укажемъ нѣкоторыя черты этого кружка, хотя онѣ и относятся ко времени послѣ университетскому, но, конечно, уже въ университетѣ было начало его. (Въ бум., хран. у Ел. Вас. Барсова, сохранился отрывокъ письма отъ товарища Ив. Дм. Лебедева, въ которомъ приглашается Ив. Дм. къ Григорьевымъ, даты нѣтъ, но относится оно къ унив. жизни,—на оборотѣ записаны лекціи по всеоб. истор., (см. письма разн. лицъ № 1), вотъ единственный документъ, оставшійся отъ того времени).

[54]) Въ бум., хран. у Ел. Вас. Барсова, находимъ цѣлый рядъ отрывковъ такихъ записей.

лась; наконецъ, Ив. Дм. при его небольшихъ средствахъ приходилось давать уроки, на что уходило немало времени [55]). Вотъ то немногое, что можно сказать объ университетской жизни Ив. Дм. Лѣтомъ 1833 г. Ив. Дм. окончилъ курсъ кандидатомъ Нрав.-Политич. Отдѣленія Мос. Университета [56]). По списку онъ былъ поставленъ четвертымъ [57]). Что же далъ Ив. Дм. университетъ? Прежде всего Ив. Дм. получилъ хорошія свѣдѣнія по русской исторіи,—кромѣ фактическихъ знаній онъ познакомился съ литературой и источниками по древней исторіи Россіи, которою тогда занимался наставникъ его Мих. Пет. Погодинъ; изъ всеобщей исторіи Ив. Дм. познакомился съ произведеніями новѣйшихъ западныхъ историковъ [58]); что касается собственно юридическаго образованія, то при той постановкѣ дѣла, какую мы видѣли, немного можно было вынести, тѣмъ болѣе, что Ив. Дм. лишь впослѣдствіи изучилъ, какъ слѣдуетъ, новые языки; так. обр. и для самостоятельнаго изученія путь былъ закрытъ сначала. Кромѣ знаній университетъ далъ и общее развитіе: мы знаемъ, что уже съ дѣтства все окружавшее воспитывало

---

[55]) Здѣсь, между прочимъ, представился случай, который могъ оказать рѣшительное вліяніе на судьбу Ив. Дм. Онъ давалъ уроки въ семействѣ Петровыхъ (намъ не удалось собрать свѣдѣній о нихъ) и ему предложили ѣхать за границу въ качествѣ воспитателя, но Ив. Дм. и слышать не хотѣлъ оставить Москву, университетъ и родныхъ.

[56]) Вотъ аттестатъ, выданный Ив. Дм. изъ университета: «Аттестатъ. По указу Его Имп. Вел. изъ правленія Имп. Мос. Университета, кандидату Ивану Бѣляеву, сыну священника Дмитрія Николаева, въ томъ, что онъ поступилъ въ сей университетъ изъ учениковъ Мос. Духов. семинаріи по экзамену студентомъ, прошлаго 1829 г. сентября 16 дня. Гдѣ, окончивъ курсъ по отдѣленію Нравств.-Полит. наукъ, на основаніи положенія о производствѣ въ ученыя степени, 1821 г. января 20 дня, Высоч. утвержденномъ, былъ испытанъ въ наукахъ онаго отдѣленія и оказалъ отличные успѣхи, при таковомъ же поведеніи, почему опредѣленіемъ Универс. Совѣта, сего 1833 г. іюня 30 дня, утвержденъ кандидатомъ отдѣленія Нравств.-Полит. наукъ. А нынѣ по прошенію его согласно съ опредѣленіемъ правленія университета, уволенъ отъ онаго университета. При вступленіи на службу имѣетъ онъ Бѣляевъ право пользоваться Высоч. дарованными преимуществами, означенными въ § 45 положенія о производствѣ въ ученыя степени и въ указѣ 1822 г. іюля 9 числа. Данъ въ Москвѣ, ноября 18 дня 1833 г. Подлинникъ подписали: Ректоръ Алексѣй Болдыревъ. Непремѣнный засѣдатель Ив. Давыдовъ, Деканъ, А. Цвѣтаевъ, М. Качеповскій и Д. Перевощиковъ. За секретаря Басалаевъ. Протоколистъ Васильмановъ. № 4712, см. Дѣла Прав. Имп. Мос. Ун. № 245.

[57]) Рѣчь и отч. Имп. Мос. Ун. за 1833 г., (два Бѣляевыхъ — Ив. Дм. былъ Бѣляевъ 1-й Ср. Дѣла Прав. Имп. Мос. Ун. по первому ст. № 309, 1829 г., стр. 2).

[58]) Ив. Дм. не разъ указывалъ, что онъ получилъ солидную подготовку еще въ университетѣ по исторіи и археологіи (см. прошеніе въ Ар. Имп. Мос. Ун. Дѣл. Совѣта) № 466 за 1852 г., также чернов. письма Иванова къ А. Н. Попову, писанный рукою Ив. Дм. (о немъ ниже), бум. Ельп. Вас. Барсова): что касается археологіи, то лекціи Надеждина, вѣроятно, производили дѣйствіе на Ив. Дм., хотя въ силу своего общаго характера мало могли дать практическихъ свѣдѣній: впрочемъ, въ то время уже былъ силенъ интересъ къ изученію культурной исторіи (см. Иконникова Скеп. школа въ рус. исторіи), съ которой тѣсно связана и археологія; возможно, что подъ руководствомъ Погодина или и самъ Ив. Дм. занимался ею.

въ Ив. Дм. любовь къ русскому, родному, но это чувство было довольно неопредѣленно, здѣсь оно окрѣпло и развилось. Лекціи М. П. Погодина, а, вѣроятно, и бесѣды съ нимъ и его знакомыми до извѣстной степени выяснили основныя, конечно по ихъ мнѣнію, черты нашего народа, особенно опредѣлившіяся сравненіемъ съ западной Европой, начертаны были и извѣстные идеалы русской жизни, указаны недостатки, съ которыми надо было бороться всякому любящему свою родину. Особенно важное значеніе получилъ народъ, именно простой народъ со своей своеобразной жизнью: онъ являлся обширнымъ и крайне завлекательнымъ полемъ для наблюденій и въ то же время возбуждалъ къ себѣ глубокое сочувствіе; мы указывали на это. Сочувствовали и просто, какъ къ себѣ подобнымъ, сочувствовали, какъ родному, болѣе близкому; у Ив. Дм. это сочувствіе было особенно живо: мы указывали на живость его натуры, на доброту и впечатлительность, онъ полюбилъ непростое отвлеченіе—народъ, а именно народъ во плоти, какъ видѣлъ и зналъ его, хотя, конечно, идеализируя его, и это глубокое чувство осталось у него навсегда [59]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тридцатые годы. Служба въ конторѣ Св. Синода (1834—1840). [60]).

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію жизни Ив. Дм., намъ придется нѣсколько остановиться на томъ замѣчательномъ явленіи въ исторіи нашего просвѣщенія, которое извѣстно подъ именемъ славянофильства. Ив. Дм. многіе и теперь считаютъ славянофиломъ, другіе же если и не считаютъ, то всѣ указываютъ на близость его къ славянофиламъ да и самые труды его, какъ увидимъ ниже, указываютъ на эту близость. Хотя Ив. Дм. сталъ участвовать въ славянофильскихъ изданіяхъ лишь съ 50-хъ годовъ и вообще сблизился со славянофилами довольно поздно, однако, чтобы понять его отношеніе къ

[59]) Мы особенно интересовались этимъ именно вопросомъ: какъ развилось у Ив. Дм. чувство любви къ народу: родные Ив. Дм. положительно указывали, что чувство это развилось у него постепенно, въ университетѣ оно окрѣпло и развилось: дома оно особенно сильно и опредѣленно еще не было: Ив. Дм. все же довольно далеко стоялъ отъ простого народа, онъ жилъ въ городѣ, да къ тому же и былъ еще молодъ, многаго и не касался.

[60]) Матеріаломъ для этой главы послужили бумаги Пв. Дм., хранящіяся у Ел. Вас. Барсова, а также воспоминанія объ Ив. Дм. Ел. Дм. Погожевой; нѣкоторыя данныя заимствованы изъ дѣлъ Арх. Имп. Мос. Университета; печатный матеріалъ будетъ указанъ въ своемъ мѣстѣ.

нимъ, намъ неминуемо приходится коснуться ихъ ученія: здѣсь мы постараемся указать въ общихъ чертахъ процессъ сложенія его. Знакомство съ европейской образованностью вслѣдствіе реформъ Петра I открыло для русскихъ людей такой обширный и во многомъ новый міръ, что немудрено было въ первое время увлечься подражаніемъ или заимствованіями. Мы были учениками, да кое въ чемъ, пожалуй, остаемся и по сю пору; но уже скоро у насъ ясно выражается стремленіе не только учиться, но и сравняться съ учителями; въ будущемъ мечталось, быть можетъ, и превзойти. Но, конечно, одного стремленія мало и нужна еще большая подготовка, а она то не всегда бывала: много было самообольщенія видѣть въ отечественныхъ псевдоклассикахъ россійскихъ Расиновъ и Корнелей; тѣмъ не менѣе развитіе шло своей чередой, вырабатывало критическій взглядъ не только на свое домашнее, но и на иностранное; болѣе близкое и серьезное знакомство съ послѣднимъ позволило такъ отнестись къ нему: европейская образованность не представляла какого-то однороднаго цѣлаго; и тамъ шла борьба между старымъ и новымъ и въ послѣднемъ не все было согласно: постепенно стали изучать не болѣе или менѣе однородную внѣшность, а тѣ основные вопросы, въ которыхъ было такъ много несогласнаго, даже противорѣчащаго одно другому Въ то время рядомъ съ блестящимъ развитіемъ раціоналистической философіи уже прокрадывался зародышъ недовольства ею, она не удовлетворяла всѣмъ запросамъ человѣческаго духа. А между тѣмъ въ политической жизни Европы собиралась гроза, разразившаяся въ видѣ великой французской революціи, ужасы которой отрезвили многихъ; явилось реакціонное теченіе, усилившее отрицательное отношеніе къ тѣмъ ученіямъ, которыя въ теоріи казались столь чистыми и прекрасными. Войны революціи и наполеоновское время, а въ тѣсной связи съ ними новое всеобъемлющее направленіе въ образованности, извѣстное подъ именемъ романтизма, довершили дѣло. Мы отмѣтили, какъ все это отразилось на М. П. Погодинѣ, тоже можно сказать и о старшихъ славянофилахъ бр. Кирѣевскихъ и Хомяковѣ. Родились они и росли въ совсѣмъ иной обстановкѣ, чѣмъ М. П. и Ив. Дм.: Кирѣевскіе воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ своей матери Авдотьи Петровны Елагиной, о которой всѣ знавшіе ее отзывались съ глубочайшимъ уваженіемъ, какъ о личности, въ высшей степени нравственной и просвѣщенной [61]) и отчима Ал. Ан. Елагина, человѣка образованнаго и ревностнаго поклонника Шеллинга, важное значеніе имѣлъ и Жуковскій, хотя непосредственное зна-

[61]) О А. П. Елагиной некрологъ, составл. Кавелинымъ «Сѣв. Вѣстн.» 1877 №№ 68 и 69, также Бартенева Рус. Арх. 1877 г. II, стр. 483; у Колюпанова, «Біогр. Ив. Кошелева», т. I, кн. 2, стр. 9—11. Переписка въ «Рус. Арх.».

комство съ нимъ было лишь въ ранней юности у старшаго изъ братьевъ—Ив. Вас. Кирѣевскаго и возобновилось позже; но близость его къ семьѣ Кирѣевскихъ никогда не прерывалась [62]). Мы видимъ здѣсь три вліянія: нравственно религіозное, главнымъ образомъ, со стороны матери, философское со стороны отчима, наконецъ, романтическое, такъ много говорящее чувству, со стороны Жуковскаго и, замѣтимъ еще, что всѣ они, мать, отчимъ и Жуковскій были русскіе люди, у которыхъ много было корней въ родной землѣ, которую любили они всею душой, и, конечно, передавали это, если можно выразиться, русское чувство молодымъ Кирѣевскимъ. Но любопытно здѣсь то различіе у братьевъ, которое сказалось особенно рѣзко, когда взгляды бр. Кирѣевскихъ сформировались: одинъ,—Иванъ Вас., сталъ болѣе и болѣе склоняться къ отвлеченной философіи, въ то время какъ другой, Петръ Вас., сблизился съ народомъ, сталъ изучать его и не въ философіи, а въ глубокой религіозности, именно въ православіи нашелъ отвѣтъ своимъ основнымъ вопросамъ духа. Въ нѣсколько иномъ положеніи былъ Хомяковъ: о родителяхъ его мы знаемъ, что они были глубоко религіозны; особенно мать, и въ этомъ она оказала несомнѣнное вліяніе на сына [63]); вмѣстѣ съ тѣмъ, они, какъ и родители Кирѣевскихъ любили Россію и, какъ тѣ, въ этомъ отношеніи могли назваться вполнѣ русскими людьми; были они по своему времени образованы, но внѣ всякаго сомнѣнія уступали въ этомъ Елагинымъ; словомъ, вліянія, подъ которыми росъ Хомяковъ, были проще, болѣе приближались къ уровню обыденнаго русскаго человѣка. Возмужавъ, и Кирѣевскіе и Хомяковъ приступили къ болѣе серьезнымъ занятіямъ: всѣ они такъ или иначе стали въ связь съ тѣмъ умственнымъ центромъ, какимъ былъ тогда Московскій университетъ: Хомяковъ былъ вольнымъ слушателемъ, самъ онъ и Кирѣевскіе учились у профессоровъ Московскаго университета, но, конечно, это ученіе носило особый характеръ, и справедливо говоритъ Колюпановъ, что „образованіе Хомякова лишено было опредѣленнаго плана и строгой системы, въ томъ видѣ, какъ они существовали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“ [64]). Въ извѣстной степени можно сказать то же и о Кирѣевскихъ, хотя при этомъ надо принять во вниманіе ихъ домашнюю основательную подготовку и ученіе за границей. Рядомъ съ

---

[62]) См. соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго т. стр. I. 3—6.

[63]) См. письмо А. С. Хомякова по поводу кончины матери «Рус. Арх.» 1879 I, стр. 246—248. См. также Колюпанова «Біогр. А. И. Кошелева» т. I, кн. 2, стр. 150—153, гдѣ собраны многіе факты изъ дѣтства Хомякова, также о родителяхъ. Собственное свидѣтельство Хомякова, соч. т. II, стр. 300.

[64]) «Біогр. А. И. Кошелева» т. I, кн. 2, стр. 154.

[65]) Объ этомъ см. Барсукова «Ж. и Тр. М. П. Погодина», т. I, стр. 212 и слѣд.

ученіемъ университетскихъ профессоровъ, а по окончаніи его самостоятельно шло иное ученіе: вопросы, волновавшіе тогда умы и вызывавшіе потребность обсудить ихъ сообща, высказать свое мнѣніе, услышать другихъ, затрогивали многихъ представителей тогдашней молодежи: являлось естественно стремленіе сходиться для обмѣна мыслей, образовывались кружки, придававшіе особый отпечатокъ той эпохѣ; въ самомъ дѣлѣ: газетъ почти не существовало, журналы были въ довольно жалкомъ состояніи, надъ всѣми висѣла какая то пелена страха, а свободная жизнь, досугъ, постоянныя встрѣчи сами собой располагали къ общенію. Въ двадцатыхъ годахъ, именно въ началѣ ихъ образуется Раичевскій кружокъ съ литературнымъ характеромъ, изъ него выдѣляется болѣе тѣсный кружокъ съ иными уже цѣлями: членовъ кружка соединяло общее стремленіе къ наукѣ наукъ — философіи [66]). Въ наше время, пожалуй, можетъ показаться страннымъ влеченіе къ той туманной философіи, которая господствовала тогда въ Европѣ и оттуда проникала къ намъ, а между тѣмъ это влеченіе было общимъ, и въ разсматриваемомъ кружкѣ только зарождалось то движеніе, которое въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ стало у насъ господствующимъ; чтобы понять это, необходимо остановиться на томъ замѣчательномъ времени, которое переживала тогда Европа. Блестящее развитіе раціоналистической философіи догматической, а потомъ, когда стали принимать въ соображеніе многія данныя реальнаго направленія, скептической, разрушавшей и создававшей блестящіе міры, но только въ мечтѣ, не могло не вызвать противъ себя реакціи, какъ въ мірѣ политическомъ вызвалъ реакцію абсолютизмъ королевской власти: умъ, одинъ только холодный, отвлеченный умъ, изсушившій всякое чувство, подводя его подъ условную мѣрку, не могъ въ концѣ концовъ удовлетворить всѣхъ запросовъ духа человѣческаго; начиналась грандіозная борьба противъ издавна сложившихся, окрѣпшихъ вѣками стародавнихъ формъ,— силъ, молодыхъ силъ, не могшихъ умѣститься въ нихъ, рвавшихся на свободу. А рядомъ съ борьбою въ литературѣ, шла борьба въ жизни и, конечно, обѣ находились въ тѣсной взаимной связи. За эпохой бурь явилась потребность остановиться на чемъ нибудь, отыскать какія нибудь новыя основы: это вызвало стремленіе, извѣстное подъ именемъ романтизма. Вотъ какъ характеризуетъ это стремленіе Гаймъ: „прежде всего нужно было собрать въ одно цѣлое всѣ уже находившіеся на лицо идеальные мотивы; нужно было освоиться съ тѣми благородными идеями, которыя уже были развиты творческою дѣятельностью геніаль-

---

[66]) См. Колюпанова «Біогр. А. И. Кошелева», т. I, кн. 2, стр. 72—73. Приведена выдержка изъ записокъ Кошелева о кружкѣ; см. также Пятковскаго «О жиз. и соч. Веневитинова», стр. 13—14, соч. И. В. Кирѣевскаго т. I, стр. 8—9.

ныхъ людей... нужно было провѣрить основательность тѣхъ идей въ ихъ всестороннемъ примѣненіи, провести ихъ въ самыя разнообразныя сферы, перенести духъ поэзіи въ науку, въ жизнь, въ нравы, — однимъ словомъ доставить вновь открытымъ идеямъ неоспоримое господство [67]). Это всеобщее стремленіе къ цѣлостному міровоззрѣнію, гдѣ бы не было разлада ни между чувствомъ, ни между разумомъ, между дѣломъ и мыслью, естественно требовало всеобъемлющей жизненной науки, въ которой и видѣли философію, какъ ее поставили Фихте старшій и Шеллингъ. Частью общность причинъ, подготовившая европейское общество къ этому замѣчательному періоду, частью вліяніе европейскаго просвѣщенія вызвали и у насъ литературное, а послѣ и философское направленіе, сходное съ западноевропейскимъ. Благодаря являющимся теперь въ печати воспоминаніямъ и запискамъ людей того времени, мы можемъ въ общемъ судить о характерѣ направленія тогдашей молодежи: уже въ Раичевскомъ обществѣ можно замѣтить философское направленіе и именно въ сохранившейся статьѣ Веневитинова: „Нѣск. мысл. въ план. журнала“ можно замѣтить цѣлый рядъ своеобразныхъ чертъ: опредѣливъ, что цѣль человѣчества есть самопознаніе, авторъ обращается къ Россіи и разсматриваетъ, какими силами подвигается она къ этой высокой цѣли; и отвѣтъ получается неутѣшительный: „у всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; т. ч. произведенія, достигая даже до нѣкоторой степени совершенства и входя, слѣдовательно, въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера, Россія его получила извнѣ“. Въ новѣйшее время (для автора) въ жизни русскаго общества произошелъ переворотъ, оно освободилось отъ оковъ французскаго вліянія, но не создало себѣ вмѣсто этого ничего: „правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ“, вотъ создать эти правила, возвыситься до самопознанія и является, по мнѣнію автора, основной задачей современнаго поколѣнія: отказавшись отъ безполезнаго подражанія, сами сдѣлавшись предметомъ своихъ розысканій и тѣмъ пріобрѣтя необходимую самостоятельность мысли, мы должны попытаться это сдѣлать: „Итакъ, говоритъ авторъ, философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ — вотъ предметы, заслуживающіе особеннаго нашего вниманія, предметы тѣмъ болѣе необходимые для Россіи, что она еще нуждается въ твердыхъ основаніяхъ изящныхъ наукъ, и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности и, слѣдовательно, своей нравственной свободы въ

[67]) См. «Романтическая школа» Р. Гайма пер. съ нѣм. Невѣдомскаго М. 1891 г. стр. 10 и др.

литературѣ, въ одной философіи“ [68])... Мы сейчасъ говорили, что именно въ видахъ ближайшаго изученія философіи и составился болѣе тѣсный кружокъ. Что же это была за философія? Мы можемъ утвердительно отвѣтить—романтическая Шеллингова; въ своихъ запискахъ А. И. Кошелевъ подробно описываетъ этотъ кружокъ и его занятія, состоявшія въ чтеніи нѣмецкихъ философовъ, среди которыхъ первенствовалъ Шеллингъ и его ученики [69]), [70]) однако, изученіе философіи носило своеобразный характеръ, которое можно видѣть изъ приведенной статьи Веневитинова, игравшаго главную роль въ кружкѣ [71]). У членовъ кружка являлось стремленіе не изучить извѣстную систему, а создать свое оригинальное: это направленіе чрезвычайно любопытно и объясненіе его, кажется приходится искать въ самомъ характерѣ тогдашней философіи: она получала какую то таинственность и необъятность по тому основанію, которое лежало въ ней; не разумъ со строго опредѣленнымъ содержаніемъ, которое можно изучить, свести къ извѣстнымъ формуламъ, а чувство: реальное, ясное по своей реальности, но невѣдомое и неизмѣримое: философія въ томъ или другомъ видѣ, въ томъ или другомъ ученіи, только стропила болѣе или менѣе удобныя дороги, какъ ранѣе, думали тогда наши молодые мыслители, стропила религія, и притомъ сама философія была лишь результатомъ общихъ законовъ, слѣды которыхъ видны во всемъ. Въ кружкѣ средины 20-хъ годовъ видно свѣжее, полное надеждъ настроеніе молодости: они видѣли цѣль, чувствовали потребность стремиться къ достиженію ея, а средства, въ которыхъ-то и лежала вся сила, оставляли въ сторонѣ. Какъ-то чувствуешь эту бодрость, когда читаешь такія слова: „Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысимъ

---

[68]) Статья приведена у Колюпанова «Біогр. Ал. Ив. Кошелева», т. I, кн 2 стр. 66—71.

[69]) Выдержки приведены у Колюпанова ibid. стр. 72—73 и слѣд. стр. «Рус. Арх. 1879 г., т. III. Восп. Кошелева.

[70]) Отчасти мы указали на увлеченіе М. П. Погодина Шеллингомъ; это чрезвычайно любопытно; М. П., сначала относившійся скептически къ философіи, сталъ ревностно заниматься ею; она оказала, какъ мы видѣли, даже вліяніе на его ученыя занятія, но не надолго: скоро практическій складъ ума взялъ верхъ, см. у Барсукова »Ж. и Тр. М. П. Погодина», т. I и II отрывки изъ дневника.

[71]) Это признается, кажется, всѣми; вотъ слова Кирѣевскаго: «Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его философіи» и далѣе «кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройною жизнью души, поэтической,—тотъ узнаетъ философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка». Соч. И. В. Кирѣевскаго, т. I, «Обозр. рус. слов. за 1829 г.», стр. 32.—Какое значеніе для другихъ имѣла смерть Веневитинова, лучше всего видно по дневнику М. П. Погодина; впослѣдствіи друзья его свято чтили память его, см. «Ж. и Тр. М. П. Погодина» Барсукова т. I.

надъ чистотою слога. Но чѣмъ ограничить наше вліяніе? Гдѣ положишь ты ему предѣлъ, сказавъ nec plus ultra? Пусть самое воображеніе поставитъ ему Геркулесовы столбы,—новый Колумбъ откроетъ за ними новый свѣтъ“ [72]). Мы нарочно остановились такъ долго на кружкѣ кн. Одоевскаго, такъ какъ полагаемъ, что ему довелось сыграть огромную роль въ выработкѣ ученія, или лучше сказать приступовъ къ ученію славянофиловъ. Въ самомъ дѣлѣ уже въ 1829 г. въ ст. Ив. Вас. Кирѣевскаго „Обозр. рус. слов. за 1828 г.“ читаемъ нѣчто вродѣ программы будущей философіи, программы, въ которой видно тѣсное сходство и связь съ изложенной выше статьей Веневитинова: „что долженъ былъ совершить Веневитиновъ, чему помѣшала его ранняя кончина, то совершится само собой, хотя, можетъ быть, уже не такъ скоро, не такъ полно, не такъ прекрасно. Намъ необходима философія: все развитіе нашего ума требуетъ ее. Ею одною живетъ и дышетъ наша поэзія; она одна можетъ дать душу и цѣлость нашимъ младенчествующимъ наукамъ, самая жизнь наша можетъ быть, займетъ отъ нея изящество стройности. Но откуда придетъ она? гдѣ искать ее? Конечно, первый шагъ нашъ къ ней долженъ быть присвоеніемъ умственныхъ богатствъ той страны, которая въ умозрѣніи опередила всѣ другіе народы. Но чужія мысли полезны только для развитія собственныхъ. Философія нѣмецкая вкорениться у насъ не можетъ. Наша философія должна развиться изъ нашей жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ нашего народнаго и частнаго быта“ [73]). Это тѣ же мысли, тѣ же надежды и ожиданія, но уже слышится и новая нота: то, что казалось прежде столь близкимъ, столь возможнымъ, отодвинулось вдаль; на первый планъ выступаютъ болѣе существенные вопросы: что это за философія, которую нужно создать, видны нѣкоторые намеки на будущій характеръ ея. Но не всѣ были рождены для отвлеченнаго умозрѣнія, не для всѣхъ являлась потребность искать цѣлостности міросозерцанія въ философіи, у иныхъ натуръ и самая потребность отсутствовала, для другихъ натуръ, по преимуществу религіозныхъ, такую цѣлостность давала религія. Роковой вопросъ о соотношеніи религіи и философіи, во многомъ стремящихся къ одной цѣли, былъ также живъ и тогда, какъ живъ и теперь. Любопытно, что было не мало людей, въ то время, умѣвшихъ соединять тогдашнюю философію съ ея нѣсколько пантеистическимъ характеромъ и строгое православіе: дѣло было въ томъ, чему отдавать преимущество, въ чемъ видѣть основу

---

[72]) Соч. И. В. Кирѣевскаго въ письмѣ къ Кошелеву, стр. 13.
[73]) Назв. ст. соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I, стр. 33.

и въ чемъ переходную ступень, и не мало было людей, принимавшихъ участіе въ самомъ кружкѣ Одоевскаго, отводившимъ второе мѣсто именно философіи: таковы были Погодинъ, Титовъ, Пет. Вас. Кирѣевскій, остававшійся, кажется, съ начала до конца вѣрнымъ себѣ, таковымъ, по свидѣтельству Кошелева, былъ и Хомяковъ [74]). Въ этомъ и было коренное различіе ихъ; въ остальномъ было много сходства: выросшіе подъ вліяніемъ болѣе или менѣе одинакихъ условій, воспитавшихъ въ нихъ глубокое національное чувство, учившіеся по однѣмъ книгамъ, они, конечно, находили много вопросовъ, гдѣ всегда могли сходиться и быть вполнѣ единомысленными, только это различіе могло вызвать расколъ, но какъ увидимъ его не послѣдовало. Тридцатые года мало извѣстны въ отношеніи исторіи славянофильства: соберемъ, что можемъ. Ив. Вас. Кирѣевскій, довершивъ свое философское образованіе путешествіемъ въ Германію, приступилъ къ намѣченной имъ, какъ мы видѣли, въ 1829 г. цѣли знакомить русское общество съ европейскою образованностью, для чего и сталъ издавать „Европейца“, въ которомъ помѣстилъ первое свое историко-философское произведеніе „Девятнад. вѣкъ“. Сравнивая это произведеніе съ предыдущими, сразу замѣчаешь крупный шагъ въ дѣлѣ развитія его основныхъ воззрѣній: здѣсь говорится не только объ ученьи у Запада, чтобы приготовиться къ выработкѣ самостоятельнаго просвѣщенія, но затрагиваются болѣе глубокіе вопросы: прежде всего самое западное развитіе представляется автору, какъ дошедшее до крайняго своего предѣла; тамъ уже явилось сознаніе этого: Шеллингъ, говоритъ авторъ, который первый создалъ систему тожества, теперь самъ открываетъ новую цѣль и прокладываетъ новую дорогу для философіи“ [75]). Авторъ указываетъ этотъ новый путь: это историческая положительная философія, сближающая весь кругъ умозрительныхъ наукъ съ жизнью и дѣйствительностью, согласная въ этомъ съ направленіемъ литературы и религіозной жизни: любопытно сужденіе автора о религіи: „религія не одинъ обрядъ и не одно убѣжденіе (какъ недавно думала большая часть людей просвѣщенныхъ). Для полнаго развитія, не только истинной, но даже и ложной религіи, необходимо единомысліе народа, освященное яркими воспоминаніями, развитое въ преданіяхъ однозначительныхъ, сопроникнутое съ устройствомъ государственнымъ, олицетвореннее въ обрядахъ однозначительныхъ и общенародныхъ, сведенное къ одному началу положительному, и ощутительное во всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ отношеніяхъ. Безъ этихъ условій есть убѣжденіе, есть

[74]) Ст. «Рус. Арх.» 1879 г., т. III, восп. объ А. С. Хомяковѣ, А. И. Кошелева.

[75]) Соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I, «Девят. вѣкъ», стр. 70.

обряды, но собственно религіи—нѣтъ, и авторъ указываетъ, что вездѣ въ Европѣ замѣтно одно: всѣ сходятся „въ требованіи большаго сближенія религіи съ жизнью людей и народовъ“ [76]). Такъ. образомъ мы видимъ, что авторъ отводитъ важное мѣсто религіи, далѣе, авторъ, развивая свою мысль отводитъ ей первенствующее мѣсто по значенію въ дѣлѣ развитія просвѣщенія: именно, сравнивая Европейское просвѣщеніе съ нашимъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что кореннымъ отличіемъ ихъ будетъ то, что въ Россіи недоставало классическаго міра и его вліянія на церковь, вліянія, бывшаго въ западной Европѣ; впрочемъ, хотя слѣдствіемъ этого и было, что Россія была раздроблена, стонала подъ игомъ татаръ, но у насъ была „христіанская религія... еще чище и святѣй, чѣмъ на Западѣ“ [77]). Въ виду отсутствія вліянія классическаго міра, существеннаго элемента, по мнѣнію автора въ развитіи просвѣщенія, самое усвоеніе просвѣщенія Запада было невозможно; указавъ затѣмъ, что наступила въ Европѣ новая эра просвѣщенія еще съ половины восемнадцатаго вѣка „новое просвѣщеніе, говоритъ авторъ, противоположно старому и существуетъ самобытно; потому народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту“ [78]). А между тѣмъ по какому-то непреложному закону просвѣщеніе идетъ впередъ и впередъ: „когда же просвѣщеніе человѣчества, довершивъ извѣстный періодъ своего развитія, идетъ далѣе и, слѣдовательно, измѣняетъ характеръ свой, тогда и народы, выражавшіе сей характеръ своею образованностію, перестаютъ быть представителями Всемірной Исторіи. Ихъ мѣсто заступаютъ другіе, коихъ особенность всего болѣе согласуется съ настапающею эпохою“ [79]). Здѣсь намъ не трудно замѣтить уже много мыслей, выраженныхъ въ послѣдующихъ трудахъ славянофиловъ: основа всей жизни въ просвѣщеніи, при томъ духовная жизнь неразрывно связана съ физическими ея проявленіями, у самаго просвѣщенія огромную роль играетъ религія, отъ нея все получаетъ свое существованіе; въ частности проглядываютъ мысли о провиденціальной роли Россіи въ силу ея особыхъ качествъ, въ силу неразрывно связанныхъ съ ними особенностей исторической жизни; правда, все это высказано довольно неопредѣленно, все еще много общихъ выраженій, но во всякомъ случаѣ это шагъ впередъ въ выработкѣ историко-философскаго ученія. Разсматривая эту статью Ив. Вас. сравнительно съ преды-

[76]) ibidem, стр. 71.
[77]) ibidem стр. 77.
[78]) ibidem, стр. 85.
[79]) ibidem, стр. 81—82.

душими, мы еще болѣе можемъ уяснить его внутреннюю личность: отсюда можно видѣть, каковы были религіозныя убѣжденія Ив. Вас.; та истинная религія, о которой онъ писалъ Кошелеву (стр. 39). Хотя Кошелевъ и свидѣтельствуетъ о свободномъ отношеніи кружковцевъ къ религіи, но, принимая въ соображеніе набожность, унаслѣдованную съ дѣтства, свидѣтельства письма, приведеннаго нами, и заграничнаго о Шлейермахерѣ, критикующее ученіе послѣдняго о жизни Христа [80]), наконецъ, данное мѣсто, едва-ли можно сомнѣваться, что у Ив. Вас. было много въ душѣ чистой, простой вѣры, которую онъ соглашалъ такъ или иначе съ философскими своими взглядами [81]). Можно представить так. обр. то впечатлѣніе, какое произвелъ на него Шеллингъ со своей „новой дорогой“ (стр. 41), подъ которой безъ сомнѣнія подразумѣвается мистическо-религіозное направленіе его; вотъ мѣсто изъ письма Ив. Вас.: „пишу я мало, зато слушаю лекціи аккуратно и нѣкоторыя записываю. Шеллинговы лекціи легли довольно стройно, и потому я ихъ пришлю не къ Погодину, а къ папенькѣ, а то первый, боюсь, напечатаетъ. Вы зато прочтете ему то изъ нихъ, что вамъ понравится, потому что эти лекціи писаны такъ, что, кажется, и вы прочтете ихъ не безъ удовольствія. Система Шеллинга такъ созрѣла въ его головѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ печатать, что она, какъ готовый плодъ, совсѣмъ отдѣлилась отъ той вѣтви, на которой начинала образовываться, и свалилась кругленькимъ яблочкомъ между исторіей и религіей“ [82]). Несмотря на нѣкоторый добродушный юморъ, съ которымъ Ив. Вас. въ своихъ письмахъ отзывался объ учителѣ Шеллингѣ, его ученикахъ и другихъ германскихъ философахъ того времени, все же онъ самъ еще дома усвоилъ много изъ ихъ ученій и примыкалъ къ нимъ: извѣстный поворотъ, обусловленный самимъ существомъ дѣла, непремѣнно долженъ былъ отозваться въ, немъ пробудить, развить до тѣхъ поръ скрытыя или невыяснившіяся чувства, воззрѣнія; съ другой стороны знакомство лично съ тогдашними знаменитостями, съ разногласіемъ ихъ мнѣній могло только укрѣпить Ив. Вас. въ его самостоятельномъ взглядѣ на будущее русской философіи. Послѣ запрещенія „Европейца“ происходитъ въ Ив. Вас. рѣшительный переломъ, послѣ котораго мы уже встрѣчаемъ его съ опредѣленнымъ и яснымъ взглядомъ на окружающее. Какъ совершился переломъ и въ чемъ состоялъ онъ? Біографъ Ивана Вас. приписываетъ его вліянію брата Петра Вас. и указываетъ на

---

[80]) ibidem, стр. 41 и слѣд. въ соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I, матер. для біогр.
[81]) Колюпановъ «Біогр. А. И. Кошелева», т. I, кн. 2, стр. 83.
[82]) Соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I, стр. 59, стр. стр. 61 и 45. Мат. для біогр.

горячія и частыя бесѣды братьевъ, въ которыхъ и выражалось вліяніе Петра Вас.; съ другой стороны указываютъ еще знакомство и сближеніе Ивана Вас. съ Оптинскими монахами [83]). Мы указали уже на личность Петра Вас.: она до сей поры окружена какимъ то таинственнымъ ореоломъ; со словъ знавшихъ его, это былъ человѣкъ замѣчательно цѣльнаго характера, который остался вѣренъ на всю жизнь однимъ убѣжденіямъ, однимъ взглядамъ [84]); эти убѣжденія были глубокая религіозность въ духѣ православія, высоко развитое чувство національности, и именно насколько выражалось оно въ любви ко всему русскому, народному, ко всѣмъ особенностямъ русскаго характера, какъ онъ выражался въ жизни и въ исторіи, конечно, идеализованнымъ въ высшей степени: словомъ, намъ кажется, можно сказать, что Петръ Вас. былъ на столько же „русскимъ“, на сколько братъ его былъ „европейцемъ“. Единственная статья его чрезвычайно характерна: она написана по поводу взгляда Погодина на русскую исторію сравнительно съ западноевропейской и горячо защищаетъ русскую старину противъ тѣхъ мнимыхъ порухъ, которыя увидѣлъ онъ въ этомъ взглядѣ (замѣтимъ отъ себя, довольно таки въ свою очередь идеализовавшимъ нашу старину [85]). Понятно каково должно было быть вліяніе брата: и безъ того уже подготовленный съ дѣтства къ религіозности, впечатлительный отъ природы, обладавшій умомъ въ высшей степени философскимъ, стремящимся къ одному цѣлостному міровоззрѣнію, далѣе, воспитанный на философіи Шеллинга и съ нею вмѣстѣ приведенный постепенно къ религіи, правда философской, Иванъ Вас. сталъ предъ основнымъ вопросомъ: что въ основѣ міра, а въ связи съ этимъ, что значитъ это безконечное разнообразіе, являемое намъ внѣшнимъ и внутреннимъ познаніемъ? Онъ не могъ принять рѣшенія, предлагаемаго германскими философами, такъ какъ глубоко вѣровалъ въ новое, еще невысказанное слово и въ то-же время видѣлъ недостатки и и односторонность германской философіи въ различныхъ ея направленіяхъ, а потребность найти основаніе для міровоззрѣнія была велика: внутреннее живое чувство, ходъ мыслей, вліяніе брата указали это основаніе) см. письмо И. С. Аксакова въ Рус. Арх. 1873-й кн. 12, 2520—21). Въ 1839 г. Ив. Вас. пишетъ въ отвѣтъ Хомякову статью, въ которой уже ясно и опредѣленно выражены основные взгляды Ив. Вас., лишь развитые болѣе и разработанные впослѣдствіи: въ на-

---

[83]) Соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I, стр. 83—85. Матер. для біогр.

[84]) Въ соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго т. I, стр. 83. прим. и др. собраны скудныя свѣдѣнія о Пет. Вас. см. также Колюпанова, «біогр. А. И. Кошелева», о семьѣ Кирѣевскихъ и Елагиныхъ, но Колюпановъ совсѣмъ почти обходитъ Пет. Вас.; у Барсукова «Ж. и Пер. М. П. Погодина», собрано воедино много замѣчаній.

[85]) Москвит. 1845, ч. II, кн. 3:

чалѣ статьи, указавъ на неправильную постановку вопроса о возвращеніи назадъ, Ив. Вас. прямо переходитъ къ кореннымъ вопросамъ просвѣщенія нашего и западнаго: „Разсматривая основныя начала жизни, говоритъ онъ, образующія силы народности въ Россіи и на Западѣ, мы съ перваго взгляда открываемъ между ними одно очевидно общее это христіанство. Различіе заключается въ особенныхъ видахъ христіанства, въ особенномъ направленіи просвѣщенія въ особенномъ смыслѣ частнаго и народнаго быта [86]). Остановившись на этой мысли подробнѣе, Ив. Вас. видитъ все зло на Западѣ, вытекшимъ изъ того, что тамъ вліялъ классическій міръ, который „въ сущности своей представляетъ торжество формальнаго разума человѣка надъ всѣмъ, что внутри и внѣ его находится“. Этотъ разумъ, вторгшись во всѣ сферы западной жизни, внесъ съ собой мертвый разлагающій элементъ: разумъ вошелъ въ разладъ съ религіей, въ обществѣ установилось господство личности, формальной правды, а не нравственности. Не то было въ Россіи: христіанство восточное не знало ни этой борьбы вѣры противъ разума, ни этого торжества [87]); въ общественномъ устройствѣ Россія не знала личной самобытности: „человѣкъ принадлежитъ міру, міръ ему“; все строилось на крѣпкихъ повсемѣстныхъ обычаяхъ, „самое слово: правъ, было у насъ неизвѣстно въ западномъ смыслѣ, но означало только справедливость, правду“. Ив. Вас. рисуетъ здѣсь идеальную картину старинной Руси, столь отличающуюся отъ позднѣйшей; невольно является вопросъ, отчего утратился этотъ свѣтлый порядокъ, это блаженное время? И Ив. Вас. отвѣчаетъ на это: „Одинъ фактъ въ нашей исторіи объясняетъ намъ причину этого несчастнаго переворота; этотъ фактъ есть Стоглавый Соборъ. Какъ скоро ересь явилась въ Церкви, такъ раздоръ духа долженъ былъ отразиться и въ жизни“ [88]). Здѣсь мы видимъ полное, безъ малѣйшей уступки дѣйствительному положенію вещей (въ нашемъ, конечно, смыслѣ) проведеніе одной основной идеи: все въ христіанствѣ и отъ христіанства, и именно православнаго христіанства. Для полноты изображенія первоначальнаго развитія славянофильскаго ученія мы скажемъ еще нѣсколько словъ о Хомяковѣ. О немъ сохранилось еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ объ Иванѣ Вас. Кирѣевскомъ. Мы знаемъ, что онъ живетъ все это время въ Москвѣ и въ деревнѣ; все тотъ же православный по убѣжденію и энциклопедистъ, эклектикъ по образованію и, главное, неутомимый и просто геніальный спорщикъ, а въ то время было съ кѣмъ и о чемъ поспорить. Ю. Ѳ. Са-

---

[86]) Соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I, ст. 190.
[87]) Ibidem, стр. 194 и 195.
[88]) Ibidem, стр. 198.

маринъ въ предисловіи ко II-му т. соч. Хомякова живо рисуетъ состояніе тогдашняго общества: философія того времени придавала вѣрѣ значеніе пережитой формы самосознанія, при чемъ хотя и давала мѣсто въ этомъ переживаніи католицизму и протестантству, но православіе оставляла въ сторонѣ, она не давало ему даже исторической заслуги, какъ западнымъ вѣроисповѣданіямъ; къ этому присоединялось формальное отношеніе къ вѣрѣ и даже полный индефферентизмъ, и при этомъ устойчивость сомнѣнія, колебанія, то, что Самаринъ назвалъ „невѣріемъ отъ недоразумѣній“ [89]). Яркимъ примѣромъ тогдашнихъ мыслящихъ людей можетъ служить Чаадаевъ съ его знаменитымъ письмомъ: если сравнить общій взглядъ, выраженный въ немъ, съ мыслями Ив. Вас. Кирѣевскаго, то легко замѣчаешь одну общую черту—высокое значеніе религіи, лучше сказать церкви въ дѣлѣ развитія общества, и въ тоже время, какое огромное различіе! Иванъ Вас. даже въ этоху неустановившихся взглядовъ, еще въ полномъ смыслѣ слова западникъ, уже признавалъ, что у насъ христіанская религія, быть можетъ, была чище и святѣй, чѣмъ на западѣ, а Чаадаевъ именно указывалъ на то, что мы приняли христіанство изъ мутнаго источника, что отсюда вся наша образованность, а въ связи съ нею жизнь получила извращеніе [90]). Анненковъ, быть можетъ, слишкомъ даже большое значеніе придаетъ письму Чаадаева; вѣдь, не одинъ, безъ сомнѣнія, держался такихъ взглядовъ Чаадаевъ; гораздо вѣрнѣе прямо указать на среду, какъ это дѣлаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ [91].) Отъ 30-хъ годовъ мы имѣемъ два замѣчательныхъ свидѣтельства о взглядахъ Хомякова: съ одной стороны въ 1838-мъ или около того Хомяковъ принимается за свой гигантскій по замыслу трудъ: „Записки о всемір. исторіи“, ту «Семирамиду», о которой даже близкіе ему люди знали по наслышкѣ, съ другой—онъ пишетъ статью „О старомъ и новомъ“, вызвавшую отвѣтъ Ивана Вас. [92]). Гильфердингъ даетъ такую.

---

[89]) См. Хомякова т. II, предисл. стр. III—VIII. Безъ сомнѣнія на мѣсто на стр. III—IV оказало вліяніе извѣстное письмо Чаадаева.

[90]) См. «Телескопъ», 1836 г. № 15: Философич. письма къ Г-жѣ ***.

[91]) Анненковъ: «Замѣч. десят.»: «Съ извѣстнаго письма Чаадаева, однакожъ въ 1836 году, въ которомъ византизмъ объяснялся источникомъ умственнаго и политическаго растлѣнія всей Россіи и предавался чуть чуть не проклятію исторіи, уже нельзя было обойти вопроса о византизмѣ всякому, кто захотѣлъ бы сообщить своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ видъ критически обсужденнаго и разсмотрѣннаго дѣла. А. С. Хомяковъ не только не обходилъ вопроса, но настойчиво примѣшивалъ его ко всѣмъ явленіямъ жизни и къ такимъ сферамъ дѣятельности человѣческой, гдѣ его присутствіе всего менѣе ожидалось. вездѣ, давая ему, подъ рукою роль мѣрила истины, добра и красоты». Вѣст. Евр. 1880, кн. 3, стр. 20.

[92]) Можетъ показаться страннымъ, что мы излагаемъ отвѣтъ ранѣе вопроса: дѣло въ томъ, что мы беремъ ихъ лишь какъ характеризующіе Ив. Вас. Кирѣевскаго и Хомякова, а равно и тогдашнее состояніе славянофильскаго кружка.

замѣчательно вѣрную характеристику „записокъ“: Хомяковъ поставилъ себѣ задачею изложить схему, какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы во первыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земного шара была поставлена въ надлежащее соотношеніе; чтобы, во вторыхъ, славянскому племени возвращено было подобающее ему мѣсто, и чтобы, въ третьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ—религіи“ [93]). Такимъ образомъ, что высказывалъ такъ прямолинейно Иванъ Вас. въ своей статьѣ 1839 г., то основное значеніе религіи, которое выдвигалъ онъ, должно было получить ясное выраженіе въ ходѣ всей исторіи міра, обосновать ее и обосноваться ею въ свою очередь. Однако у И. В. Кирѣевскаго и Хомякова было существенное и очень характерное для нихъ различіе, особенно рѣзко выяснявшееся въ ихъ полемическихъ статьяхъ: „О старомъ и новомъ“, на что послѣдовалъ уже разсмотрѣнный нами отвѣтъ, и въ статьѣ по поводу статьи Ивана Вас.: „О хар. просв. Евр. и объ его отнош. къ просвѣщ. Россіи“. Уже въ 1839 г., когда еще Хомяковъ не вполнѣ (впрочемъ въ частныхъ приложеніяхъ основныхъ воззрѣній) выработалъ свои взгляды [94]), одно было несомнѣнно: сошедшись въ основныхъ взглядахъ на жизнь, именно на главное значеніе религіи, сошедшись въ общей горячей любви ко всему русскому, въ вѣрѣ въ грядущее высокое назначеніе Россіи, они разнились въ одномъ: Хомяковъ былъ ближе къ жизни, къ нашей обыденной дѣйствительности, онъ болѣе допускалъ компромиссовъ, тогда какъ Ив. Вас. проводилъ свой взглядъ до мельчайшихъ подробностей въ цѣломъ, безъ малѣйшей урѣзки [95]). Здѣсь-то, полагаемъ мы, и основа ихъ разногласія на старорусскую жизнь: оттого-то и видимъ у Хомякова большее вниманіе къ фактамъ, представляемымъ исторіей, не такое всеобъемлющее религіозное объясненіе хода ихъ. Хомяковъ являлся звѣномъ въ извѣстной степени отъ теоретиковъ къ болѣе практическому направленію въ Славянофильствѣ [96]).

---

[93]) Соч. Хомякова т. Ш, предис. стр. XI.

[94]) Въ Мат. для біогр. Ив. Вас. Кирѣевскаго (соч. т. I, стр.) выражена мысль, что «можетъ быть,... Хомяковъ писалъ (эту статью) съ намѣреніемъ вызвать возраженіе со стороны Кирѣевскаго». Кажется, это натяжка, гораздо вѣроятнѣе мнѣніе издателя соч. Хомякова: «есть нѣкоторыя частности въ статьѣ А. С. Хомякова, которыя затронуты имъ здѣсь поверхностно и такъ сказать мимоходомъ, а можетъ быть, еще и не были имъ уяснены себѣ самому, въ той мѣрѣ, какъ въ статьяхъ позднѣйшаго періода». Соч. Хомякова т. I, стр. 359 пр.

[95]) Это прекрасно выражено Бест.-Рюминымъ: именно имъ подчеркивается болѣе жизненное, не отвлеченное, какъ у Ив. Вас. Кирѣевскаго, направленіе Хомякова: «Славян. уч. и его судьбы въ рус. лит.», Отеч. Зап. 1862 г., № 2, 3 и 5, см. № 3, стр. 30—31.

[96]) Въ то время у Ив. Вас. складывалось и догматическое философское уче-

Такъ слагался кружокъ, но кромѣ этихъ основныхъ лицъ его было немало другихъ такъ или иначе связанныхъ съ ними, раздѣляющихъ съ нами въ большей или меньшей степени различныя воззрѣнія ихъ. Мы упомянемъ здѣсь о М. П. Погодинѣ, который, по его собственному выраженію, былъ ни западникъ, ни славянофилъ, но болѣе склонялся къ послѣднимъ. Мы ранѣе коснулись уже его личности, теперь укажемъ, что въ тридцатыхъ годахъ лишь развились и вылились въ болѣе опредѣленной формѣ тѣ начала, тѣ взгляды и соображенія, которыя жили въ немъ въ двадцатыхъ. Мы видѣли, что вліяніе общества и дружескаго кружка заставили его заняться философіей, которая, впрочемъ, лишь отчасти коснулась его: практическій складъ ума, самая дѣятельность, которой онъ по необходимости долженъ былъ предаваться, столь далекая отъ той свободы и досуга, кокорыми такъ широко пользовались старшіе славянофилы, не позволили долго останавливаться надъ нею: читая дневникъ его, сразу замѣчаешь, какъ болѣе и болѣе практическіе интересы затягивали М. П. [97]); тѣмъ не менѣе онъ былъ близокъ къ славянофиламъ, какъ глубоко вѣрующій православный и любящій родной народъ и страну; чувства эти постоянно выражались у него и обусловливали въ извѣстной степени самые взгляды его: мы приводили выше свидѣтельство Самарина о лекціяхъ М. П. и впечатлѣніе ихъ на него; въ ученыхъ произведеніяхъ М. П. также явился защитникомъ русской старины противъ навѣтовъ, поднявшихся на нее въ то время въ русской исторической литературѣ. Странно можетъ показаться, какія могутъ быть отношенія въ дѣлѣ науки съ тѣми или другими чувствованіями: можно говорить о вліяніи на выборъ занятій, даже на выборъ того или другого отдѣла, но вносить въ обсужденіе фактовъ, въ выводы симпатіи и антипатіи кажется странно. Но дѣло въ томъ, что, не говоря уже о невозможности полной объективности, при слабой разработкѣ той или другой науки приходится часто дѣлать общіе выводы, основываясь на малыхъ

ніе, развитое впослѣдствіи главнымъ образомъ Хомяковымъ, см. письмо къ Хомякову. Соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I.

[97]) Мы ограничиваемся здѣсь выясненіемъ основы ученія славянофиловъ: поэтому лишь слегка касаемся самой системы ихъ, т. е. проведенія основы въ сферы умственной и практической жизни; равно и характера въ этой жизни славянофиловъ: въ послѣднемъ они являлись въ средѣ лучшихъ представителей своего времени по широтѣ и гуманности воззрѣній. Теперь едва ли кто въ этомъ можетъ сомнѣваться: если ихъ можно и должно назвать консерваторами то въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ: скорѣе это были перлы тогдашнихъ передовыхъ людей. См. ст. Герье: Народ. и проц. «Рус. Мыс.» 1882 г. № 4. Общечеловѣческая сторона ученія славянофиловъ особенно у О. Миллера «Осн. уч. пер. славян.» «Рус. Мыс.» 1880 г. № 1 и 3.

[98]) См. у Барсукова: «Ж. и Тр. М. И. Погодина IV—VII т.т., гдѣ приведены выдержки.

данныхъ и дополняя ихъ собственной догадкой, въ большей или меньшей степени вслѣдствіе этого апріорной; въ этомъ случаѣ и при ученой добросовѣстности сплошь и рядомъ встрѣчаемъ разногласія, вытекающія изъ болѣе общихъ воззрѣній своихъ сторонниковъ въ силу самаго своего характера. Нѣчто въ этомъ родѣ было и въ нашей молодой исторической наукѣ. Въ то время она переживала кризисъ: исторіографія прошлаго столѣтія, по преимуществу придававшая исторіи характеръ литературный по формѣ, а въ извѣстной степени и по содержанію, притомъ видѣвшая въ исторіи главнымъ образомъ исторію политическую, получила въ лицѣ Карамзина вѣнецъ свой; трудъ Карамзина позволилъ осмотрѣться, далъ основаніе для новыхъ работъ уже въ иномъ направленіи: между тѣмъ частью самостоятельно, но несомнѣнно въ гораздо большей степени подъ западнымъ вліяніемъ начинаютъ предъявляться новыя требованія какъ къ источникамъ, такъ и къ содержанію исторіи: уже является потребность въ исторіи внутренней, въ исторіи культуры въ широкомъ смыслѣ этого слова. Одинъ изъ немногихъ профессоровъ того времени, преподававшихъ русскую исторію, Каченовскій, понималъ это движеніе науки: выучившійся на западныхъ образцахъ, онъ сдѣлался горячимъ приверженцемъ Шлецера и его исторической критики и старался примѣнять ее самъ къ отечественнымъ матеріаламъ. Когда появилось знаменитое твореніе Нибура, Каченовскій примкнулъ къ нему; уже не довольствуясь критикой Шлецера, тяготѣвшей къ разбираемымъ ею источникамъ, онъ задумалъ провѣрить ихъ по соображенію съ цѣлымъ ходомъ исторической жизни народа, по сравненію его съ ходомъ жизни западныхъ народовъ. Задачей его стало уничтожить „смѣшеніе эпохъ, выставить каждую изъ нихъ съ соотвѣтствующимъ ей характеромъ, уяснить такимъ образомъ постепенный ходъ исторіи, преемство явленій, естественный, законный выходъ однихъ явленій изъ другихъ, послѣдующаго изъ предыдущаго“ [99]). Каченовскій приступилъ къ дѣлу рѣшительно, онъ самъ говорилъ въ предисловіи къ разбору Русс. Правды, что намѣренъ „приступить къ изданію нѣкоторыхъ трудовъ, коими должно быть ознаменовано (его) существованіе въ здѣшнемъ свѣтѣ, какъ профессора исторіи и статистики государства Россійскаго“ [100]): эти труды коснулись вопросовъ историческихъ, юридическихъ и экономическихъ, и всюду вносили безпощадный скептицизмъ, подрывавшій достовѣрность свидѣтельства нашихъ источниковъ. Въ новости взглядовъ,

[99]) Біогр. сл. пр. Моск. Ун. т. I, стр. 402. Біогр. Каченовскаго, нап. Соловьевымъ.

[100]) Вѣст. Евр. 1829 г. № 13—16, стр. 24.

БЛАГОВѢСТЪ

Февраль

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

Продолженіе статьи Е. К. Апостолиди: „Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 23 сентября 1894 года.
Цензоръ Протоіерей А. Автономовъ.

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

II.

Отношеніе новозавѣтныхъ св. писателей и мужей апостольскихъ къ древне-греческой образованности.

Если можно говорить о какихъ либо опредѣленныхъ отношеніяхъ христіанскихъ писателей первыхъ двухъ вѣковъ къ классическому образованію, если дѣйствительно у этихъ писателей можно находить извѣстный взглядъ на это образованіе, то, принимая во вниманіе опредѣляющее значеніе ихъ писаній, особенно каноническихъ, для жизни и дѣятельности всей христіанской церкви, — мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что здѣсь, въ этихъ писаніяхъ,—ключъ къ разрѣшенію труднаго вопроса объ отношеніяхъ классическаго и христіанскаго образованія и что всякіе дальнѣйшіе изысканія и доводы въ пользу того или другого являются уже излишними. Не даромъ представители самыхъ противоположныхъ взглядовъ на классическое образованіе искали основаній для себя прежде всего именно въ этихъ писаніяхъ и считали подобныя ссылки краеугольнымъ камнемъ своей аргументаціи. Но этотъ же фактъ можетъ косвенно указывать и на то, что опредѣленнаго и ясно выраженнаго взгляда на классическое образованіе писанія новозавѣтныхъ св. писателей и мужей апостольскихъ въ себѣ не содержатъ, хотя и имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія, на что собственно поспѣшили опереться защитники и враги классической системы образованія. Но само собою разумѣется, что дѣло здѣсь не могло итти дальше болѣе или менѣе правдоподобныхъ толкованій, догадокъ и предположеній, на почвѣ которыхъ оказывается невозможнымъ прійти къ какому либо соглашенію. Какія же данныя представляютъ собою сочиненія первыхъ христіанскихъ писателей для рѣшенія вопроса объ отношеніи христіанскаго и классическаго образованія?

Писатели этихъ книгъ были большею частью іуден, не получившіе никакого школьнаго образованія. Понятно, поэтому, что ни во внутреннемъ содержаніи, ни на внѣшней формѣ этихъ писаній

классическая литература не могла оставить никакихъ слѣдовъ. Какъ на исключеніе въ этомъ отношеніи можно указать только на посланія ап. Павла и отчасти лишь на писанія евангелиста Луки. По древнему преданію, св. Лука былъ врачемъ и, несомнѣнно, получилъ классическое образованіе [1]). Это также подтверждается и его писаніями. Согласно собственному его заявленію въ началѣ Евангелія [2]), какъ въ своемъ евангеліи, такъ и въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ св. Лука является историкомъ весьма точнымъ и систематичнымъ; онъ хорошо знаетъ цѣну и значеніе историко-хронологическихъ датъ, знакомъ съ бытомъ и домашнею жизнью многихъ римскихъ и греческихъ правителей; онъ, очевидно, человѣкъ гречески образованный, историкъ въ духѣ классическомъ. Но это и все, что можно сказать объ отношеніяхъ его писаній къ классическому образованію. Несравненно болѣе, повидимому, отразилось вліяніе классическаго образованія на писаніяхъ ап. Павла. Такъ, по крайней мѣрѣ, многіе думали прежде, думаютъ и теперь [3]). По довольно распространенному мнѣнію, апостолъ Павелъ, кромѣ національнаго раввинскаго, получилъ еще значительное эллинское образованіе. Для доказательства этого мнѣнія указываютъ на слѣдующее: извѣстно, что ап. Павелъ учился въ школѣ знаменитаго Гамаліила, гдѣ вмѣстѣ съ іудейскимъ богословіемъ изучалась и *„греческая мудрость“*. Но если бы мы даже объ образованіи научномъ апостола мы ничего не знали изъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, то, по мнѣнію защитниковъ указаннаго мнѣнія, должны были заключить о немъ, основываясь на внутреннихъ признакахъ, представляемыхъ его посланіями; они отличаются строгою послѣдовательностью и діалектическимъ развитіемъ мысли; всѣ посланія ап. Павла написаны по плану, напередъ задуманному и опредѣленному, языкомъ точнымъ и тщательно обработаннымъ; раскрытіе предметовъ особенно важныхъ ведется у него не только весьма правильнымъ, но даже и оригинальнымъ образомъ.

„Ничто такъ не характеризуетъ свойственныхъ ему пріемовъ развитія и доказательства мыслей“, говоритъ Влад. Плотниковъ,— „какъ стремленіе къ высшему обобщенію, къ отвлеченному обсужденію даннаго предмета. Вмѣсто того чтобы разсматривать подлежащій изслѣдованію предметъ отдѣльно, въ немъ самомъ и такимъ

---

[1]) Архим. Михаила «Толков. Еванг.», предисл. къ Еванг. Луки.
[2]) Ев. Луки I, 3.
[3]) Вл. Плотниковъ —Ист. хр. просв. въ его отн. къ др. р. обр., I, стр. 31.

образомъ оставаться при эмпирически данныхъ отношеніяхъ, апостолъ тотчасъ подводитъ его подъ самую высшую и общую точку зрѣнія, съ какой только онъ можетъ быть разсматриваемъ, и лишь послѣ того, какъ общее разсмотрѣніе пройдетъ цѣлый рядъ моментовъ и противоположностей, на какіе можетъ быть логически разложенъ данный предметъ, возвращается къ исходному пункту изслѣдованія и примѣняетъ общее къ эмпирически данному“ [1]). Подобная правильность въ построеніи мысли можетъ — говорятъ намъ—служить основаніемъ для предположенія о знакомствѣ ап. Павла съ греческою языческою литературою и вообще съ греческимъ образованіемъ. Но и помимо того, въ пользу эллинскаго образованія ап. Павла, какъ думаютъ нѣкоторые, убѣдительно говорятъ цитаты изъ классическихъ писателей, находящіяся въ посланіяхъ апостола. Такъ въ 1 Кор. XV, 33 ст.—мы находимъ слѣдующую выдержку изъ „Тапды“, комедіи Менандра, а можетъ быть и изъ какой либо трагедіи Еврипида: „худыя сообщенія развращаютъ добрые нравы“. Въ посланіи къ Титу (I, 12) приводятся слова, заимствованныя, по мнѣнію Златоуста и Епифанія, изъ сочиненій древняго греческаго поэта Эпименида. Наконецъ въ рѣчи апостола, произнесенной имъ въ греческомъ ареопагѣ во время пребыванія его въ Аѳинахъ и записанной въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, содержится слѣдующая выдержка изъ произведеній греческаго писателя Арата: „мы Его и родъ“ (Дѣян. 17, 28 ст.). Вотъ главные и наиболѣе существенные доводы въ пользу эллинскаго образованія ап. Павла [2]). Къ менѣе значительнымъ, второстепеннымъ—нужно отнести слѣдующіе доводы: извѣстно, что ап. Павелъ родился въ Тарсѣ Киликійскомъ, въ языческомъ городѣ, гдѣ въ то время въ высшей степени процвѣтали классическія науки и искусства, что онъ владѣлъ правомъ римскаго гражданства и какъ онъ самъ, такъ и многіе изъ того семейства, къ которому онъ принадлежалъ, носили греческія или латинскія имена. Все это обнаруживаетъ въ ап. Павлѣ іудея—эллиниста, который смотрѣлъ на греческое образованіе совершенно иными глазами, чѣмъ современные ему палестинскіе іудеи,—и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что онъ почему либо не могъ получить то образованіе, на которое и самъ онъ, и родители его, и окружающіе іудеи смотрѣли весьма благосклонно. Въ этомъ предположеніи, повидимому,

---

[1]) Вл. Плотниковъ, Ibidem., 32 стр.
[2]) Вл. Плотниковъ, Ibidem., стр. 33—34.

еще болѣе должно утверждать насъ довольно близкое знакомство ап. Павла съ внутреннимъ состояніемъ тогдашняго языческаго міра, которое онъ обнаруживаетъ въ своихъ посланіяхъ. Не смотря, однако, на всѣ эти доводы, намъ все-таки кажется сомнительнымъ то предположеніе, будто ап. Павелъ въ ранней своей молодости получилъ высшее эллинское образованіе. О семействѣ, изъ котораго происходилъ апостолъ, достовѣрнаго мы знаемъ слишкомъ мало; но лишь то несомнѣнно, что родители и предки его были іудеи и жили въ Палестинѣ. По свидѣтельству св. Луки, апостолъ Павелъ родился въ киликійскомъ городѣ Тарсѣ, а по свидѣтельству блаж. Іеронима, родиной его былъ галилейскій городъ Гискала. Примиряя эти два противорѣчивыя извѣстія мы должны предположить, что родители или дѣды ап. Павла были изъ Галилеи и вслѣдствіе какихъ нибудь причинъ вынуждены были переселиться изъ Гискалы въ шумную столицу Киликіи. Какъ бы то ни было, ясно одно, что ап. Павелъ родился и былъ воспитанъ въ языческомъ городѣ и, слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ былъ іудеемъ разсѣянія, — однимъ изъ тѣхъ іудеевъ, которые, хотя и бывали иногда знакомы даже съ древнимъ языкомъ своихъ священныхъ книгъ, но все-таки говорили на греческомъ, какъ на своемъ природномъ языкѣ. (Воздвигнувъ гоненіе на всю *„эллинскую мудрость“* — іудеи отнюдь не запрещали сынамъ Израиля изученія греческаго языка). Но можетъ показаться страннымъ то обстоятельство, что ап. Павелъ при всякомъ удобномъ случаѣ съ особенною настойчивостью прилагаетъ къ себѣ названіе „еврея“, а иногда называетъ себя также и „евреемъ изъ евреевъ“. Извѣстно, что названіе „еврей“, въ своемъ собственномъ техническомъ значеніи прямо противоположно названію „іудей разсѣянія“, „эллинистъ“ [1]). Не ясный ли это знакъ того, что ап. Павелъ не видѣлъ въ себѣ ничего эллинскаго, кромѣ случайнаго мѣста жительства? — Противъ этого предположенія нисколько не говоритъ, ни близкое знакомство апостола съ языческимъ міромъ, ни греческія или римскія имена его родственниковъ, ни даже языкъ греческій, на которомъ онъ объяснялся совершенно свободно. Обычай среди іудеевъ имѣть второе имя, которое они давали себѣ во время пребыванія своего въ странѣ языческой, былъ такъ распространенъ, что и Андроникъ и другіе, кого апостолъ привѣтствуетъ въ посланіи къ римлянамъ, могли быть, и въ дѣйствительности были, евреями. Настоящее имя

[1]) Дѣян. VI, 1.

Іасона также могло быть, напримѣръ, Іисусъ, подобно тому какъ и настоящимъ именемъ ап. Павла было Савлъ. Чисто еврейскій характеръ этого семейства выдаетъ себя со многихъ сторонъ: отецъ и дѣдъ апостола были фарисеи [1]) и, слѣдовательно, самыми строгими блюстителями Моисеева закона. Родители его такъ живо помнили о своемъ происхожденіи изъ колѣна Веніаминова, одного изъ двухъ колѣнъ, оставшихся вѣрными закону Моисея, что сына своего назвали Сауломъ или Савломъ—именемъ перваго еврейскаго царя, происходившаго изъ того же колѣна. И самъ апостолъ Павелъ, по его же собственному сознанію, былъ фарисей по происхожденію, по домашнему и школьному воспитанію и образованію, по своему умственному складу и даже общественному служенію. Кстати здѣсь замѣтимъ, что по первымъ главамъ книги Дѣяній апостольскихъ ап. Павелъ, до своего обращенія, представляется дѣйствующимъ въ Палестинѣ и именно въ сообществѣ съ крайними консерваторами іудейскихъ традицій, съ отвращеніемъ смотрѣвшихъ на все эллинское и между прочимъ, на своихъ соплеменниковъ—эллинистовъ, что едва ли могло произойти, если бы ап. Павелъ дѣйствительно былъ зараженъ „греческими суевѣріями“; онъ, слѣдовательно, былъ фарисеемъ въ самомъ строгомъ и точномъ значеніи этого слова, фарисеемъ по образцу всѣхъ фарисеевъ Іерусалима. Что же касается до его основательнаго знакомства съ жизнью язычниковъ, то можно быть увѣреннымъ, что оно извлечено имъ не изъ книгъ, а изъ тѣхъ роковыхъ языческихъ заблужденій, свидѣтелемъ проявленія которыхъ ему приходилось быть ежедневно. Точно также не школа, а пребываніе съ дѣтства въ такомъ городѣ, гдѣ преобладала греческая рѣчь, дало ему полную возможность въ совершенствѣ обладать и греческимъ разговорнымъ языкомъ. Чистота и правильность рѣчи въ его посланіяхъ слишкомъ относительны; его *языкъ*—не языкъ аттиковъ, даже не языкъ тогдашнихъ риторскихъ школъ; стиль его пестрѣетъ нерѣдко еврейскими оборотами, странными грамматическими формами, иногда еще болѣе странною послѣдовательностью и неправильнымъ построеніемъ рѣчи. Языкъ въ посланіяхъ ап. Павла—это универсальный въ то время языкъ, на которомъ со временъ Александра Македонскаго объяснялись почти всѣ народы, вошедшіе въ составъ сначала македонской, а затѣмъ римской монархіи, и который, воспринимая въ себѣ мѣстные элементы, въ значительной степени уже измѣ-

[1]) Дѣян. XXIII, 6.

нилъ своей первоначальной чистотѣ. Языкомъ же семейства апостола, языкомъ его дѣтства былъ, какъ и слѣдуетъ предполагать, не греческій, а въ то время распространенный между іудеями— *арамейскій* языкъ. Интереснымъ, хотя и не намѣреннымъ подтвержденіемъ этого факта, служитъ то, что таинственный голосъ, поразившій его на дорогѣ въ Дамаскъ, въ высшій моментъ его жизни, говорилъ ему на языкѣ, который, очевидно, былъ языкомъ его собственныхъ внутреннихъ думъ, а это былъ языкъ народный еврейскій или арамейскій [1]).

Какое же собственно образованіе получилъ ап. Павелъ? Въ краткихъ словахъ — такое, какое могъ получить и всякій фарисей и сынъ фарисея. Это образованіе, по крайней мѣрѣ въ ранніе годы дѣтства, было и обычнымъ образованіемъ всякаго іудейскаго мальчика. Пяти лѣтъ отъ роду онъ началъ изучать Библію при помощи своихъ родителей—дома; хотя они, вѣроятно, употребляли Библію обыкновенно въ переводѣ LXX, откуда взято и большинство цитатъ апостола, однако же они пріучали его къ употребленію арамейскаго въ качествѣ своего роднаго языка и къ чтенію Св. Писанія въ высокочтимомъ еврейскомъ подлинникѣ, къ которому онъ въ своихъ писаніяхъ всякій разъ обращается, какъ только переводъ IXX менѣе соотвѣтствуетъ его цѣли. Шести лѣтъ онъ уже ходилъ въ „виноградникъ“, какъ позднѣйшіе раввины называли свои школы; здѣсь онъ долженъ былъ изучить и усвоить массу разнаго рода откровеній устнаго закона; затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ числился среди „учениковъ мудрецовъ“ и главнымъ образомъ занимался „преданіями отцовъ“. Такъ росъ молодой Савлъ до 30 лѣтняго возраста, когда всякій іудейскій юноша, если только онъ предназначался къ положенію раввина, поступалъ въ школу какого нибудь великаго учителя. Такимъ учителемъ былъ для Савла раввинъ *Гамаліилъ*. Послѣдній, какъ извѣстно, представлялъ собою нѣсколько странное явленіе либеральнаго фарисея. Фарисей по своей пламенной ревности къ предписаніямъ закона и преданіямъ отцовъ, онъ въ то же время былъ свободенъ отъ той крайней нетерпимости и узкой исключительности, которая отличала его соперника Шамман, главнаго начальника точно такой же школы. Свободомысліе его сказывалось особенно въ томъ, что онъ дозволялъ своимъ питомцамъ изучать языческую литературы. Но съ одной стороны, и самъ великій раввинъ

[1]) Дѣян. IX, 4—6 ст.

не доходилъ въ этомъ отношеніи до неразумной и ложной терпимости,—той терпимости, которая отличала іудеевъ разсѣянія вообще и александрійскихъ іудеевъ въ особенности, и которую разъ навсегда осудили іерусалимскіе фарисеи, какъ богоотступничество, а съ другой—вышеприведенное нами преданіе ясно даетъ понять, что не всѣ безъ исключенія питомцы школы Гамаліила обучались эллинской мудрости, а только часть, точнѣе—половина и тѣ именно, которые предназначались на службу ко двору того или другого царя или правителя. Остальные же ученики, къ числу которыхъ безъ всякаго сомнѣнія принадлежалъ и ап. Павелъ, не только не пользовались такимъ „разрушительнымъ назиданіемъ“, но и всячески ограждались отъ него. Іудеи были такъ строги въ этомъ отношеніи, что иные даже относительно нѣкоторыхъ своихъ священныхъ книгъ, (какъ напримѣръ книга Есѳирь), держались того мнѣнія, что обязательное ихъ чтеніе подлежитъ сомнѣнію. Они не позволяли своимъ юношамъ не только читать, но даже открывать книгу „Пѣснь пѣсней“ до 21 года. Ничего, поэтому, не можетъ быть невѣроятнаго въ томъ, что „фарисею изъ фарисеевъ“, хотя его дѣтство и прошло въ городѣ языческомъ, не дозволено было читать даже самыя скромныя и безвредныя книги „эллинской мудрости“. Ни въ какомъ случаѣ не говорятъ противъ этого предположенія и приведенныя нами раньше выдержки изъ классическихъ писателей, такъ какъ онѣ, отличаясь характеромъ пословицъ и присловій, легко могли быть усвоены ап. Павломъ не изъ книгъ, а изъ личнаго, постояннаго общенія съ людьми эллинскаго воспитанія и образованія. Еще слабѣе должно показаться то основаніе къ сомнѣнію въ исключительно раввинскомъ воспитаніи ап. Павла, которое находятъ въ особенностяхъ его *метода*. Едва ли можно серьезно сомнѣваться въ томъ, что его методъ въ большинствѣ случаевъ чисто раввинскій. Если и встрѣчаются нерѣдкія отступленія, которыми обыкновенно и характеризуютъ методъ апостола вообще, то они вполнѣ удовлетворительно могутъ быть объясняемы изъ его духовной исторіи. Ни къ одной изъ истинъ своего благовѣстія онъ не пришелъ путемъ логическаго резонерства, путемъ индуктивнымъ. Онѣ сами пришли къ нему, по мановенію богодохновеннаго убѣжденія во время его чудеснаго обращенія, или въ постепенномъ процессѣ послѣдующаго психологическаго опыта или, какъ и самъ апостолъ неоднократно говоритъ намъ, онъ получилъ ихъ непосредственнымъ откровеніемъ отъ Христа (и въ этомъ отношеніи представлялъ прямую противоположность апостоламъ. Если

прочіе новозавѣтные писатели изображаютъ І. Христа главнымъ образомъ по плоти, то ап. Павелъ категорически заявляетъ: *тѣмъ же и мы отнынѣ ни единаго вѣмы по плоти: аще же разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ*“ [1]). Откровеніе Христа естественно должно быть для него, и дѣйствительно было, тѣмъ высшимъ принципомъ, отъ котораго отправлялись и куда сходились нити его богословскихъ размышленій. Читая, наконецъ, посланія ап. Павла, невольно возникаетъ вопросъ, какъ могла даже явиться мысль о томъ, что онъ когда то изучалъ корифеевъ классической мудрости и литературы? Если бы онъ дѣйствительно былъ знакомъ и съ тѣмъ и съ другимъ, то неужели у него, какъ такого писателя, который пишетъ какъ бы цитатами, не осталось бы слѣда какого либо воспоминанія или намека на классическую философію и поэзію, особенно въ тѣхъ посланіяхъ, которыя онъ писалъ въ Аѳинахъ и Коринѳѣ, на сценѣ, такъ сказать, греческаго эпоса и трагедіи? Могъ ли бы ап. Павелъ писать въ томъ неправильномъ стилѣ, какой мы видимъ въ его посланіяхъ къ римлянамъ и галатамъ, если бы онъ усвоилъ себѣ формальную логику Аристотеля? Если апостолъ не пренебрегаетъ краткими изреченіями языческой мудрости, то какъ могло случиться, что въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (XV гл.) нѣтъ и самаго отдаленнаго намека на великолѣпныя мысли и чаянія Федона, которыя—предполагается—хорошо были извѣстны ему? Какъ могъ апостолъ, доказывая въ той же главѣ воскресеніе мертвыхъ, ни однимъ словомъ не обмолвиться о тѣхъ доводахъ, какіе указывались философами въ подтвержденіе этой же мысли?

Итакъ, мы беремъ на себя смѣлость необходимо признать, что ап. Павелъ никогда не проходилъ классическаго образованія и по складу своего ума не былъ тѣмъ, что соединяется съ словомъ „*эллинистъ*“. Онъ былъ „*гебраистъ*“ въ полномъ смыслѣ этого слова, что видно почти изъ каждаго стиха его посланій: время онъ считаетъ по еврейскому календарю; дѣлаетъ постоянныя ссылки на іудейскіе обычаи, іудейскіе законы и іудейскіе праздники; образы его рѣчи нерѣдко носятъ на себѣ отраженіе той спокойной семейной жизни, которою всегда отличались іудеи. Знакомство съ еврейскими священными книгами проглядываетъ на каждомъ шагу; онъ не только часто ссылается на Пятокнижіе, на пророковъ и чаще

[1]) 2 Коринѳ. V, 16 ст.

всего на псалмы, постоянно дѣлая изъ нихъ выдержки, но онъ также приводитъ на память словесное воспоминаніе нѣсколькихъ страницъ, хотя, конечно, когда это нужно, ссылается и на подлинный еврейскій текстъ. Затѣмъ ап. Павелъ — былъ іудей не только по образованію, по вѣрѣ и національности, но и по симпатіямъ. Когда мы читаемъ многочисленныя мѣста, въ которыхъ онъ восхищается своимъ участіемъ въ надеждахъ сыновъ Израиля, своимъ притязаніемъ на право быть *„плодоносною вѣтвью на богатой маслинѣ іудейской жизни“*, когда онъ говоритъ объ ихъ избраніи, объ ихъ завѣтахъ, о ввѣренныхъ имъ Божіихъ словесахъ, объ ихъ богослуженіи, обѣтованіяхъ, отцахъ, пророчествахъ, ихъ правахъ на родство съ человѣчествомъ Христа [1]),—то намъ становится вполнѣ понятною глубина патріотической ревности, столь энергично выраженной въ словахъ, которыя всегда служили камнемъ преткновенія для религіознаго себялюбія: „великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему (отъ того, что іудеи не принимали его проповѣди о спасеніи во Христѣ): я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть израильтянъ“ (—если бы только этою цѣною можно было обратить ихъ ко Христу) [2]).

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго видно, что творенія новозавѣтныхъ писателей имѣютъ весьма мало соприкосновеній съ греческою образованностью (и вообще съ языческой интеллектуальной культурою). Но не высказываются ли въ этихъ писаніяхъ какіе либо взгляды на изученіе и употребленіе классической литературы, такъ называемой „эллинской мудрости“? Въ четвероевангеліи на этотъ счетъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ руководящихъ указаній, да и по существу дѣла и быть не могло, такъ какъ Евангеліе имѣетъ въ виду наивысшія цѣли и потребности человѣчества, оставляя въ сторонѣ все то, въ чемъ съ принудительностью сказывается естественная потребность, врожденное стремленіе. Это молчаніе, на которое впослѣдствіи справедливо вполнѣ ссылались поборники классическаго образованія, предоставляетъ христіанамъ по крайней мѣрѣ полную свободу заниматься или не заниматься наукой и литературой.

Точно также и апостольскія посланія не заключаютъ въ себѣ никакихъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ и, слѣдовательно, какъ

---

[1]) См. напр. посл. къ Римл. IX, 1—5; X, 1; XI, 1.
[2]) Римл. IX, 2—3.

и Евангеліе, не противъ изученія классической литературы. Правда въ посланіяхъ ап. Павла неоднократно встрѣчаются выраженія, которыя по своему прямому смыслу, — повидимому заключаютъ въ себѣ ультра-фарисейскій взглядъ на греческое образованіе, на что противники классическаго образованія всегда и ссылались для подтвержденія своихъ воззрѣній. Указывали (и теперь указываютъ), между прочимъ на часто повторяющіяся у апостола предостереженія, что мудрецы міра сего, *„называя себя мудрыми, обезумѣли“*, что они *„осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце;“* [1]) что *„мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: уловляетъ мудрыхъ въ лукавство ихъ“; „Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны“* [2]). Хотя апостолъ и подтверждаетъ такимъ образомъ свое мнѣніе, по своему постоянному обычаю, цитатами изъ Св. Писанія, изъ кн. Іова и псалмовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ изъ Исаіи и Іереміи [3]), но въ то же время часто повторяетъ, что греки ищутъ премудрости и считаютъ крестъ безуміемъ. Но это Божіе безуміе мудрѣе человѣческой мудрости и слабость Божія сильнѣе человѣческой силы, и Богъ избралъ неразумное міра для того, чтобы поразить мудрыхъ, и низкое міра для пораженія сильнаго, и когда міръ своею мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу „буйствомъ (юродствомъ) проповѣди“ спасти вѣрующихъ [4]). Если прославленная мудрость греческаго и римскаго древняго міра была такою, какъ видѣлъ ее ап. Павелъ, если самымъ образцомъ безсмыслія и безумія для этого міра было то, во что вѣрилъ апостолъ, въ такомъ случаѣ онъ, какъ самъ говоритъ, предпочтетъ всегда быть на сторожѣ и раздѣлять участь глупцовъ и безумцевъ. Въ противоположность языческой мудрости, о своей собственной проповѣди онъ говоритъ, что она состоитъ *„не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы“* [5]). Не придавая, по видимому, самъ никакого значенія человѣческой мудрости, апостолъ предостерегаетъ и вѣрующихъ, чтобы кто не увлекъ ихъ *„фило-*

---

[1]) Римлян. I, 21—22 ст.
[2]) 1 Коринѳ. III, 18—20 ст.
[3]) Іовъ V, 13; Пс. XCIII, 11; Исаія XXIX, 14; XXXIII, 18; XLIV, 25; Іерем. VIII, 9; 1 Кор. I, 18—27.
[4]) Коринѳ. I, 18—25; III, 14, II, 19; IV, 10; 2 Коринѳ. IX, 16—19.
[5]) 1 Коринѳ. II, 2—4.

софіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ [1]).

Но легко видѣть, какъ мало основаній даютъ всѣ подобныя разсужденія для пренебреженія литературой и науками вообще и классическими въ частности. Разсуждая подобнымъ образомъ о мудрости человѣческой, ап. Павелъ имѣлъ въ виду не мудрость саму по себѣ, не всякую мудрость, какова бы она ни была и въ чемъ бы она ни выражалась, а разумѣетъ въ одномъ мѣстѣ—носителей этой мудрости, современныхъ ему іудейскихъ и языческихъ мудрецовъ, которые твердя заученныя чужія мнѣнія, для *„мудрости“* собственно не имѣли никакого значенія, но тѣмъ не менѣе были страшною заразою по своей крайней развращенности, въ другомъ—дѣйствительно мудрость, но лишь въ тотъ моментъ ея отвращенія и упадка, когда она становится въ противоположныя и даже враждебныя отношенія, когда она, по выраженію самаго апостола, „противоборствуетъ“ вѣрѣ, въ третьемъ — то поражающее тлѣніе въ нравственномъ мірѣ, для котораго современная тогда философія служила нѣкоторымъ прикрытіемъ и точкой опоры. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, какой взглядъ имѣлъ апостолъ на просвѣщеніе вообще, на греческое, въ лучшихъ, безсмертныхъ его проявленіяхъ, въ частности остается еще открытымъ; по крайней мѣрѣ въ посланіяхъ ап. Павла болѣе или менѣе прямыхъ опредѣленныхъ указаній въ этомъ родѣ мы не находимъ. Если же онъ въ своихъ многочисленныхъ наставленіяхъ, касающихся почти всѣхъ сторонъ христіанской жизни, обошелъ столь важный вопросъ объ образованіи, то это ясный знакъ того, что вопросъ этотъ онъ считалъ не подлежащимъ вѣденію христіанскаго религіознаго законодательства, другими словами—ставилъ образованіе, какого бы происхожденія оно ни было, въ рядъ тѣхъ предметовъ, которые не подлежатъ ни преданіямъ закона, (такъ какъ они по самой сущности своей не противорѣчатъ ему), ни въ прямомъ одобреніи его и покровительствѣ, такъ какъ, имѣя глубочайшее основаніе во врожденныхъ потребностяхъ самой человѣческой природы, не имѣютъ нужды во внѣшней поддержкѣ и возбужденіи для своего существованія и надлежащаго развитія. Поэтому становится яснымъ, что въ вопросѣ о классическомъ образованіи писанія, ап. Павла имѣютъ не болѣе значенія, какъ и четвероевангеліе и писанія другихъ апостоловъ.

---

[1]) Колос. II, 8.

Къ твореніямъ новозавѣтныхъ священныхъ писателей близко примыкаютъ, какъ по времени происхожденія, такъ и по внутреннему и внѣшнему своему характеру, писанія такъ называемыхъ мужей апостольскихъ, т. е. учителей церкви Христовой, которые были ближайшими учениками апостоловъ и первые послѣ нихъ трудились въ распространеніи *„благовѣстія Христова“* посредствомъ писаній [1]). Хотя одинъ изъ мужей апостольскихъ (Поликарпъ) и говоритъ: „ни мнѣ, ни другому подобному мнѣ, не достигнуть мудрости блаженнаго и славнаго Павла, который ревностно и твердо преподавалъ слово истины“ [2]); тѣмъ не менѣе эти мужи предъ всѣми послѣдующими отцами церкви имѣли то важнѣйшее и незамѣнимое преимущество, что были очевидцами дѣяній самихъ апостоловъ, отпечатлѣвавшихъ на себѣ духъ Христовъ, непосредственными слушателями ихъ живыхъ устныхъ наставленій, которыя вмѣстѣ съ апостольскими писаніями служили для нихъ почти единственнымъ источникомъ *просвѣщенія духовнаго*. Они *„еще имѣли проповѣдь апостоловъ въ ушахъ своихъ и преданіе ихъ предъ глазами своими“*, какъ горвоитъ св. Ириней Ліонскій. Въ виду этого—голосъ мужей апостольскихъ по интересующему насъ вопросу долженъ имѣть весьма важное значеніе, едва-ли не такое же точно, какъ и голосъ апостольскій.

По близости духа мужей апостольскихъ къ духу апостоловъ, и писанія ихъ отличительными свойствами своими имѣютъ неподражаемую простоту и искренность святаго воодушевленія. Утверждаясь на внутренней силѣ самой истины, а не на искусствѣ или мудрствованіи человѣческомъ, мужи апостольскіе, при изъясненіи христіанскихъ догматовъ и учрежденій церковныхъ и защищеніи ихъ отъ лжеучителей и еретиковъ, рѣдко прибѣгаютъ къ доводамъ разума; главнѣйшимъ основаніемъ и опорою ихъ наставленій служитъ ученіе апостоловъ, какъ наставниковъ и руководителей богодохновенныхъ [3]). Что касается внѣшней формы писаній мужей апостольскихъ, то и въ этомъ отношеніи они являются точными послѣдователями или подражателями своихъ учителей. Почти всѣ ихъ писанія — вообще немногочисленныя, небольшія по объему и довольно однообразныя по содержанію, подобно апостольскимъ писаніямъ —изложены въ формы простыхъ, непринужденныхъ посла-

---

[1]) Римлян. I, 16.
[2]) Филаретъ, арх. Черн., Историч. ученіе объ о.о. Цер., т. I, стр. 3.
[3]) 1 Коринѳ. II, 4.

ній или писемъ къ разнымъ частнымъ церквамъ или общинамъ, языкомъ также совершенно простымъ и безъискусственнымъ.

До насъ дошли отъ времени мужей апостольскихъ писанія св. ап. Варнавы, Климента, еп. Римскаго, Ерма, Игнатія Богоносца и Поликарпа, еп. Смирнскаго. Но ни въ одномъ изъ этихъ писаній мы не видимъ почти никакихъ слѣдовъ вліянія на нихъ со стороны греческаго образованія, равнымъ образомъ не видимъ ничего такого, въ чемъ бы могли подмѣтить тотъ или иной взглядъ на изученіе и употребленіе классической литературы.

„Такимъ образомъ (заключаемъ словами Вл. Плотникова), — первые памятники христіанской письменности имѣютъ весьма мало соприкосновеній съ греческою образованностью. Вообще христіанское просвѣщеніе въ первомъ вѣкѣ и первой половинѣ второго вѣка, находилось почти внѣ всякаго вліянія со стороны языческой интеллектуальной культуры. Причины этого заключались въ слѣдующемъ. Христіанство распространилось сначала на почвѣ палестинскаго іудейства, бывшаго почти совершенно чуждымъ греческой образованности. Первые послѣдователи христіанской религіи происходили большею частью изъ самыхъ низшихъ словъ общества, слѣдовательно, были люди простые, необразованные. Кромѣ того, на первыхъ порахъ требовалось не уясненіе христіанскаго ученія въ сознаніи вѣрующихъ съ помощью научнаго образованія, а только еще простое усвоеніе этого ученія, какъ оно было первоначально дано въ *устной* проповѣди Іисуса Христа и Его апостоловъ и въ новозавѣтныхъ священныхъ книгахъ. Если же и употреблялось какое нибудь средство для раскрытія и уясненія христіанскаго ученія, то это было не греческое образованіе съ его наукою и литературою, а ветхозавѣтное Откровеніе, къ которому христіанство тѣсно примыкаетъ“ [1]).

Тогда ученіе Самаго Спасителя и тѣмъ болѣе ученіе и преданіе апостоловъ были еще въ живой памяти у всѣхъ; гоненія противъ церкви и нападенія на нее со стороны просвѣщенныхъ язычниковъ только начинались и не были повсемѣстны; враждебныя для церкви ереси не успѣли усилиться, да и тѣ были опровергнуты и обличены самыми апостолами. Поэтому, нѣкоторое время спустя послѣ апостоловъ вовсе не было поводовъ писать какія либо сочиненія о предметахъ христіанскаго ученія, а тѣмъ

---

[1]) Вл. Плотниковъ, Исторія христ. просв. въ его отн. къ д. г.-р. обр., в. I, 35—36.

болѣе излагать и раскрывать его научно, при помощи греческой мудрости.

Враги классическаго образованія, однако, несогласны съ такимъ заключеніемъ касательно отношеній первыхъ христіанскихъ писателей къ греческой образованности и въ подтвержденіе своихъ тенденцій указываютъ на слѣдующее мѣсто „Постановленій апостольскихъ“: „Удаляйся отъ всѣхъ языческихъ книгъ. Что тебѣ до чуждыхъ для тебя рѣчей или законовъ, или ложныхъ пророковъ, чтеніе которыхъ отвращаетъ легкомысленныхъ людей отъ правой вѣры? Чего тебѣ не достаетъ въ законѣ Божіемъ, что ты хочешь обратиться къ сочиненіямъ языческимъ? Если ты желаешь читать исторію—у тебя есть книги царствъ. Если желаешь философіи и поэзіи—у тебя есть пророки, книга Іова, притчи, гдѣ ты болѣе найдешь остроумія, чѣмъ во всей поэзіи и мудрости софистовъ, потому что здѣсь содержится слово Того, Кто единъ мудръ. Если желаешь пѣснопѣній, имѣешь псалмы; если желаешь знать первоначальное происхожденіе вещей, имѣешь книгу Бытія; если нужны тебѣ законы и нравственныя правила—имѣешь славный законъ Господень. Итакъ, совершенно отвращайся отъ всего чуждаго и измышленнаго діаволомъ,“ [1]). Говорятъ, что въ этомъ изреченіи „Постановленій“ должно видѣть отраженіе апостольскаго преданія и что, слѣдовательно, изначальная, такъ сказать, христіанская древность будто-бы противъ изученія христіанами классической литературы. Однако не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, „Постановленія“ не принадлежатъ самимъ апостоламъ, но явились въ третьемъ вѣкѣ или даже въ началѣ четвертаго, а быть можетъ и въ V вѣкѣ по Р. Х. [2]). Съ другой стороны выраженный въ „Постановленіяхъ“ взглядъ на изученіе классиковъ не мирится ни съ содержаніемъ апостольскихъ писаній, ни съ церковнымъ преданіемъ послѣдующихъ временъ, такъ какъ извѣстно, что Церковь покровительствовала такимъ школамъ, въ которыхъ христіанское образованіе гармонически сочеталось съ классическимъ,—чего быть не могло бы въ виду прямаго апостольскаго запрещенія изучать языческія литературныя произведенія. Позднее происхожденіе „Постановленій“ (наиболѣе вѣроятнымъ представляется то мнѣніе, которое относитъ происхожденіе ихъ къ третьему вѣку или къ началу четвертаго, когда съ полною

---

[1]) Constitutiones apostolicae, lib. I, cap. VI; Вл. Плотниковъ, Истор. христ. просв. стр. 37.

[2]) Прав. Обозр. 1862 г. т. I, ст. Благоразумова, стр. 446 и д.

явившихся отсюда, въ самой смѣлости пріемовъ Каченовскаго было что то завлекательное и мы видимъ цѣлый рядъ послѣдователей его, развивавшихъ въ подробности его взгляды, образовавшихъ, такъ называемую, скептическую школу. Однако въ этомъ направленіи были существенные недостатки: прежде всего выводъ о низкомъ развитіи нашихъ предковъ былъ мало обоснованъ; критика источниковъ, ограниченная болѣе или менѣе извѣстными уже матеріалами, допускавшими иное толкованіе, которое и было уже сдѣлано, могла возбудить сомнѣніе, не болѣе; наконецъ, недостатокъ самыхъ источниковъ, ихъ разработки: все это вмѣстѣ съ извѣстнымъ многостороннимъ увлеченіемъ Каченовскаго сдѣлало то, что мнѣнія школы не могли получить большаго значенія и заслуга самой школы является главнымъ образомъ отрицательною; она вызвала небывалое оживленіе въ нашей наукѣ [101]) [102]). М. П. Погодину пришлось вступить въ борьбу со скептиками: мы видѣли глубокое уваженіе, которое питалъ М. П. къ Шлецеру, его исподволь составившійся взглядъ на образованность древней Руси, подтвержденный изученіемъ исторіи: М. П. не увлекся Нибуромъ; у него если и бывали увлеченія, то всегда какъ то благоразуміе и положительность характера брали верхъ, въ это же время взгляды его къ тому же окрѣпли и опредѣлились: онъ рѣшилъ подвергнуть новой критикѣ, какъ самое Несторову лѣтопись, такъ и мнѣнія скептиковъ. Сначала въ статьѣ „О достовѣрн. др. Рус. Истор.“ и другихъ, а затѣмъ въ своемъ классическомъ трудѣ „Несторъ“ Погодинъ тщательно разбираетъ извѣстія Нестора и провѣряетъ ихъ на основаніи другихъ источниковъ. Вотъ какъ характеризуетъ послѣдній трудъ Бест.-Рюминъ: „это сочиненіе, по стройности построенія, по полнотѣ матеріала—самое лучшее изо всѣхъ научныхъ сочиненій Погодина; въ особенности чрезвычайно остроумно возстановленіе

---

[101]) См. Иконникова «Скеп. школа въ рус. исторіогр.».

[102]) Не безъ основанія къ скептической школѣ относитъ Иконниковъ Полеваго съ его «Ист. рус. нар.»; въ трудахъ скептиковъ и Полеваго есть много общаго: прежде всего внѣшнимъ образомъ ихъ соединяетъ протестъ противъ Карамзинскаго направленія, выражающій необходимость новыхъ началъ въ исторіи, затѣмъ сильное западное вліяніе, лишенное того протеста, который мы видимъ у М. П.; въ связи съ этимъ стремленіе создать на основаніи русскаго матеріала исторію, достойную современнаго состоянія исторической жизни въ Европѣ, но была и разница: Каченовскій въ силахъ былъ разрушать, но создать вмѣсто этого отказывался по недостатку средствъ, Полевой рискнулъ, можетъ быть, именно въ силу своей слабой подготовки: принявъ въ основу труды Гизо, Тьерри и др., какъ образцы, онъ группировалъ русскія извѣстія и иногда очень удачно. Особенно любопытны два первые тома: въ нихъ Полевой дѣлаетъ попытку построить не только внѣшнюю, но и внутреннюю, исторію, полагая въ основу дѣйствія извѣстныхъ общихъ причинъ. Неудача обоихъ, кажется должна быть отнесена къ тому, что желаніе превышало имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи средства. См. Иконникова «Скеп. шк. въ рус. истор.».

древней исторіи въ главныхъ чертахъ, безъ помощи первоначальной лѣтописи, на основаніи иноземныхъ источниковъ, которые приводятъ въ необходимость вполнѣ признать лѣтопись произведеніемъ XI вѣка. Это было полною побѣдою надъ скептиками, и наука приняла окончательно всѣ основные выводы этого сочиненія, хотя частности его подвергались и подвергаются опроверженію; но даже тѣ самые, которые не признаютъ ни цѣлостности первобытной лѣтописи, ни принадлежности ея Нестору, сознаются однако, что Несторъ Погодина—мастерское критическое изслѣдованіе, и соглашаются въ основѣ [103]). Этимъ трудомъ М. П. сразу подкрѣпилъ массу подвергнутыхъ сомнѣнію фактовъ и позволилъ так. обр. принимать ихъ послѣдующими историками-юристами для дальнѣйшей разработки разныхъ историческихъ вопросовъ [104]). Наука какъ бы вновь обрѣла затерянныя было сокровища.

Такія явленія были въ умственной жизни Москвы, когда проходили первые годы самостоятельной жизни Ивана Дм. Хотя онъ и продолжалъ знакомство съ М. П. Погодинымъ, а также встрѣчался у него и со славянофилами, но особой близости не было: дѣло въ томъ, что Ивану Дм. пришлось сперваго же раза засѣсть за работу, которую вызывала необходимость прежде всего имѣть кусокъ хлѣба. Изъ формулярнаго списка Ив. Дм. знаемъ, что онъ былъ опредѣленъ въ Московскую Свят. Прав. Синода контору, канцелярскимъ чиновникомъ 1-го февраля 1864 г. [105]) ступилъ Ив. Дм. именно туда по совѣту родственника своего священника, въ приходѣ котораго жилъ тогдашній синодальный прокуроръ Михайловъ. 13 сентября 1835 г. Ив. Дм. былъ допущенъ къ исправленію должности протоколиста въ „оной“ конторѣ [106]). Вотъ и всѣ оффиціальныя свѣдѣнія о службѣ въ конторѣ Ив. Дм. Изъ разсказовъ родныхъ знаемъ, что занятія Ив. Дм. были сначала чисто канцелярскія и только нѣсколько позже къ нимъ присоединились еще другія, имѣвшія юридическій характеръ: Ив. Дм. приходилось иногда разыскивать разнаго рода документы, необходимые при повѣркѣ правъ старинныхъ монастырей и тому под. Ив. Дм. часто приносилъ съ собой цѣлые вороха старинныхъ бумагъ и просиживалъ цѣлыя ночи за ними. При всей исполнительности Ив. Дм., онъ не избѣгъ непріятностей по службѣ: Ему случалось иногда запаздывать, особенно когда бывали вечернія занятія; это вызывало выговоры, что, конечно, было не очень пріятно выслушивать, да и канцелярщина тяготила Ивана Дм., и онъ сталъ подыски-

---

[103]) «Біогр. и характ.». стр. 247.
[104]) См. раз. Ив. Дм. Бѣляева въ «Москвит.», 1846 г. ч. IV, кн. 8, стр. 168.
[105]) Арх. Имп. Мос. Ун. Дѣл. Сов. 1852 г. № 466 и 1873 г. № 311.
[106]) Ibidem.

вать болѣе подходящихъ для себя занятій. Случай скоро представился: вѣроятно, не безъ содѣйствія Погодина Иванъ Дм. по увольненіи изъ Сунод. конторы опредѣлился на службу по дополн. штату Государ. Архива, находящагося при Моск. Департ. Прав. Сената, 1841 г. 31-го іюля [107]). Въ свободное отъ службы время Ив. Дм. проводилъ въ семейномъ кругу и среди знакомцевъ и товарищей. Какой былъ характеръ этого кружка, мы узнаемъ до нѣкоторой степени изъ письма одного изъ друзей Ив. Дм., Лукьянова, очень хорошо опредѣляющаго и самого Лукьянова и настроеніе кружка. Лукьяновъ уѣхалъ на службу на югъ и послѣ десятилѣтняго перерыва возобновляетъ знакомство съ Ив. Дм.; сначала говоритъ о впечатлѣніи, которое на него производитъ окружающая среда: „и со всѣми этими народами я познакомился довольно коротко, всмотрѣлся въ ихъ вседневную жизнь, которая при всемъ разнообразіи религіи, характера, обычаевъ и образованности стремится къ одной цѣли, указуемой мудрыми постановленіями правительства. Всякій живетъ по своему, живетъ своей особенною жизнію, а между тѣмъ во всѣхъ этихъ особенностяхъ замѣтно единство, замѣтно присутствіе Единой Воли, которая управляетъ этими особенностями, сливаетъ ихъ въ одно неразрывное цѣлое и ведетъ къ общей цѣли—ведетъ къ благосостоянію. Это истина, факты на лицо и самый хладнокровный наблюдатель весьма далекъ будетъ отъ противорѣчія въ этомъ дѣлѣ... Э, да я, кажется, по русской пословицѣ, началъ за здравіе, а кончилъ за упокой—принялся писать письмо, а вдался въ какое то велерѣчивое разсужденіе, да ужъ Вы, Ив. Дм. простите эту слабость, что дѣлать, Русская натура, видно ничто ея не переработаетъ, о чемъ ни заговоришь, а матушка Россія сейчасъ на языкъ и, откуда что берется, сердце кипитъ, мысли тѣснятся и уже не жди конца!“ затѣмъ авторъ письма вспоминаетъ свое знакомство съ Ив. Дм.: „Помните ли Ив. Дм., какъ мы проспиживали по цѣлымъ ночамъ за бостономъ? бывало ни вьюга, ни дождь не удержитъ дома, летишь подъ всѣми парусами или къ вамъ, или къ Александрѣ Дм. или сойдешься съ дядей Петромъ, да какъ пріударимъ—Ахъ ты рощица, роща темная,—такъ хоть деревяннаго расшевелишь, а какъ съ сестрой Наташей пройдешься венгерку, или какъ бывало хоромъ затянемъ—А мы просо сѣяли, сѣяли—любо, да и только!“ [108]). Въ это время Ив. Дм., какъ говорится, отдавалъ дань молодости, правду сказать дань очень скромную: онъ любилъ посѣщать театръ и восхищался

[107]) Ibidem.
[108]) Письма раз. лицъ № 18 отъ 22 дек. 1850 г. см. рук. Ив. Дм., хран. у Ел. Вас. Барсова.

игрой тогдашнихъ московскихъ знаменитостей; любилъ пѣніе, особенно русскія пѣсни, которыми интересовался еще его отецъ и любовь къ которымъ всецѣло унаслѣдовалъ сынъ, и вообще музыку: родные Ив. Дм. передавали намъ, что онъ пробовалъ играть на разныхъ инструментахъ, но все неудачно, съ нимъ случилась часто встрѣчающаяся ошибка природы, надѣлившей Ив. Дм. страстью къ музыкѣ, но не даровавшая ни хорошаго слуха, ни музыкальныхъ способностей вообще. Кажется, къ этому же времени слѣдуетъ отнести и попытки литературныхъ трудовъ, отъ которыхъ до насъ дошли лишь разрозненные отрывки [109]). Вообще мы должны отмѣтить особую артистическую сторону характера Ив. Дм., которою именно и объясняются эти попытки его заняться какимъ нибудь искусствомъ, и которая, скажемъ, забѣгая нѣсколько впередъ, отразилась впослѣдствіи на ученыхъ трудахъ Ив. Дм. [110]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[109]) Рук. Ив. Дм. хранящ. у Ел. Вас. Барсова и у Дм. Ан. Погожева.

[110]) Вообще семья Бѣляевыхъ вся отличалась артистическими наклонностями: братъ Ив Дм. Вас. Дм. Бѣляевъ былъ художникъ, сестра Ел. Дм. Погожева, популярная дѣтская писательница, сестра Ал. Дм. Войнова очень порядочно рисовала; да и самъ Ив. Дм. въ молодости рисовалъ: мы видѣли у о. Ил. Дан. Войнова рисунокъ Ив. Дм., представляющій пейзажъ, на нашъ неопытный взглядъ довольно хорошо сдѣланный.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ.

И жизнь томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Лермонтовъ

Въ роскошномъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, откинувшись на спинку мягкаго кресла, сидитъ молодой человѣкъ. Зеленоватый свѣтъ лампы придаетъ блѣдному его лицу и закрытымъ глазамъ странное выраженіе. Можно подумать, что смерть-невидимка тихо смежила эти глаза и удалилась безшумно, какъ тѣнь. Изъ сосѣдней же комнаты доносятся грустные звуки музыки.

— Не выношу, послышался шопотъ, а жена играетъ это, вѣроятно, въ память прошлаго, если не съ цѣлью растрогать мое и безъ того больное сердце. Любящая женщина проявляетъ свою нѣжность иногда вовсе не кстати.

Молодой человѣкъ поднялся съ кресла, захлопнулъ дверь и сталъ ходить по комнатѣ. Знакомый мотивъ, какъ будто умиралъ съ каждымъ звукомъ для слуха и воскресалъ съ каждой нотой для больного, чуткаго сердца. Непонятныя мысли возникали въ горячей, усталой головѣ и будили рой воспоминаній... Что память?—Храмъ великолѣпный, таинственный, покуда совѣсть не озарила его яркимъ свѣтомъ и чудныя сокровища не превратились въ ядовитыхъ, шипящихъ гадовъ, скрытыхъ, можетъ быть, благоуханными цвѣтами. Кажется, кто-то склоняется надъ тобою и вопрошаетъ: „помнишь-ли“?

Огонь камелька, трепетавшій розовымъ отсвѣтомъ на стѣнѣ, привлекъ вниманіе молодого человѣка, который пододвинулъ поближе къ огню кресло, опустился въ него и опять задумался. Трепетъ яркаго огня напомнилъ ему одно майское утро.

Голубое небо дышало благодатной свѣжестью; востокъ алѣлъ зарею, высоко надъ землею дрожала пѣсня жаворонка; на поляхъ искрилась алмазами роса; въ травѣ гудѣлъ, точно далекій органъ, смѣшанными звуками цѣлый міръ безчисленныхъ насѣкомыхъ. Беззаботный юноша медленно шелъ по извилистой дорожкѣ вдоль рѣки, горѣвшей заревомъ солнечнаго восхода. Легкій вѣтерокъ игралъ его кудрями, вѣялъ прохладою въ лицо, шелестилъ подъ ногами травою. Юноша пѣлъ о радостяхъ жизни, о чарахъ женской красоты, а предъ нимъ ласково голубѣла даль и поднималось огневымъ шаромъ солнце. Онъ шелъ изъ

большого города въ деревню, гдѣ его дядя, бѣдный землевладѣлецъ, доживалъ послѣдніе дни. Сосѣди знали старика за умнаго и добраго человѣка, у котораго, кромѣ небольшого участка земли, ветхаго домика, ничего не было. Своего племянника, Константина Ильменева, рано осиротѣвшаго, старикъ любилъ какъ сына. Онъ воспиталъ его, далъ ему высшее образованіе, вывелъ въ люди. „Костя будетъ отличнымъ юристомъ“! хвалился дядя племянникомъ богатому сосѣду, имѣвшему дочь-красавицу. Молодой Ильменевъ окончилъ курсъ университета, былъ свободенъ какъ птица, бѣденъ какъ безсеребренникъ, но полнота чувствъ устраняла мрачныя думы о пустотѣ кармановъ, какъ главной виновницы того, что юноша не ѣхалъ, а шелъ въ усадьбу дяди...

Это утро особенно памятно Ильменеву. Дядя скоро умеръ, оставивъ наслѣдство своему племяннику. Юноша почувствовалъ себя одинокимъ... да, одинокимъ какъ березка, посаженная имъ на могилѣ старика. Мѣсяца два онъ проскучалъ въ усадьбѣ, перечитывая дядину библіотеку, присматриваясь къ жизни крестьянъ; но книги ему не нравились, а крестьяне поражали его бѣдностью духовныхъ интересовъ. „Какъ могъ старикъ читать все это? За что любилъ онъ этихъ дикарей?“ удивлялся юноша, не понимавшій прежнихъ писателей и не терпѣвшій народолюбцевъ. Бывало, Ильменевъ выслушивалъ правоученья старика, причемъ нетерпѣливо спрашивалъ: „вы кончили?“ и насвистывалъ, какъ дроздъ на вѣткѣ, какой-нибудь веселый опереточный мотивъ или произносилъ, растягивая слова: „полноте, дядя! наше время— не время широкихъ задачъ... Мы — дѣти своего вѣка“! Старикъ въ такихъ случаяхъ спорилъ, волновался и кричалъ: „несчастные межеумки! нѣтъ у васъ ничего святого, завѣтнаго... Одинъ кумиръ — нажива“. Племянникъ удалялся въ свою комнату. Ему казалось: дядя неправъ, состарился, спятилъ съ ума. „Нѣтъ, разсуждалъ онъ самъ съ собою, отъ жизни надо брать то, что она даетъ... Мы пессимисты, но пессимисты, по чьему-то остроумному опредѣленью веселые... Да, да, именно— веселые пессимисты. Наслажденіе—прежде всего. Пей, пой, люби женщинъ, низводи рай на землю. Можно не быть праведникомъ, чтобы попасть въ него: для этого требуются только деньги“. Затѣмъ Ильменевъ одѣвался съ маленькою претензіей на столичный шикъ, заходилъ на минуту къ дядѣ, чтобы сказать: „ѣду къ сосѣдямъ, пробуду до утра“! и выбѣгалъ, какъ мальчикъ, на крыльцо, садился на коня, скакалъ верстъ за десять.

Вспомнилась Ильменеву одна изъ такихъ поѣздокъ.

Безоблачное голубое небо—какъ бездна... Смотришь — и душа тонетъ въ немъ, радостная, ликующая. Вѣтерокъ вѣетъ въ лицо теп-

линью, напоенной ароматомъ поля. Не вдыхаешь, а пьешь этотъ воздухъ, какъ воду изъ свѣжаго источника. Розовѣютъ по склонамъ горъ полосы цвѣтущей гречи, вдали волнуется золотистое море спѣющей ржи, пестрѣютъ разные цвѣты. Въ далекихъ лугахъ тоскуетъ глупая кукушка, мѣшая наслаждаться пѣніемъ жаворонка; слышится сухая трескотня кузнечиковъ, жужжаніе пчелъ надъ полевыми розами. Вонъ и знакомая роща. Высокіе густолиственные клены, нарядныя березки, трепетныя осины встрѣчаютъ тебя привѣтливымъ шумомъ. Пахнуло запахомъ дубовой коры, молочая, полыни, земляники; набѣжали зеленоватыя, узорчатыя тѣни — и потемнѣло въ глазахъ, но чрезъ мгновенье яркіе лучи солнца затрепетали вновь какъ звуки жизнерадостнаго смѣха. Невдалекѣ усадьба. Вонъ шатровый домъ, съ черепичной крышею, окруженный большимъ тѣнистымъ садомъ. Съ балкона кто-то въ бѣломъ смотритъ на дорогу... „Это — она... Вѣра Павловна... Вѣрочка!“ догадывается юноша, пришпоривая коня. Какъ шумно, радостно она встрѣчаетъ его! Какъ привѣтствуютъ его родители красивой дѣвушки!

Ильменевъ пошевелилъ желѣзной палкою угли въ каминѣ. Причудливая пирамида изъ ярко-красныхъ углей качнулась, упала, брызнула искрами, разсыпалась, подернулась синеватымъ налетомъ пепла. Это напомнило ему одинъ лѣтній вечеръ...

Заря догорѣла. Золотистыя облака таяли за горами, постепенно темнѣвшими; на селѣ замиралъ говоръ. Тихая безлунная ночь, лишенная прохлады, медленно со всѣхъ сторонъ надвигалась, блистала томнымъ свѣтомъ высоко мерцавшихъ звѣздъ. Садъ манилъ таинственнымъ сумракомъ въ глубину молчаливыхъ аллей. Деревья, какъ будто совѣщаясь, шумѣли. Резеда струила тонкій ароматъ, мѣшавшійся съ запахомъ поздно цвѣтущей липы. Ильменевъ и Вѣрочка шли по узкой песчаной дорожкѣ на конецъ сада. Онъ читалъ наизустъ любимые стихи Фета; она жадно слушала ихъ, упоенная избыткомъ личнаго счастья. Онъ говорилъ ей о томъ, какъ прекрасна жизнь, которой надо пользоваться. „Бери отъ жизни не только то, что она даетъ тебѣ, но и то, что даетъ другимъ. Нравственно это, или — безнравственно, не разсуждай, ибо нравственность понятіе относительное. Любовь къ ближнему не имѣетъ смысла: ближній за добро часто платитъ зломъ. Можно любить еще женщину, если она хороша. Итакъ: живи — наслаждайся радостями жизни. Пусть голоденъ тотъ, у кого нѣтъ хлѣба; пусть безпріютенъ не имѣющій крова; ты — не солнце, всѣхъ не обогрѣешь, а потому надо жить не для другихъ, для себя“... Молодые люди подошли къ пруду, поверхность котораго играла блестками вороненной стали, и сѣли на дерновую скамейку. Ильменевъ молча взялъ горячую, дрожа-

щую руку дѣвушки и поднесъ ее къ своимъ губамъ. Вѣрочка не отнимала руки. Она позабыла все на свѣтѣ. Для нея не существовало ни голодныхъ, ни безпріютныхъ, ни друзей, ни враговъ, ни матери, ни отца, ни стыда, ни совѣсти, ни даже того, кто страстно глядѣлъ ей въ очи: она утопала въ блаженствѣ личнаго счастья.

Ильменевъ все это вспомнилъ и назвалъ глупымъ, пошлымъ, отвратительнымъ... Вспомнилъ, въ какомъ чаду онъ былъ, когда дѣлалъ предложеніе Вѣрочкѣ, какъ обрадовались тому ея родители; какъ смѣялся дядя, поздравляли товарищи. Женившись на красивой богатой дѣвушкѣ, онъ укатилъ въ столицу и зажилъ съ молодой женою припѣваючи. Съ товарищами по университету, изъ которыхъ одинъ сталъ врачемъ, другой педагогомъ, третій литераторомъ, онъ не знался. „Они—охлократы!“ говорилъ Ильменевъ женѣ, вычитавъ откуда-то это словечко, опредѣляющее людей толпы. Прошло три года порханья по баламъ, созерцанья балета, слушанья оперетки, три года неустанной бѣготни бѣлки въ колесѣ. Тесть изрѣдка навѣщалъ молодыхъ людей, журилъ ихъ за расточительность, совѣтовалъ имъ жить съ расчетомъ, а не бросать направо и налѣво деньги, которыя не легко достаются. Зять говорилъ: „жить хочется... хочется все видѣть, слышать; безъ денегъ же не ступишь шага; сиди дома, скучай, брани погоду. Наконецъ, здѣсь многіе такъ живутъ... Зарабатываютъ или занимаютъ деньги, чтобы проживать, дѣлаютъ долги, чтобы не платить!“ Тесть качалъ головою и возражалъ: „однако, милый другъ, не вѣчно же наслаждаться, пора заняться дѣломъ. Приданое поберечь надо для дѣтей; но у васъ нѣтъ ихъ... Понимаю! Они мѣшаютъ вамъ жить, такъ лучше, молъ, избавиться. А грѣхъ, стыдъ, угрызенья совѣсти? Богъ съ вами, живите по своему и отъ меня никакой поддержки впредь не ждите: помогать не стану“. Послѣ отъѣзда тестя, Ильменевъ перечиталъ сотни юридическихъ книгъ, посовѣтовался съ умными людьми и занялся дѣломъ. Завязались сношенія съ дѣловыми людьми; началась новая жизнь: спѣши въ ресторанъ на обѣдъ, за городъ—на попойку! Все постороннее, не домашнее, возбуждало интересъ, а семейный очагъ и жена стали прискучивать. «Правда, Вѣрочка—очаровательна. Темные волосы пышной короною украшаютъ ея милую голову; голубые глаза ласкаютъ яснымъ привѣтливымъ взоромъ, алыя уста плѣнительно улыбаются; но каждый день—она, все—она: это не выносимо»! говорилъ себѣ Ильменевъ, пошаливая на сторонѣ. Скоро такая жизнь ему надоѣла, и онъ захандрилъ, заболѣлъ страшной болѣзнью — пресыщеньемъ. Личное счастье, какъ бремя, давило его, а вмѣстѣ съ нимъ и жену, праздную искательницу развлеченья. Она попрежнему блистала въ свѣтѣ, кокетничала съ молодыми людьми, а дома

читала французскіе романы, старалась найти смыслъ и поэзію въ декадентскихъ виршахъ Верлэна и Маллярмэ, рекомендованныхъ ей мужемъ, который страдалъ уже извращеніемъ вкуса... Она, больше обыкновеннаго, пила вино, курила папиросы, играла даже въ карты, просиживая цѣлыя ночи за зеленымъ столомъ. Она измѣнила-бы мужу, если-бы перестала любить его, холоднаго, раздражительно-желчнаго. Въ свѣтлый источникъ иногда попадаетъ грязь и мутитъ воду; къ любви примѣшивается часто нехорошее чувство. Ильменева начала отрезвляться, понимать мужа, сознавать свое положеніе. Мужъ рисовалъ когда-то ей соблазнительныя картины личнаго счастья, Вѣрочка слушала его, соглашалась съ нимъ, какъ согласилась не имѣть дѣтей. Самообманъ утратилъ свою прелесть; дѣйствительность сбросила съ себя покровы; разочарованіе въ томъ, что до сихъ поръ казалось идеальнымъ, отравило жизнь; скука явилась незванной гостью—и все розовое, жизнерадостное обратилась въ сѣрое, тусклое, какъ петербургское небо. Бывая у знакомыхъ, Ильменева смотрѣла съ завистью на семейную обстановку, на играющихъ дѣтей и думала про себя: «зачѣмъ послушалась я мужа? Теперь ласкала-бы такого-же милаго ребенка, была-бы матерью... О, какъ я несчастна»! Разъ въ сумерки она стояла передъ трюмо въ полуосвѣщенномъ будуарѣ, и ей вспомнилась нѣмецкая легенда о молодой женщинѣ, которая также не хотѣла быть матерью. Однажды эта преступница остановилась надъ ручьемъ и, вмѣсто отраженія своего лица, увидала въ немъ лица своихъ дѣтей, не появившихся на свѣтъ. «Не похожа-ли я на эту несчастную»? спрашивала себя Ильменева, причемъ ей казалось, что зеркальное стекло не отражаетъ болѣе ни ея лица, ни фигуры. Она отшатнулась, упала въ кресло и зарыдала, какъ безумная. Мужъ проходя въ кабинетъ, слышалъ рыданія, но не зашелъ къ женѣ. Утромъ, за чаемъ, онъ посмотрѣлъ на нее нѣжнѣе обыкновеннаго и спросилъ: „о чемъ ты плакала“? Жена обвила его руками, долго-долго не сводила съ него глазъ и, наконецъ, съ проніей сказала: „о счастьѣ, милый мой, о личномъ счастьѣ“! Ильменевъ вздрогнулъ. Злая усмѣшка, взглядъ полный ненависти... Никогда такого лица не было у жены. „Дорогая, прошепталъ онъ, я и самъ тягощусь бременемъ этого счастья, точно блуждаю въ темномъ подземельѣ, не видя выхода, какъ человѣкъ, идущій безъ путеводнаго огня. Но успокойся, все это пройдетъ. Необходимо развлечься... Вотъ билеты на лекцію моего товарища по университету. Сдѣлался профессоромъ, любимцемъ молодежи, повидимому счастливъ, а потому и читаетъ сегодня что-то о счастіи. Интересно; поѣдемъ“. Въ извѣстный часъ Ильменевы были уже въ обширной залѣ для публичнаго чтенія, раскланивались съ знакомыми. Послышался звонокъ — и публика

увидѣла предъ собою невзрачнаго, сухощаваго человѣчка съ высокимъ лбомъ и нервнымъ, выразительнымъ лицомъ. Онъ поднялся на возвышеніе и началъ лекцію, къ неожиданности, просто, что̀ многимъ не понравилось; но чѣмъ дальше, тѣмъ успѣшнѣе овладѣвалъ молодой ораторъ вниманіемъ публики. Блестящее вступленіе, постепенное широкое развитіе основной идеи, остроумныя сравненія, яркіе эпитеты возбуждали, съ каждой минутою, въ слушателяхъ интересъ къ лекціи. Ильменевъ почувствовалъ даже зависть къ бывшему своему товарищу и думалъ про себя: „отчего я не сдѣлался профессоромъ? Извѣстность, слава — рѣдкое счастье“. Ильменева сердилась на мужа: „вѣдь это—мы; это наша жизнь; изволь краснѣть отъ стыда“! Обоимъ казалось, что глаза всѣхъ слушателей устремлены на нихъ; всѣ пересматриваются и шепчутъ другъ другу: „цѣль этой прекрасной лекціи—показать обществу, какъ несчастны, жалки Ильменевы“! Молодые люди не смотрѣли на публику, боялись взглянуть на лектора. Мужественно прослушавъ все до конца, они уѣхали домой. Ильменевъ, уходя спать, обратился къ женѣ съ короткимъ вопросомъ: „ну, что“? Она покраснѣла, потупила глаза и отвѣчала дрожащимъ голосомъ: „не спрашивай... Мнѣ стыдно“! Мужъ промолчалъ и крѣпко пожалъ ей руку, какъ товарищу, чего съ нимъ никогда не случалось. Оба, въ разныхъ комнатахъ, они провели ночь безъ сна, подобно приговореннымъ къ казни. Слово неумолимой правды было ихъ грознымъ судьею, и совѣсть являлась безпощаднымъ палачемъ. На другой день, молодые супруги избѣгали встрѣчи. Мужъ рано выѣхалъ изъ дома, отпустилъ своего кучера съ лошадьми на второй улицѣ, послѣ чего нанялъ извозчика и отправился, по записаннымъ адресамъ, отыскивать бѣдняковъ, нуждающихся въ помощи добрыхъ людей.

Это было вчера, когда онъ чувствовалъ, какъ будто въ немъ что-то перерождается. „Такъ жить нельзя“! повторялъ онъ слова поэта, и совѣсть доказывала ему—почему нельзя такъ жить. Воображеніе рисовало картины человѣческихъ бѣдствій, горя, нищеты, позора и разврата. „Иди туда! накорми голоднаго, одѣнь нагого, пріюти безпріютнаго, защити обиженнаго, возстанови честь опозоренныхъ, спаси погибающаго!“ говорилъ ему внутренній голосъ. Вчера Ильменеву было ясно, что личное счастье безъ любви къ ближнему невозможно. Онъ пришелъ къ женѣ и сказалъ: „такъ жить, какъ мы живемъ, нельзя. Глядѣть съ постыднымъ равнодушіемъ на человѣческія бѣдствія или отворачиваться отъ нихъ—преступно. Камни объ этомъ вопіютъ... Камни тѣхъ храмовъ, въ которыхъ горятъ трудовыя свѣчи. Тысячи людей несутъ туда свое горе, свои страданія и повергаютъ къ подножію Праведника, распятаго на крестѣ. Самъ Богъ слушаетъ ихъ, а мы... мы глухи къ

стонамъ, жалобамъ несчастныхъ. Вѣрочка, изгонимъ роскошь изъ нашего дома и будемъ помогать бѣднякамъ"! Жена одобрительно кивала головою, ласкалась къ нему и говорила: „поставимъ себѣ задачею—жить для другихъ... Въ этомъ мы найдемъ даже и то, чего не имѣли, найдемъ личное счастье"!

Сегодня Ильменевъ опять хандритъ. Утромъ онъ осмѣялъ намѣреніе жены, посвятить себя благотворительности, вчерашнія свои слова назвалъ бредомъ безумца, желающаго осчастливить весь міръ, и объявилъ, что никакого счастья, кромѣ личнаго, не признаетъ, ибо всякое другое—ложь.

— Жена перестала играть, мелькнула у него мысль, и прекрасно сдѣлала. Куда-бы теперь отправиться? Друзья-пріятели наскучили, женщины надоѣли, вино и карты опротивѣли, а все-таки куда-нибудь поѣду. Хочется чего-то невиданнаго, неслыханнаго, бурнаго... Ха-ха, полнѣйшій декаденсъ! Но все равно только-бы забыться...

Ильменевъ сбросилъ съ себя халатъ и началъ одѣваться, прихорашиваться передъ зеркаломъ. Онъ уже беззаботно напѣвалъ веселую шансонетку, а въ залѣ, склонясь надъ закрытой, умолкшей роялью, какъ надъ свѣжею могилой, тихонько плакала его жена...

Н. Пановъ.

По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ общемъ собраніи членовъ Славянскаго Общества.

(Продолженіе) [1]).

В. И. Ламанскій въ своей рѣчи указывалъ на *нецѣлесообразность* разныхъ войнъ, веденныхъ Россіею съ 1799 до 1849 годовъ въ предѣлахъ Австріи, Италіи, Германіи и Франціи, и пришелъ къ заключенію, что въ этихъ случаяхъ политика наша исходила изъ *„мечтательности и сентиментализма“*. Не отрицая извѣстной доли истины въ этомъ заключеніи, въ тоже время, мы не можемъ не замѣтить, что историкъ долженъ тщательно взвѣсить всѣ факты и условія, говорящіе не только за, но и противъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ не даетъ себя чувствовать въ достаточной степени. Прежде всего должно замѣтить, что, не взирая на кажущуюся (въ рѣчи В. И. Ламанскаго) одинаковую нецѣлесообразность указанныхъ войнъ, едва ли всѣ онѣ были дѣйствительно не цѣлесообразны въ одинаковой степени [2]). Затѣмъ является вопросъ, могла ли наша политика, съ точки зрѣнія правильно понимаемыхъ интересовъ Россіи, относиться безучастно къ быстрому распространенію сначала сферы вліянія, а затѣмъ и владычества первой французской республики, которая начала одерживать верхъ если не надъ всею германскою имперіею, то надъ ея главною и сильнѣйшею составною частью, а также и надъ другими ея членами, и которая въ короткій промежутокъ времени создала на развалинахъ разныхъ государствъ новые политическіе организмы по своему образу и подобію въ видѣ республикъ: цизальпинской, римской, парѳенопейской и т. д. Казалось-бы, — нѣтъ, ибо при такихъ условіяхъ, съ теченіемъ времени, подобная Франція могла бы одержать новые успѣхи, затѣмъ создать какія-нибудь новыя республики, напримѣръ придунайскую, бранденбургскую, оботритскую, саксонскую, привислянскую или польскую. Наконецъ ранѣе или позднѣе, та же Франція объявила-бы войну Россіи, которой такимъ

---

[1]) См. «Русск. Бесѣда» Январь, ст. «Нѣсколько мыслей объ отношеніи стратегіи къ политикѣ».

[2]) Напримѣръ война 1813 года съ одной стороны и война 1849 года съ другой велись обѣ въ странахъ, соприкасавшихся съ Россіею (чего нельзя сказать о войнѣ 1799 года), а между тѣмъ и эти войны не могутъ быть поставлены наравнѣ съ данной точки зрѣнія. Можно лишь поставить вопросъ о правильности выбора предмета дѣйствій въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ въ 1849 г., когда представлялся удобный моментъ къ лишенію Австріи возможности вредить славянамъ, предметомъ дѣйствій могла быть выбрана сама эта держава и т. п. Къ сожалѣнію, ораторъ уклонился отъ разсмотрѣнія этого вопроса, а между тѣмъ именно для него онъ долженъ былъ-бы быть особенно интереснымъ. Равнымъ образомъ и для всѣхъ его слушателей были бы въ высшей степени интересны разсмотрѣніе и особенно надлежащее разъясненіе этого-же вопроса.

образомъ не удалось бы избѣжать войны. Точно также могла-ли наша политика относиться безучастно къ распространенію владычества первой французской имперіи, имѣвшей во главѣ величайшаго полководца всѣхъ временъ и народовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось его стремленіе къ покоренію возможно большей части земной поверхности. Правда, было время, когда могло состояться соглашеніе съ Наполеономъ, когда онъ былъ еще первымъ консуломъ; но если-бы оно и состоялось, то едва-ли было бы прочно, какъ не было прочно пропсшедшее послѣ 1807 года соглашеніе съ императоромъ Наполеономъ I. Могла-ли русская политика оставить въ покоѣ того-же Наполеона послѣ 1812 года и дать ему возможность собраться съ силами и возобновить войну, а если даже и не возобновлять, то постоянно ею угрожать? На это могутъ возразить, что этого нечего было опасаться, такъ какъ Европа и сама свергла бы иго Наполеона; но съ подобнымъ возраженіемъ не можетъ согласиться тотъ, кто имѣетъ сколько-нибудь удовлетворительное понятіе о весеннемъ и осеннемъ походахъ 1813 года и о кампаніи 1814 года. Наполеона слѣдовало сдѣлать безвреднымъ для Россіи — это несомнѣнно. Могла-ли наконецъ наша политика относиться безучастно и къ венгерскому возстанію противъ Австріи и Габсбурговъ? Опять таки не могла, ибо венгерскій вопросъ тѣсно переплетенъ съ различными частными вопросами, входящими въ составъ одного великаго вопроса славянскаго.

Итакъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ *русская политика не могла оставаться въ пассивномъ положеніи*, но должна была *дѣйствовать*, имѣя лишь въ виду интересы Россіи во всей ихъ совокупности, выбирая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соотвѣтственно *важнѣйшую операціонную линію*, а главнымъ предметомъ дѣйствій *опаснѣйшую политическую силу* (и вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, соблюдая непремѣнное условіе, чтобы каждая война являлась строго цѣлесообразною съ точки зрѣнія требованій обстановки, во всемъ ея объемѣ).

Если въ томъ или другомъ случаѣ наша политика избирала не только не важнѣйшую, но просто болѣе или менѣе неважную операціонную линію, а главнымъ предметомъ дѣйствій не наиболѣе опасную политическую силу и т. п., то это должно было быть выяснено ораторомъ. Подобныя разъясненія могли бы быть весьма полезны и поучительны, чего нельзя сказать о его положеніи, въ силу котораго всѣ указанныя войны были, будто-бы, безусловно не цѣлесообразны [1]) и которое является

[1]) Ораторъ говоритъ лишь о томъ, какъ проливались слезы, о разныхъ западноевропейскихъ владѣтеляхъ, терпѣвшихъ обиды отъ надменнаго корсиканца и т. п., другихъ же причинъ, вызывавшихъ эти войны, не находитъ.

не столько обоснованнымъ, сколько „прочувствованнымъ“, иначе говоря, исходящимъ, если не вполнѣ, то все таки въ весьма замѣтной степени, изъ того-же *„сентиментализма“*, противъ котораго возстаетъ ораторъ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ставитъ-же онъ слѣдующій вопросъ: „И не въ *сто* [1]) ли разъ лучше бъ было, еслибъ мы всѣ эти заботы и филантропическія попеченія и хотя-бы часть громадныхъ денегъ, употребленныхъ на эти войны, положили *въ первыхъ годахъ нашего столѣтія* [2]) *на освобожденіе крестьянъ* [3]), на народное образованіе и на *улучшеніе нашихъ путей сообщенія* [4]). Прежде всего едва-ли самъ ораторъ будетъ отстаивать приведенное имъ математическое опредѣленіе отношенія между „заботами и филантропическими попеченіями“ съ одной стороны и употребленіемъ денегъ „на освобожденіе крестьянъ, на народное образованіе и на улучшеніе нашихъ путей сообщенія“ съ другой, съ точки зрѣнія блага Россіи. Затѣмъ едва-ли кто либо, свободный отъ пристрастнаго пониманія тѣхъ или другихъ событій въ исторіи нашего отечества и особенно отъ „мечтательности и сентиментализма“ [5]), признаетъ возможность проведенія въ жизнь, въ началѣ XIX вѣка, реформъ въ родѣ освобожденія крестьянъ или хотя-бы такого улучшенія путей сообщенія, которое было бы признано достаточнымъ съ точки зрѣнія оратора. Подобная сравнительная оцѣнка весьма остроумна, но не покоится на прочномъ историческомъ основаніи, а потому пока не можетъ быть принята людьми, желающими избѣжать какихъ-бы то ни было увлеченій.

То же самое заключеніе приходится распространить и даже въ гораздо большей степени и на разсужденія оратора о нашихъ „прекрасныхъ и благородныхъ порывахъ 1875—77 и нашихъ же славянскихъ увлеченіяхъ конца 70-хъ годовъ“. Прежде всего ораторъ, повидимому, полагаетъ, что война 1877—78 гг. велась только „за освобожденіе Болгаріи“. Интересно было бы знать, на основаніи какихъ дипломатическихъ и т. п. документовъ выведено подобное заключеніе. Если оно является результатомъ изученія лишь того, что такъ или иначе опубликовано въ Россіи и за границею, то и тогда оно не можетъ быть признано въ достаточной степени обоснованнымъ, а главное оно можетъ быть безъ особеннаго труда оспариваемо тѣмъ или другимъ лицомъ,

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Самъ ораторъ говоритъ выше: «послѣ Аустерлица, Іены и Ауэрштедта». Слѣдовательно, начиная съ 1807 года.
[3]) Курсивъ нашъ.
[4]) Это было бы выгодно и для Наполеона I въ 1812 году.
[5]) Примѣняемыхъ лишь въ направленіи прямо противоположномъ тому, противъ котораго возстаетъ ораторъ.

основывающимся на тѣхъ же самыхъ данныхъ, но обладающимъ достаточнымъ безпристрастіемъ и въ достаточной же степени гарантированнымъ отъ увлеченій. Если же разсматриваемое заключеніе выведено ораторомъ внѣ рамокъ даже и предъидущаго условія, т. е. просто на основаніи результатовъ войны 1877—78 гг., то значеніе его, съ научной точки зрѣнія, еще болѣе уменьшается.

Затѣмъ ораторъ какъ-бы отдѣляетъ эту войну отъ предшествовавшихъ ей русско-турецкихъ войнъ, что совершенно непонятно, ибо едвали кто-либо будетъ отрицать извѣстную историческую связь между всѣми русско-турецкими войнами, веденными въ теченіе XVIII и XIX столѣтій.

Всестороннее выясненіе этой связи не легко и потребовало-бы особаго труда, цѣлаго изслѣдованія, исключительно ему посвященнаго. Не принимая на себя здѣсь этой задачи въ цѣломъ, мы не можемъ обойти нѣкоторыхъ составныхъ ея частей, отчасти подлежащихъ изслѣдованію того отдѣла исторической науки, въ области котораго ораторъ, по всей справедливости, признается знатокомъ. Въ своемъ почтенномъ и прекрасномъ трудѣ *„Три міра Азійско-Европейскаго материка“* (Спб. 1892 г.) В. И. *Ламанскій* предполагаетъ „хорошо извѣстнымъ и достаточно опредѣленнымъ понятіе историко-культурныхъ характеровъ: 1) *собственной* или такъ называемой западной, т. е. романо-германской или католическо-протестантской *Европы*, и 2) *собственной Азіи*, съ древними и средневѣковыми цивилизаціями ея историческихъ племенъ и народовъ непсторическихъ или полуисторическихъ“ (стр. 3). Къ этимъ двумъ „разновидностямъ или главнымъ отдѣламъ“ Азійско-Европейскаго материка онъ добавляетъ третій такой же отдѣлъ, который онъ называетъ *„Среднимъ міромъ“* („не настоящая Европа и не настоящая Азія“) (стр. 3), границы котораго „обнимаютъ всю Русскую имперію и въ такъ называемой Азіи совершенно почти [1]) совпадаютъ съ ея политическими границами“ (стр. 15—16), равно какъ и „частью въ Европѣ, на сѣверо-западѣ, политическія границы Россіи съ Швеціею и Норвегіею совершенно совпадаютъ съ этнологическими и историко-культурными границами средняго міра отъ міра собственно европейскаго“. „Западныя и южныя сухопутныя границы европейской Россіи съ Пруссіею, Австріею и Румыніею, суть границы чисто политическія, искусственныя“. „За этими границами кончается правда политическое преобладаніе и господство восточнаго православія [2]), а также славянской рѣчи и народности, но вовсе не прекращается численное преобладаніе господствующей въ

[1]) Это *«почти»*, пожалуй, довольно растяжимо.
[2]) Не допускаетъ-ли авторъ существованія и какого-либо иного православія?

Россіи вѣры или славянской рѣчи и расы, часто той или другой вмѣстѣ. Съ этихъ сторонъ Россія окружена прусско и австрійско-славянскими, а также румынскими и далѣе болгарскими, сербскими, турецкими и греческими землями. Въ этихъ же земляхъ, какъ и въ Россіи, господствуютъ численно восточное христіанство и славянская рѣчь и народность или порознь, какъ въ Румыніи и Греціи, или вмѣстѣ, какъ въ Болгаріи, Сербіи, Черной Горѣ, или одна лишь славянская рѣчь и народностъ, какъ въ западно-славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи и Пруссіи“ (стр. 17—18). „Существованіе въ прилежащихъ къ Россіи земляхъ нѣсколькихъ милліоновъ ея единоплеменниковъ и единовѣрцевъ составляетъ *источникъ ея силы и могущества* [1]) политическаго и культурнаго, какъ въ настоящемъ, такъ еще болѣе въ будущемъ“.... „Политическая сила и вліяніе историческихъ національностей заключается не въ однихъ ихъ наличныхъ силахъ, но и въ той вѣрѣ и въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя онѣ возбуждаютъ относительно своего будущаго въ своихъ близкихъ и дальнихъ сосѣдяхъ. Если бы пограничныя намъ области Пруссіи, Австро-Венгріи и Турціи имѣли совершенно однородное и вмѣстѣ чуждое намъ по вѣрѣ и расѣ населеніе, то Россія никогда бы конечно не могла играть въ европейской и всемірной политикѣ великой роли, выпавшей ей, какъ единственной сильной представительницѣ интересовъ славянства и восточнаго христіанства“ (стр. 19). „Въ патріотической гордости нашей, глядя свысока на родственныя намъ народности, слабыя числомъ и зависимыя политически, мы любимъ говорить, что Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ, и напрасно при этомъ забываемъ, что славяне тѣмъ же самымъ, т. е. тѣмъ, что существуютъ, полезны Россіи [2]), что безъ нихъ она никогда не была бы тѣмъ, что она есть, что если они зачахнутъ въ борьбѣ и, наконецъ, исчезнутъ, она никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть въ случаѣ, если всѣ не-русскіе славяне сохранятъ и обезпечатъ наконецъ свою самостоятельность“ (стр. 19—20).

„Западная граница средняго міра, отдѣляющая его отъ собственной Европы, есть сухопутная русская норвежско-шведская граница, Ботническій и Финскій заливы, далѣе ломанная пограничная линія, проходящая по прусскимъ и австрійскимъ землямъ, между Балтійскимъ и Адріатическимъ моремъ. Она... упирается на сѣверъ около Данцига въ море Балтійское, а на югѣ около Тріеста въ море Адріатическое. За-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Сравнить съ оцѣнкой того же вопроса, изложенной въ моемъ трудѣ «Славяно-Турецкая борьба 1876—78 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса». Ч. I. «Сербско-Турецкая война 1876 г.», стр. 15.

тѣмъ западную границу средняго міра составляетъ Адріатическое и Іонійское море"... „Указанная граница совпадаетъ частью съ природными и частью съ политическими границами" (стр. 24). „Всѣ западно-европейскія страны, которыя съ трехъ сторонъ омываются Балтійскимъ, Нѣмецкимъ морями, Атлантическимъ океаномъ, Средиземнымъ и Адріатическимъ морями, а четвертою стороною, между Данцигомъ и Тріестомъ, непосредственно соединены съ великимъ восточнымъ материкомъ, составляютъ собственно одинъ полуостровъ". По аналогіи названій... онъ могъ бы называться по народностямъ, на немъ живущимъ, Нѣмецко-Романскимъ, или, по главному своему горному хребту, Альпійскимъ" (стр. 27). „Два полуострова, Скандинавскій и Нѣмецко-Романскій, или Альпійскій, съ прилежащими къ нимъ большими и малыми островами на сѣверѣ и югѣ, при всемъ своемъ разнообразіи представляютъ довольно однородное цѣлое, какъ-бы особый міръ, существенно отличный отъ міра собственно азіатскаго и такъ названнаго міра средняго. Этотъ особый міръ, по всей справедливости, можетъ носить одно общее названіе западной или вѣрнѣе собственной Европы или наконецъ Романо-Германскаго міра, Стараго Свѣта" (стр. 28).

Далѣе мы уже не можемъ слѣдовать за авторомъ, выясняющимъ несоединимость Европы въ одну политическую національность и подъ однимъ государственнымъ знаменемъ" (стр. 31), разгадка коей заключается „въ расчлененности Европы на шесть почти равномѣрныхъ и самостоятельныхъ другъ отъ друга частей и въ господствующемъ въ ея населеніи дуализмѣ" (стр. 32), не можемъ слѣдовать по той причинѣ, что это удалило-бы насъ отъ сущности дѣла. Въ виду этого соображенія мы должны оставить въ сторонѣ даже и ту выдающуюся міровую роль, которая, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, будетъ принадлежать современемъ англосаксонской національности [1]), ибо если это и послѣдуетъ, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, тогда какъ съ нашей точки зрѣнія первенствующее значеніе (по отношенію къ будущему болѣе близкому) принадлежитъ отношеніямъ такъ названнаго *„средняго міра"* или вѣрнѣе міра *греко-славянскаго* [2]) къ сосѣдней части „собственной Европы", т. е. къ міру *германскому* [3]). При этомъ считаемъ необходимымъ оговориться, что устанавливаемая В. И.

---

[1]) По мнѣнію В. И. Ламанскаго, она такъ выростетъ, что центръ романо-германскаго міра перенесется изъ Европы въ другія части свѣта, особенно въ Америку и Австралію съ Полинезіею.

[2]) Оба они другъ съ другомъ не вполнѣ совпадаютъ, при чемъ первый обширнѣе втораго.

[3]) Опять таки не ко всему этому міру, а къ наиболѣе близкой и наиболѣе опасной его части.

Ламанскимъ граница между среднимъ и романо-германскимъ мірами, по линіи отъ Данцига до Тріеста, не представляется, на нашъ взглядъ, ни вполнѣ естественною, ни даже желательною границею между мірами греко-славянскимъ и германскимъ, такъ какъ съ одной стороны должно стараться предохранить отъ захвата и поглощенія германцами земли чешскія и южнославянскія, лежащія къ западу отъ этой границы, а съ другой стороны лежащія къ востоку отъ этой же границы польскія земли лѣваго берега Вислы (кромѣ переправъ) и лѣваго берега Сана (западная или польская часть Галиціи) не отличаются такою степенью привлекательности, чтобы изъ за нихъ стоило вести борьбу до послѣдней крайности. Если и суждено греко-славянскому міру отдать германцамъ какую-либо изъ своихъ частей, то тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не должно жертвовать *чехами* или какими бы то ни было *юго-западными славянами*, обитающими къ западу отъ границы В. И. Ламанскаго. Въ стратегическомъ отношеніи для насъ важно обладать русскою, восточною частью Галиціи, Восточною Пруссіею и частью Западной Пруссіи до Вислы (съ Данцигомъ) включительно; въ пріобрѣтеніи же польской, западной части Галиціи (съ Краковомъ) и даже въ сохраненіи губерній лѣваго берега Вислы (за исключеніемъ переправъ), не ощущается слишкомъ уже настоятельной необходимости [1]).

Въ виду приведенныхъ соображеній могли бы представиться желательными тѣ или другія отступленія отъ западной границы средняго міра, проектируемой В. И. Ламанскимъ, которыя привели бы къ установленію въ дѣйствительности западной же границы міра греко-славянскаго, согласованной съ требованіями всей совокупности его интересовъ, опредѣляемыхъ опять таки съ точки зрѣнія дѣйствительности, внѣ какихъ бы то ни было, хотя-бы самыхъ увлекательныхъ теорій и иллюзій. Но, какое бы направленіе ни получила эта граница, во всякомъ случаѣ греко-славянскому міру пришлось бы отстаивать ее грудью противъ наступательныхъ стремленій міра германскаго. Отрицать эти стремленія или хотя бы не придавать имъ важнаго значенія могутъ лишь тѣ русскіе люди, коп умышленно закрываютъ глаза и не хотятъ видѣть того, что представляютъ имъ какъ вся исторія германскаго и славянскаго міровъ, такъ и современныя ихъ отношенія. Въ то же время къ обратнымъ выводамъ приходятъ тѣ изъ числа русскихъ же изслѣдователей даннаго вопроса,

---

[1]) Съ обще-славянской точки зрѣнія конечно желательно предохранить отъ поглощенія нѣмцами и всѣхъ западныхъ славянъ. Это должно измѣнить отчасти и вышеприведенныя заключенія, относящіяся къ полякамъ; но пока роль, которую они играютъ въ обще-славянской семьѣ, не завидна, а потому должно соблюдать, по отношенію къ нимъ, достаточную осторожность.

которые оцѣнивають силу и опасность германскаго элемента во всемъ ихъ объемѣ. Съ точки зрѣнія послѣднихъ опасность эта настолько велика, что въ настоящее время для міра греко-славянскаго въ лицѣ его представителя, Россіи, *наиболѣе важною* оказывается операціонная линія, ведущая къ *жизненному центру ближайшей и опаснѣйшей части міра германскаго*, каковой, въ свою очередь, является для насъ *наиболѣе важнымъ предметомъ дѣйствій* въ смыслѣ политическомъ. Это заключеніе отнюдь не должно быть понимаемо въ смыслѣ необходимости безотлагательнаго распространенія его же и на стратегію, ибо сущность дѣла сводится лишь къ безусловно очевидной необходимости быть всегда готовымъ къ отраженію нападенія возможнаго противника и своевременно парализовать невыгодныя для насъ его начинанія.

Изъ остальныхъ операціонныхъ линій, представляющихся политикѣ Россіи, важнѣйшею является линія, ведущая къ проливамъ: Константинопольскому (Босфорскому) и Дарданельскому. По этой линіи и дѣйствовала названная политика болѣе или менѣе рѣшительно (т. е. прибѣгая къ крайнему своему средству—войнѣ) въ вышеупомянутыя русско-турецкія войны XVIII и XIX столѣтій. Эта линія была бы важнѣе даже и предыдущей, если бы не существовало указанной опасности, угрожающей греко-славянскому міру вообще и Россіи въ частности со стороны міра германскаго, ибо эта опасность и вынуждаетъ Россію стремиться къ тому, чтобы сдѣлать германскій міръ безвреднымъ для себя. Въ переживаемый нами историческій моментъ міръ этотъ представляется *почти вполнѣ нѣмецкою* Германіею и *на половину нѣмецко-мадьярскою, на половину славянскою* Австро-Венгріею, при чемъ послѣдняя играетъ какъ бы роль авангарда первой или передоваго ея піонера въ дѣлѣ германизаціи и вообще денаціонализированія славянъ. Такимъ образомъ эта главная западная операціонная линія можетъ расчленниться на двѣ; которой же изъ нихъ нужно будетъ отдать предпочтеніе въ томъ или другомъ случаѣ въ будущемъ, придется рѣшить самой политикѣ, въ зависимости отъ требованій обстановки, во всемъ ея объемѣ, при чемъ, во всякомъ случаѣ, задача ея будетъ не легка. Въ прошломъ же она была легче, ибо та-же политика могла имѣть дѣло только съ одною Австріею, игравшею такую же роль, какую теперь играютъ обѣ „нѣмецкія“ имперіи. Роль эта проявляется и проявлялась вообще въ выше указанной опасности, угрожающей намъ по *западной* линіи, а въ частности въ противодѣйствіи какимъ бы то ни было выгоднымъ для Россіи и для славянскаго міра ея предпріятіямъ и начинаніямъ по *южной* линіи, ведущей къ названнымъ проливамъ. Иначе говоря, послѣдней линіи

угрожаетъ и угрожала наибольшая опасность со стороны германскаго міра, т. е въ настоящее время со стороны Австро-Венгріи, поддерживаемой Германіею, а въ прошломъ со стороны одной только Австріи [1]), т. е. линія эта (ведущая къ проливамъ) не удовлетворяетъ теперь и не удовлетворяла прежде условію *безопасности* (третьему изъ числа вышеуказанныхъ основныхъ условій).

Итакъ эта линія, въ соотвѣтствующіе историческіе моменты, не была ни *важнѣйшею*, ни *безопасною*, и этого вполнѣ достаточно для того, чтобы признать, что упомянутыя русско-турецкія войны, явившіяся слѣдствіемъ выбора этой линіи, были большею частью не цѣлесообразны, вслѣдствіе чего и не замедлила оправдаться справедливость вышеприведеннаго и видоизмѣненнаго изреченія *Ллойда*, что при подобныхъ условіяхъ даже „и десять войнъ не послужатъ ни къ чему“. Для того, чтобы явилась возможность вести цѣлесообразную войну по линіи, ведущей къ проливамъ, т. е. чтобы эта линія сдѣлалась важнѣйшею, должно сдѣлать ее и безопасною, а для этого, въ свою очередь, необходимо лишить первостепеннаго значенія первую линію, западную, ведущую къ жизненному центру германскаго міра, т. е. лишить этотъ міръ угрожающаго по отношенію къ намъ характера. Это было необходимо и ранѣе и даже иногда сознавалось выдающимися русскими людьми, какъ напримѣръ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, которому приписываютъ извѣстныя слова: „путь въ Константинополь долженъ быть избранъ черезъ Вѣну“ [2]).

Почему же однако политика не хотѣла усвоить себѣ это положеніе? Почему она упорствовала въ многократно повторявшемся выборѣ линіи, ведущей къ проливамъ, т. е. той линіи, которая не должна была быть избираема? Если бы былъ правъ В. И. Ламанскій, то пришлось бы отвѣтить на эти вопросы его словами: потому, что она исходила изъ „мечтательности и сентиментализма“. Но подобный отвѣтъ былъ бы неудовлетворителенъ, ибо, по отношенію собственно къ политикѣ, мечтательность и сентиментализмъ играли роль второстепенную [3]); объясняется же дѣло тѣмъ, что эта линія была или казалась *удобнѣйшею*. Это нисколько не измѣняетъ характера и даже не уменьшаетъ силы за-

---

[1]) Объ отношеніяхъ къ этому вопросу Англіи и другихъ державъ см. мой трудъ «*Славяно-Турецкая борьба 1876—77—78 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса.* Ч. I и Ч. II Кн. I-я.

[2]) Въ настоящее время нужно уже сказать иначе: «путь въ Константинополь долженъ быть избранъ черезъ Вѣну, а можетъ быть и черезъ Берлинъ».

[3]) По отношенію же къ значительной части русскаго общества (съ нѣкоторыми представителями науки во главѣ) дѣйствительно «мечтательность и сентиментализмъ» играли роль главную.

ключенія о нецѣлесообразности большей части русско-турецкихъ войнъ, но всетаки доказываетъ неосновательность обвиненія политики въ томъ, что она исходила только „изъ мечтательности и сентиментализма“. Правда, въ этомъ отношеніи она не одинаково безгрѣшна въ различные исторические моменты, начиная съ прутскаго похода Петра I и кончая русско-турецкою войною 1877—78 гг., но и это различіе не выяснено ораторомъ, подобно тому какъ не выяснены имъ ни относительное значеніе западной и южной операціонныхъ линій, ни даже отношеніе Австріи къ такъ называемому восточному вопросу.

Почему г. Ламанскій уклонился отъ разъясненія столь важныхъ данныхъ, намъ въ точности неизвѣстно. Опредѣленіе причины этого уклоненія затрудняется противорѣчіями, встрѣчающимися въ положеніяхъ, изложенныхъ ораторомъ съ одной стороны въ разсматриваемой рѣчи, а съ другой въ разныхъ его трудахъ до вышеупомянутаго (посвященнаго „тремъ мірамъ азійско-европейскаго материка“) включительно. Такъ напримѣръ, еще два года тому назадъ, онъ признавалъ, что „славяне (а слѣдовательно и болгары) полезны Россіи, что безъ нихъ она никогда не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть, что если они зачахнутъ въ борьбѣ и наконецъ, исчезнутъ, она никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть въ случаѣ, если всѣ не-русскіе славяне сохранятъ и обезпечатъ наконецъ свою самостоятельность“ (см. выше). Теперь онъ подаетъ *благой совѣтъ“* не только *„прекратить разъ навсегда всѣ толки о какомъ то примиреніи“*, что относится исключительно къ сферѣ „политической техники“, вслѣдствіе чего можетъ быть обсуждаемо съ достаточнымъ успѣхомъ лишь тѣми лицами, кои стоятъ непосредственно у дѣла и вполнѣ съ нимъ знакомы, но и „предоставить Австро-Венгріи продолжать хозяйничать, благо ей и болгарамъ это нравится, въ этомъ (т. е. въ болгарскомъ) княжествѣ“, что уже отчасти выходитъ изъ упомянутой тѣсной сферы и можетъ быть обсуждаемо съ научной точки зрѣнія. Прежде всего ораторъ долженъ устранить это очевидное противорѣчіе, для чего, не ограничиваясь своею прогулкою въ антиславянскую Каноссу 10-го ноября, отречься и отъ соотвѣтствующихъ положеній, изложенныхъ имъ въ прежнее время и особенно въ трудѣ *„Три міра азійско-европейскаго материка“*. Затѣмъ является еще сомнѣніе въ достовѣрности полученныхъ ораторомъ свѣдѣній о томъ, что будто-бы болгарамъ нравится господство въ ихъ землѣ австро-венгерскаго вліянія. Вѣрнѣе допустить, что это явленіе не нравится громадному большинству болгаръ, и что оно есть слѣдствіе разныхъ другихъ причинъ, которыя чуть-ли не всѣ должны были бы быть извѣстны оратору,

уклонившемуся однако, отъ ихъ изслѣдованія [1]). Во всякомъ случаѣ ораторъ не привелъ никакихъ доказательствъ, которыя искючали-бы возможность указаннаго сомнѣнія.

Противорѣчіе встрѣчается даже въ пояснительной выноскѣ, добавленной ораторомъ при печатаніи его рѣчи въ № 6720 *„Новаго Времени“*, слѣдующаго содержанія: „Изъ сдѣланныхъ мнѣ послѣ чтенія замѣчаній нѣкоторыми болгарами, я заключилъ, что роль Виртемберга, Баваріи и пр. представляется имъ слишкомъ унизительною для ихъ княжества. Имъ нужно, очевидно, царство Симеона и Асиней, но его получить такъ же легко и удобно, какъ возстановленіе царства Душана, королевства (?) коронъ (?) Звонимира, св. Вячеслава и державы Ягеллоновъ отъ моря до моря“. Не прослушавъ возраженій упомянутыхъ лицъ, мы не можемъ судить о степени основательности или неосновательности ихъ взглядовъ; но насъ удивляетъ сопоставленіе (хотя бы и съ цѣлью поясненія) ораторомъ такихъ фактовъ, какъ возстановленіе царства Душана, королевства Звонимира и т. п. съ одной стороны и возстановленіе державы Ягеллоновъ съ другой. Допустимъ, что на нашихъ глазахъ совершалось бы объединеніе всѣхъ сербскихъ или хорватскихъ земель или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ взятыхъ и т. п. Такъ какъ это совершалось бы не насчетъ Россіи и такъ какъ интересы ея при этомъ не понесли бы ни малѣйшаго ущерба, то можно надѣяться, что даже и самъ ораторъ не посовѣтовалъ-бы Россіи „идти и спасать Габсбурговъ“. Если же началъ бы назрѣвать вопросъ о возстановленіи не только „державы Ягеллоновъ“ въ полномъ объемѣ, но хотя бы независимаго польскаго государства въ меньшихъ размѣрахъ, то можно опять таки надѣяться, что тотъ же ораторъ призналъ-бы необходимымъ, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи и всего славянскаго міра, препятствовать этому всѣми нашими силами, а если-бы онъ этого не призналъ, то его точка зрѣнія не могла-бы считаться ни русскою, ни славянскою.

По всему вѣроятію, читатель, знакомый съ выше упомянутымъ трудомъ и съ послѣднею рѣчью В. И. Ламанскаго, признаетъ приведенные нами доводы достаточными для того, чтобы объяснить, какъ его *„покаяніе“*, такъ и указанныя *противорѣчія*, а равно и *несправедливыя нападенія* на нѣкоторыхъ славянъ, ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ въ немъ тѣхъ самыхъ „мечтательности и сентиментализма“, въ которыхъ онъ такъ краснорѣчиво (и отчасти основательно) обвинилъ нашу политику, упуская въ тоже время изъ виду, что передъ нимъ теперь

[1]) Съ нашей точки зрѣнія, въ данномъ случаѣ, нѣтъ надобности въ изслѣдованіи и изложеніи этихъ причинъ, что къ тому же увеличило бы объемъ статьи.

раскрыта вся картина исторіи, тогда какъ названная политика находилась въ этомъ отношеніи въ гораздо худшихъ условіяхъ, а слѣдовательно прилагать къ ней, во всей строгости, масштабъ, соотвѣтствующій современному историческому моменту, не годится.

По этому поводу нельзя не вспомнить словъ *Клаузевица* (хотя и относящихся къ области военнаго дѣла, но могущихъ быть примѣненными и къ данному случаю): „Не трудно, имѣя планы и разборы событій *передъ собою*, а самыя событія *за собою*, отыскать болѣе дѣйствительныя причины неудачъ и отмѣтить, послѣ подобнаго ознакомленія съ развитіемъ фактовъ, тѣ, которыя привели къ ошибкѣ. Не таковымъ представляется дѣло въ минуту дѣйствія. Дѣйствіе на войнѣ походитъ на движеніе въ сопротивляющейся средѣ, и уже недюжинныя способности требуются, чтобы достигнуть хоть черты посредственнаго; потому и критика въ военномъ дѣлѣ существуетъ только для того, чтобы познать *истину*, а не для того, чтобы произносить *приговоръ*“ [1]).

Ораторъ не „отыскалъ всѣхъ болѣе дѣйствительныхъ причинъ“ разсмотрѣнныхъ имъ фактовъ и отношеній, не „ознакомился вполнѣ подробно съ развитіемъ фактовъ“, не „отмѣтилъ всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя привели къ ошибкѣ“, короче говоря, не „позналъ *истины*“ во всемъ ея объемѣ, а между тѣмъ „произнесъ *приговоръ*“ и построилъ на немъ не только profession de foi для себя лично, но и готовую программу для всѣхъ русскихъ людей и для всей Россіи.

Въ виду вышесказаннаго мы признаемъ возможнымъ вывести слѣдующія заключенія:

А) Разсужденія оратора ни мало не касаются данныхъ, имѣющихъ въ разсматриваемомъ случаѣ первостепенное значеніе: отношенія германскаго міра къ міру славянскому, отношенія Австро-Венгріи къ славянскому вопросу и т. д. Вообще его разсужденія касаются тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ лишь отчасти, а иногда даже вскользь и не касаются вовсе отношеній политики къ стратегіи, безъ чего изслѣдованіе не можетъ не быть одностороннимъ.

Б) Заключенія оратора, относящіяся къ славянскому вопросу, говоря вообще, ни мало не обоснованы, а съ точки зрѣнія отношеній стратегіи къ политикѣ, лишены значенія.

В) Если ораторъ понималъ невозможность введенія достаточной многосторонности въ предпринимаемое имъ изслѣдованіе и недостатокъ

---

[1]) *Клаузевицъ*. Посмертныя сочиненія, Bd. VIII S 80. *Лесръ*. «Сложныя операціи», стр. 83.

обоснованности излагаемыхъ имъ выводовъ, то объ этомъ онъ долженъ былъ-бы сдѣлать соотвѣтствующія оговорки, чего онъ не сдѣлалъ.

Г) Весьма возможно, что разногласіе между нами и глубокоуважаемымъ ораторомъ вовсе на такъ велико, какимъ оно можетъ представиться на первый взглядъ; мало того, по всему вѣроятію, онъ отнесется отрицательно къ усмотрѣннымъ нами противорѣчіямъ между положеніями, изложенными имъ въ вышеупомянутыхъ его трудѣ и рѣчи. Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, разъясненіе обоихъ этихъ вопросовъ получится само собою, если только ораторъ не замедлитъ изложить всѣ свои положенія вполнѣ систематически и съ достаточною обстоятельностью, чего пока онъ еще не сдѣлалъ. Тогда, быть можетъ, мы сами сочтемъ долгомъ взять назадъ тѣ или другія изъ числа нашихъ заключеній (выведенныхъ пока на основаніи лишь того, что высказано ораторомъ до настоящаго времени) и сдѣлаемъ это съ столь же нескрываемымъ удовольствіемъ, съ сколь искреннимъ сожалѣніемъ выступаемъ теперь противъ лица, пользующагося выдающеюся извѣстностью и глубокимъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ.

П. А. Гейсманъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политическое обозрѣніе.

Политическое обозрѣніе... За какой срокъ? За какой исполнившійся промежутокъ времени? Ежемѣсячныя повременныя изданія, не начинающія, а продолжающія свое служеніе, даютъ обыкновенно отчетъ о политическомъ состояніи европейскихъ и не европейскихъ государствъ и народовъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, такъ что отчетный періодъ совпадаетъ съ послѣднимъ мѣсяцемъ существованія самого повременнаго изданія. Такой опредѣленной мѣрки времени не существуетъ для возникающей или, точнѣе, возобновляющейся „Русской Бесѣды“. Послѣдній мѣсяцъ истекшаго года представляетъ для нея столь же законно отрѣзанную и отмѣренную частицу прошлаго, какъ и весь истекшій годъ, какъ и десятки годовъ, ему предшествовавшихъ. Вырвать изъ всего тридцатипятилѣтняго періода молчанія „Русской Бесѣды“ одинъ послѣдній мѣсяцъ, послѣдній годъ или даже нѣсколько послѣднихъ годовъ значило бы рисовать картину, силою вещей лишенную всякаго освѣщенія, изображать исторію съ пренебреженіемъ къ послѣдовательности и преемству событій. Но и отчетъ за весь исполнившійся, долгій промежутокъ времени несуществованія „Русской Бесѣды“ представлялъ бы содержаніе обширнаго и многосложнаго труда, а не тѣхъ немногихъ страницъ, которыя можетъ посвятить ему малая книжка повременнаго изданія. Предполагая съ будущаго выпуска „Русской Бесѣды“ разсматривать текущую политическую жизнь въ тѣхъ скудныхъ размѣрахъ, которые представляетъ ей каждый заканчивающійся мѣсяцъ, въ той неполнотѣ и незавершенности, на которую обречено совершающееся на глазахъ нашихъ настоящее, неясно и неявно связанное съ знакомымъ уже намъ, но болѣе или менѣе туманнымъ прошлымъ и еще болѣе таинственнымъ и загадочнымъ будущимъ, — мы въ настоящемъ случаѣ ограничимся только указаніемъ на основныя черты духа времени, понаскольку сказались онѣ въ народной и международной жизни, понаскольку освѣщается ими переживаемое нами настоящее и понаскольку выступаютъ въ освѣ-

щеніи этомъ задачи будущаго — предметъ пламенныхъ вожделѣній нашихъ, стремленій и посильныхъ духовныхъ жертвъ. Сознаемъ, что и въ этомъ видѣ предстоящая намъ задача является черезчуръ еще обширною, многосложною и трудною, что для самаго скромнаго осуществленія ея не хватитъ ни нашихъ силъ, ни того скуднаго простора, который предоставляется намъ размѣромъ настоящей статьи. Но пусть читатель и не ждетъ отъ насъ полнаго и обстоятельнаго изложенія равно какъ и полной и обстоятельной программы. Мы и не предполагаемъ навязать читателю готоваго уже и законченнаго міровоззрѣнія, стройной и обнимающей всѣ подробности системы. Крайне счастливы будемъ уже и въ томъ случаѣ, если намъ удастся разсѣять нѣсколько предубѣжденій и предразсудковъ, сдѣлавшихся за давностью или, за оглушительною страстностію провозглашенія, предметами слѣпой и безотчетной вѣры, и въ то же время—поставить хотя нѣсколько путеводныхъ вѣхъ, по которымъ направлялась бы къ истинѣ свободная и самостоятельная мысль читателя. Чѣмъ болѣе свободы и самостоятельности пріобрѣтетъ личная и общественная мысль, вырываясь изъ кабалы *теоріи* и *рутины* или, что тоже самое,—умственнаго плѣна и умственнаго застоя, тѣмъ болѣе плодотворными окажутся наши указанія и тѣмъ болѣе достигнутою будемъ мы почитать нашу цѣль. Но, говоря о свободѣ и самостоятельности мысли, мы безконечно далеки отъ отожествленія этихъ свободы и самостоятельности съ произволомъ, всегда носящимъ характеръ прихоти, самочинности и самоугожденія — поставленія себя центромъ и началомъ всего міровоззрѣнія. Спавшіе съ неба или выросшіе изъ земли подобно грибамъ пророки, ведущіе отъ себя все родословіе человѣческой мысли и не вѣдающіе прошлаго или перекрапвающіе его по своему, составляютъ къ несчастію явленіе все болѣе и болѣе частое. Но произволъ ихъ точно также зловреденъ свободѣ и самостоятельности общественнаго мышленія и точно также препятствуетъ проясненію народнаго самосознанія и напряженной бодрости народнаго самоопредѣленія, какъ и умственная закоснѣлость и мертвенность проповѣдниковъ либеральной или консервативной рутины. Произволъ мысли приводитъ только къ безпочвенному и безсодержательному въ концѣ концовъ формализму, къ мертвому міру вымысловъ или фикцій. Живая, направляющаяся къ истинѣ мысль сама по себѣ не свободна, если почитать свободу тожественной съ произволомъ. Она вяжется и сдерживается неисчислимыми міріадами внѣшнихъ фактовъ, когда направляется въ область вещественнаго бытія; она обусловливается и опредѣляется живымъ преданіемъ, когда направляется въ область совершающагося въ исторіи, въ область духовно-нравственнаго процесса. Оторванность отъ

преданія въ этомъ послѣднемъ отношеніи приводитъ только къ вымыслу, сочиненію, которыя можно деспотически навязывать жизни, но которыя никогда не могутъ быть равночестными ей, не могутъ свободно ею восприниматься. Нѣтъ той области человѣческаго мышленія, въ которой мысль можетъ работать вполнѣ произвольно, вполнѣ независимо отъ преданія. Даже и философъ, по чудному выраженію Канта, строитъ свою систему на развалинахъ предшествующей. Но, чтобы получить эти развалины, онъ долженъ предварительно ее разрушить, а чтобы разрушить — онъ долженъ предварительно войти въ нее, воспринять ее, отличить въ ней ложь отъ истины, стать общникомъ ея, какъ одного изъ звеньевъ цѣпи преданія. Только становясь общникомъ и воспріемникомъ преданія, становится онъ полезнымъ труженикомъ его или вѣрнѣй сотрудникомъ, проясняетъ и очищаетъ его, а затѣмъ и передаетъ его къ новой жизни и къ новому развитію. Преданіе, въ широкомъ смыслѣ этого слова, представляетъ дѣятельность и работу, а отнюдь не коснѣніе и не застой, ибо оно прежде всего есть жизнь, но жизнь въ органической связи съ прошлымъ, въ союзѣ съ цѣлымъ, не терпящая и не допускающая личной отрѣшенности, самодовленія личнаго ума, стремящагося еще наложить на другихъ ярмо своей произвольной работы. Преданіе необходимо какъ въ области Церкви, такъ и въ области политики и науки, словомъ вездѣ, гдѣ совершаетъ жизнь творческую работу. Гдѣ нѣтъ преданія, тамъ нѣтъ и общности мысленнаго и вообще духовнаго труда. Мы знаемъ, что многимъ покажутся, можетъ быть, странными эти слова. Полагаемъ, что происходитъ это только отъ неясности представленія о сущности науки и пути, которымъ она вырабатывается. Преемственность мысли владычествуетъ въ наукѣ и назначеніе ученаго знать, сознавать и постигать эту преемственность. Вѣками отдѣляется иногда одна посылка силлогизма отъ другой, и еще вѣка проходятъ передъ тѣмъ, какъ поставленъ будетъ правильный и вполнѣ соотвѣтствующій выводъ. Невѣденіе этого преемства производитъ разобщенность научнаго труда, лишаетъ его цѣлостности и единства, уничтожаетъ въ извѣстной степени внутренній его смыслъ [1]).

[1]) Не можемъ удержаться, чтобы не привести въ подтвержденіе всего, высказаннаго нами о преданіи въ наукѣ, слѣдующія разсужденія одного изъ величайшихъ и, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще оцѣненныхъ мыслителей о томъ же предметѣ. «Если мы станемъ смотрѣть на людей на землѣ и на то, чѣмъ они должны постепенно стать въ дѣйствительности, съ нравственной точки зрѣнія, т. е. какъ на одну семью, то мы можемъ принять, что у этой семьи есть и одна система знаній, расширяющаяся и совершенствуемая изъ вѣка въ вѣка. Подобно особи, и родъ человѣческій умудряется съ годами и умудряется опытностью. Познанія должны повышаться съ каждымъ вѣкомъ, а повышеніе ихъ составляетъ между прочимъ долгъ и обязанность ученыхъ. Ученые являются такимъ образомъ хранителями и архивомъ куль-

Да простятъ намъ читатели наши, можетъ быть, и слишкомъ долгое отступленіе отъ основнаго предмета нашей статьи. Мы оправдываемъ отступленіе это только тѣмъ, что именно благодаря только ему мы уже отчасти намѣтили одну изъ тѣхъ главнѣйшихъ вѣхъ, о которыхъ говорили мы выше,—тѣхъ вѣхъ, которыми и сами намѣчаемъ мы всякій жизненный, народный, а въ томъ числѣ и политическій путь и на которыя желали бы мы направить вниманіе нашихъ читателей. Мы говоримъ—о *преданіи*.

Преданіе въ политикѣ... Какъ долго не вѣдалося совсѣмъ или точнѣе позабывалося это слово. Правда, говорилось и упоминалось иногда о преданіяхъ того или иного двора, того или иного дома, той или другой династіи... Но династіи мѣнялись не разъ въ одномъ и томъ же государствѣ и являлись такимъ образомъ основоположниками новыхъ преданій или послѣдними ихъ могиканами... Преданія государства? Но политическія выгоды не разъ побуждали государства отступать отъ преданій, круто порывать съ ними. Да и кто же явился бы въ государствѣ, въ государственномъ механизмѣ хранителемъ и носителемъ преданія? Правители приходили другъ другу на смѣну, мѣнялися кабинеты, чередовалися верховники и временщики всякаго рода. Каждый стремился дѣйствовать отъ своего лица, отъ своего ума, отъ своего произволенія, полагая начало новому ходу историческихъ событій, отмѣчая собою начало новой эпохи. Правда, въ общемъ итогѣ государственной дѣятельности всегда и вездѣ сказывалось съ большею или меньшею замѣтностью преемственное воздѣйствіе одного и того же начала, тожественнаго при всякомъ измѣненіи правительства. Вольнодумцы прошлаго вѣка, какъ ни разсѣкали государство анатомическимъ ножемъ своимъ, не могли отличить, однако, таинственно дѣйствующаго въ государственной исторіи народнаго духа съ его живымъ и не прерывающимся всецѣло преданіемъ. Додумались они и до мнимаго „общественнаго договора“ и до суммированія или сложенія отдѣльныхъ воль, до правъ и обязанностей каждаго отрѣшеннаго атома общественной и государственной жизни, а на-

---

туры вѣка, но не по отношенію къ однимъ только результатамъ подобно неученымъ—хотя и между ними встрѣчаются часто не идущіе далѣе; они должны обладать знаніемъ *началъ*. Они знаютъ не то только, что что либо есть, но и то, какъ человѣкъ пришелъ къ познанію этого и какъ это отдѣльное познаніе относится ко всѣмъ остальнымъ, въ какой связи стоитъ съ ними. Это необходимо для того, чтобы они могли двигать познаніе далѣе и съ этою цѣлью провѣрять его, а этого нельзя дѣлать безъ знанія началъ, изъ которыхъ оно выведено. Изо всего же этого слѣдуетъ: ученый долженъ знать историческій ходъ науки до его времени и начала, на которыхъ она построялась» (*Fichte* System der Sittenlehre. 1798, p. 449). Это знаніе началъ и постепеннаго послѣдовательнаго хода развитія и сложенія науки вполнѣ тождественно съ тѣмъ, что мы называемъ преданіемъ и зависимостью отъ него.

роднаго сознанія, народной воли, общности ихъ въ вѣкахъ въ видѣ народнаго преданія и народнаго духа понять не могли, да къ тому же и не желали понять.

Народное преданіе для государства прошлыхъ временъ было только предразсудкомъ и предубѣжденіемъ, съ которыми для осуществленія государственныхъ цѣлей, для торжества отвлеченнаго разума, для процвѣтанія гордыхъ цивилизаціи и культуры, подобало вести упорную и ожесточенную борьбу, надъ которыми во что бы то ни стало, необходимо было одержать полную всесовершенную побѣду. И кто только ни боролся на западѣ со скудными или богатыми останками живого преданія того или другого народа? „Давилъ его своею желѣзною пятою и папскій Римъ, стремясь достигнуть космополитическаго единообразія. Давили его и просвѣщенный и непросвѣщенный политическій абсолютизмъ всякаго рода. Давило его и государство въ стремленіи добиться осуществленія отвлеченнаго разума и отвлеченнаго добра, механически совершая это осуществленіе и обращаясь въ своего рода фабрику для уничтоженія народнаго духа и его преданій. Попирали его и такіе крупные владыки какъ Фридрихъ Второй и Іосифъ Второй и такая мелочь, какъ герцоги Липпе, Рейсъ и имъ подобные.

Революція не могла да и не хотѣла разоблачать и доискиваться слѣдовъ преданія и народнаго духа, понаскольку они еще были живы или могли оживиться въ народѣ. Наполеонъ, явившійся, какъ признаетъ онъ и самъ, единовластнымъ и мощнымъ осуществителемъ положительныхъ идеаловъ революціи, недаромъ принялъ названіе только „императоръ французовъ“, т. е. каждаго француза, взятаго въ отдѣльности. Общаго, народа въ собственномъ смыслѣ этого слова не существовало, потому что отсутствовали—по крайней мѣрѣ въ сознаніи — общность живого преданія, связь съ вереницею прошлыхъ вѣковъ, объединяющій духъ народный. Французамъ того времени, выражаясь тривіально, не было на чемъ и въ чемъ сойдтись, по чему опознаться своими. Сборище одаренныхъ правами и обязанностями атомовъ могло оставаться только сборищемъ, массою, толпами, салонами, клубами, фаланстеріями, а не народомъ. Охотно въ пользу императора—осуществителя, т. е. такъ сказать экзекутора или экспедитора революціонныхъ идеаловъ, поступались разрозненные атомы политическими своими обязанностями, передавая ему тяготу осуществленія отвлеченныхъ началъ, а право приспособляли себѣ на потребу, полагая начало строю и характеру современной буржуазіи. Объединяющимъ началомъ „на мѣстѣ пустѣ“ могло явиться только имя новаго кесаря, только знамя, которое тамъ и здѣсь развивалось передъ побѣдоносными его легіонами, приковывая къ себѣ взоры разрозненныхъ

и отрѣшенныхъ французовъ—каждаго француза въ отдѣльности или, что то же самое, въ толпѣ. Это имя и это знамя явились такъ сказать, субститутами народнаго преданія и народнаго духа, замѣстителями народнаго сознанія и народной воли. Философически вѣрно и политически вѣрно глубоко-художественное слово нашего поэта, обращенное къ самимъ же французамъ:

Ты погибалъ—и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя *всеобщимъ* приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ...
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.

Всеобщій приговоръ не былъ приговоромъ народнымъ, а только приговоромъ *всѣхъ*, т. е. каждаго (d'un chaqu'un), всего сонмища разрозненныхъ единицъ. Во всемъ блистательномъ періодѣ не было ни одного народнаго дѣла. Въ полномъ смыслѣ этого слова Наполеонъ, по выраженію другого поэта, былъ только „помазанникъ собственной силы“ и притомъ безспорно крупный и величавый помазанникъ, какъ мелкимъ а пожалуй даже и мизернымъ „помазанникомъ собственной силы“ былъ всякій отдѣльный французъ, подававшій за него и противъ него свой голосъ. Подъ „ризой чудною могущества и славы“ таилося „мѣсто пусто“, „мерзость запустѣнія“, ибо не было и слѣдовъ народнаго преданія и народнаго духа, не было того, для чего у насъ существуетъ чудное, не снившееся юристамъ всѣхъ странъ выраженіе, „міръ-народъ“. Всякіе слѣды народности, если не исчезли, то по крайней мѣрѣ, замерли, затаплись на время. И нелѣпо было бы приписывать это преступленіе противъ народности, противъ народнаго преданія и народнаго духа одной только революціи и ея разгулу. Вереницы десятилѣтій, а, можетъ быть, даже и вѣка подготовляли эту существенную утрату. Безнародныя войны и безнародная политика Наполеона были только естественнымъ продолженіемъ династическихъ войнъ и династической политики прошлаго времени, въ которыхъ народы также не являлись дѣйствующими лицами и даже вовсе не принимались въ разсчетъ, а войска двигались умирать или наносить смерть только по отвлеченному и вполнѣ чуждому для нихъ девизу: telle est notre bonne volonté, равно присущему и королямъ Людовикамъ и какому нибудь герцогу Липпе-Детмольду.

А Наполеонъ шелъ да шелъ по Европѣ осуществлять и приводить въ исполненіе положительный идеалъ революціи, начало единообразія и

единоформенности. Народности для него не существовали; италіанцы, испанцы, нѣмцы представлялись для него одинаково пригодными человѣческими атомами для образованія государствъ по его усмотрѣнію и по его плану. Чѣмъ меньше продиводѣйствія оказывали они его войскамъ, тѣмъ болѣе „зрѣлыми для революціи“ почитались они. Упорно сопротивляющимся, отказывающимся подчиняться, продолжавшимъ народную войну послѣ государственнаго замиренія выдавалъ онъ оскорбительный, по его мнѣнію, патентъ „революціонной незрѣлости“. Особенно зрѣлою въ этомъ отношеніи представилась для него на первыхъ порахъ Германія, гдѣ механическія государства отдавались ему на всемъ ходу политическаго своего механизма, дисциплинированныя арміи подчинялись почти не нарушая рядовъ и только съ большею или меньшею охотою мѣняя себѣ командировъ, а подавленные и вполнѣ отрѣшенные отъ государственнаго дѣла народности оставались вполнѣ равнодушными къ издавна уже объявленному чуждымъ для нихъ дѣлу политики. Только среди „варварскихъ“ и не готовыхъ и не дозрѣвшихъ для революціи племенъ, въ какой нибудь Черногоріи, въ Тиролѣ, въ Испаніи, а наконецъ и въ Россіи генію и войскамъ Наполеона приходилось встрѣчать отпоръ народнаго духа, а потому и терпѣть болѣе или менѣе сильный уронъ. Но пока онъ дошелъ до этого „начала конца“, онъ кроилъ Европу по своему усмотрѣнію, глумясь надъ народностями, надъ историческими преданіями или, вѣрнѣе, не вѣдая ихъ, не заботясь о нихъ и не признавая даже ихъ правъ на существованіе. Въ дѣяніяхъ его въ этомъ отношеніи, собственно говоря, не было никакой новизны; такъ дѣлали всѣ побѣдители послѣ удачныхъ войнъ, такъ кроили и перекраивали конгрессы даже и безъ всякой войны, награждая или наказуя правителей по своему усмотрѣнію и даже не задумываясь о народахъ. Но перетасовка, производимая Наполеономъ, совершалась слишкомъ быстро, слишкомъ уже ускореннымъ темпомъ, чтобы не быть ощутительной, не навести на раздумье, не вызвать нетерпѣливость даже и среди многотерпѣвшихъ.

И въ пылу своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Въ чемъ же заключалась разгадка? На Руси Наполеонъ впервые встрѣтился съ живымъ преданіемъ, съ крѣпостью народнаго духа, съ народнымъ сознаніемъ и народной волей. Они же и одержали побѣду надъ побѣдителемъ полуміра.

И все какъ буря закипѣло,
Европа свой расторгла плѣнъ,
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.

„Начало конца“ стало сказываться и проявляться все сильнѣй и сильнѣе. Покорная не такъ еще давно Германія первая проявила революціонную свою незрѣлость и бодрость и живость народнаго духа, столь долго забытаго и пренебреженнаго. Отпоръ Наполеону становится народнымъ пожеланіемъ и народнымъ дѣломъ. Народныя ополченія образуются какъ бы по мановенію какого-то волшебнаго жезла. Сильнѣй, чѣмъ когда-либо, сказывается народное самосознаніе, не успѣвшее еще окончательно умереть. Государство вдохновляется народною жизнью. Прославленная дисциплина отрѣшенной отъ народа арміи также отбрасывается на второй планъ. На почвѣ народности возникаютъ новая государственная жизнь, новыя направленія въ художественномъ творчествѣ и даже своего рода философія въ „Рѣчахъ Фихте къ нѣмецкому народу“. Такое же обновленіе и ободреніе народнаго духа сказывалось вездѣ, отъ далекой Россіи до далекой Испаніи, хотя степени пробужденія, разумѣется были не равны. Съ надеждою на лучшія времена возвращались по домамъ побѣдоносные полки вкушать плоды торжества народнаго духа и его подъема...

И, однако, все это было еще только начало конца, который не наступилъ и до сего еще времени. Мы говоримъ, конечно, не о концѣ Наполеона, судьба котораго рѣшена была очень быстро, и который, несмотря на особенность судьбы своей, былъ только однимъ изъ многихъ. Мы говоримъ о старомъ началѣ безнародной политики, которая не только продолжала жить и дѣйствовать, но даже постаралась дать себя особенно почувствовать тотчасъ послѣ явнаго пожинанія плодовъ народнаго подъема, спасшаго государства. Оттого-то въ Россіи, болѣе другихъ принявшей „Священный союзъ“ за что то серьезное, а не за праздную шутку, и началось тотчасъ за его осуществленіемъ метаніе въ сторону всякихъ мистическихъ религіозныхъ сектъ, покровительство іезуитамъ и т. п. И все подъ охраною государства, едва ли не по почину его. Для внутренней жизни народовъ наступила эпоха разочарованія, для государствъ—эпоха реакціи.

Для „образованной“ цивилизованной Европы настала долгая эпоха господства устарѣвшей системы безнародной политики,—системы полицейски-механическихъ государствъ и пресловутаго *политическаго равновѣсія*. Политическое равновѣсіе? Что можетъ быть нелѣпѣе этого чисто

искусственнаго представленія? Что можетъ быть нелогичнѣе этого циническаго софизма, въ который вѣровали и къ которому требовали вѣры только на основаніи римско-католическаго принципа: credo, quia absurdum est,—вѣрую, потому-что это нелѣпо. Но эта нелогичность бросается въ глаза только при системѣ народной, національной политики. Нельзя уравновѣшивать неравносильные народы, какъ нельзя уравновѣшивать усилія лебедя, рака и щуки, иначе какъ черезъ полное закабаленіе, политическую смерть каждаго изъ нихъ. Нельзя уравновѣшивать неравносильные народы; но можно дробить или соединять народъ въ одинъ механизмъ и черезъ то уравновѣшивать государства. Въ этомъ преступномъ противъ народностей видѣ и вошла въ западное сознаніе система политическаго равновѣсія—bilanx europaea, l'equilibre de l'Europe. Политика папъ, раздававшихъ провинціи и государства отдѣльнымъ династіямъ или отбиравшихъ ихъ отъ нихъ для поддержанія строя и лада въ государствѣ-церкви послужила первымъ основаніемъ этой системы. Народы разсѣкались какъ живыя тѣла анотомическимъ ножомъ римскаго первосвященника, если ему только удавалось осуществлять свои стремленія и обѣщанія. Во имя принципа того же равновѣсія Генрихъ IV или его министръ Сюлли съ Елизаветой и Іаковомъ англійскими придумали химерическій планъ территоріальной перекройки Европы для образованія уравновѣшенныхъ государствъ—монархій, республикъ и демократій, имѣющихъ образовать прочный и крѣпкій союзъ. Все это, конечно, не препятствовало королямъ—авторамъ проекта увеличивать подъ рукой свои территоріи и не подчиняться гнету, который стремились они наложить на другихъ. Съ этой поры система политической эквилибристики сдѣлалась господствующею въ западной Европѣ. Германія раньше другихъ и болѣе другихъ сдѣлалась жертвою политическаго ножа. Ея, всетаки живое, народное тѣло рѣзали и кромсали безъ всякаго стѣсненія. Искусственно-образованныя герцогства—обрѣзки, подлежащіе еще дальнѣйшему дробленію, сдѣлались переметными сумами, такъ сказать привѣсками, которыми поддерживалось равновѣсіе среди болѣе или менѣе сильныхъ. Такой же судьбѣ подвергались Италія, Бельгія и т. п. Продолжателемъ этой-то именно системы безнародной политики явился Вѣнскій конгресъ и непосредственно слѣдующія за нимъ времена. „Если революція, говоритъ одинъ историкъ, ввела опредѣленіе народной воли по числу душъ, то Вѣнскій Конгрессъ по числу душъ опредѣлялъ размѣры образуемыхъ или поддерживаемыхъ государствъ, не заботясь о народной волѣ, или о судьбѣ народовъ".

Недовольство обманутыхъ ожиданій, смѣнившихся реакціей, реставраціей и безнародной политикой Вѣнскаго конгреса, вызывало, какъ уже говорили мы, въ образованной, цивилизованной Европѣ отпоръ, порожден-

ный реакціей, но и заставлявшій ее трепетать и такъ сказать дававшій ей пищу, якобы оправдывавшій ея существованіе. Прежде всего началось движеніе въ Испаніи, гдѣ подвигомъ отпора выросло народное самосознаніе и народъ такъ сказать выросъ и повысился въ собственныхъ своихъ глазахъ. Но Испанія болѣе чѣмъ какая либо другая страна была, по выраженію Наполеона, „недозрѣлою для революціи“ и въ тоже самое время испорченною для чисто-народнаго дѣла долгимъ историческимъ разладомъ, отдѣлившимъ въ ней высшіе классы отъ народа. „Не дозрѣла“ она потому, что государство, несмотря на дикость и несовершенство формъ, не уничтожало въ ней всецѣло народной воли и наряду съ механизмомъ всѣхъ установленій оставляло еще широкій просторъ самоуправленію общинъ, городовъ и округовъ, то-есть земскому управленію въ широкомъ значеніи этого слова. Оттого-то тяготѣніе его надъ личною свободою единицъ изъ образованныхъ классовъ и весьма мало стѣсняло свободу народа. Оттого-то стремленія высшихъ классовъ добиться формы правленія, „болѣе соотвѣтствующей исконному духу народа“ не находили себѣ отзвука въ самомъ народѣ, тѣмъ болѣе, что радѣя о возстановленіи преданія и основываясь на подвигахъ народа, высшіе классы, оторванные отъ народа, какъ и вездѣ, не шли въ сущности дальше идеаловъ революціи, какъ не имѣвшіе почвы преданія подъ собою. Полезно замѣтить, что этому испанскому движенію обязаны своимъ происхожденіемъ слова: либералъ, либерализмъ и либеральная партія, облетѣвшія потомъ всю Европу. Почти тотъ же характеръ зависимости отъ исхода Вѣнскаго конгреса и безплодности, по розни съ народомъ, имѣли и возстанія въ Неаполѣ и Піемонтѣ въ 1820 и 1821 годахъ и многія другія возстанія и революціи въ Европѣ.

Посредственно или непосредственно чувствовали нанесенный Наполеономъ народному чувству ударъ и маленькая Черногорія, и Сербія, и Греція. Всѣ онѣ возлагали на исходъ Наполеоновской эпопеи свои надежды и всѣ были обмануты Вѣнскимъ конгрессомъ. Тѣмъ не менѣе обветшалая Европа долго слѣдитъ потомъ за геройской борьбой Греціи за народную независимость,—смотритъ, какъ совершается народное дѣло въ Сербіи, которой прежде она и не замѣчала. Малыми и мало-культурными народами ставится національный вопросъ на поученіе народамъ, считающимъ себя сильными, великими и стоящими во главѣ культуры. И вотъ національный вопросъ входитъ все больше и больше въ сознаніе европейскихъ народовъ.

А что же дѣлаетъ за это время европейская политика? Трепещетъ передъ пугаломъ французской революціи, не сознавая, что пугало это разрѣшилось уже наполеонщиной, какъ естественнымъ своимъ

послѣдствіемъ, вызвало національный вопросъ и давно перестало бы существовать, еслибы не освѣжалось непрерывно заботливою реакціей. Для насъ, для Россіи, это европейское пугало оказалось въ особенности зловреднымъ. Оно послужило основаніемъ противоестественному союзу нашему съ Пруссіей и Австріей.

Мы не станемъ останавливаться на историческихъ подробностяхъ этого долгаго и, къ сожалѣнію, слишкомъ еще хорошо памятнаго всѣмъ періода русской жизни. Народное преданіе, народный духъ сказывались по временамъ во внѣшней политикѣ и за это время, но сказывались, такъ сказать, украдкою, непроизвольно для тѣхъ, которые политикою руководили. Войны Николаевскихъ временъ имѣли безспорно значеніе для Славянскаго вопроса, но значеніе это было только случайнымъ и отнюдь не входило въ программу.

Если послѣднимъ словомъ французской революціи былъ Наполеонъ, а послѣднимъ словомъ наполеоновскаго періода—пробужденіе національнаго вопроса въ политикѣ, то послѣднимъ словомъ реакціи, послѣдовавшей за этимъ пробужденіемъ, для Россіи—ибо она одна и предавалась серьезно и упорно этой принятой ею на себя для блага Европы миссіи—былъ Севастополь.

По счастію, пораженіе имѣло своимъ послѣдствіемъ пробужденіе. Россія ушла въ самоё себя, ободрилась духомъ и обновилась въ государственномъ отношеніи. Великая эпоха преобразованій ослаблявшихъ механизацію государственнаго строя, пребудетъ славною для русскаго народа.

Въ такую эпоху, при такомъ политическомъ горизонтѣ совершали свое дѣло издатели первой „Русской Бесѣды“.

Съ тѣхъ поръ многое ушло впередъ. Національный вопросъ въ политикѣ сдѣлался еще болѣе лозунгомъ времени. „Россія пережила эпоху возрожденія Италіи и объединенія Германіи. Національный вопросъ былъ услышанъ нами не изъ устъ гонимыхъ карбонаріевъ или робкихъ нѣмецкихъ патріотовъ, а изъ устъ величайшихъ государственныхъ людей нашего времени; его коментировали не страстныя, но безсильныя рѣчи Мадзини и ораторовъ франкфуртскаго парламента, а громъ пушекъ подъ Маджентомъ и Сольферино, Кениггрецомъ, Гравелотомъ и Седаномъ. Объединеніе Италіи и Германіи сдѣлало возможнымъ и необходимымъ провозглашеніе національнаго принципа и для міра Славянскаго. Когда весь европейскій міръ перестраивается по новому принципу, во имя вновь сознаннаго права, то гдѣ же основаніе отрицать это право и для другихъ народовъ, столь же христіанскихъ, столь же европейскихъ, какъ и сама Европа“? (Слова проф. Градовскаго).

Но здѣсь мы должны сдѣлать маленькую остановку, чтобы отвѣтить нѣкоторымъ русскимъ противникамъ національнаго начала во внѣшней политикѣ и разрѣшенія національнаго вопроса въ положительномъ смыслѣ. Они указываютъ на то, что въ нѣкоторыхъ національно-объединенныхъ государствахъ, какъ напр. въ Италіи и Греціи, послѣдствіемъ народнаго пробужденія было ослабленіе народной обособленности и развитіе космополитическихъ началъ. Пусть будетъ даже и такъ. Но развѣ созданное народомъ государство принимало и формы, созданныя самимъ же народомъ и притомъ исторически? Совсѣмъ нѣтъ. Греціи навязали космополитическій типъ европейскаго государства съ Оттономъ баварскимъ въ придачу; Италіи общеевропейская политика даровала и общеевропейское государство, хотя и либерально-конституціонное, но все таки механизированное. Что же удивляться тому, если на первыхъ порахъ—а прошли только десятилѣія—сказывается воздѣйствіе общеевропейскихъ и политическихъ началъ? Иного, разумѣется, нельзя было и ожидать. Ссылаются точно также на неурядицы въ Сербіи и Болгаріи. Да какъ же бы и могло быть иначе? Развѣ мы оградили Сербію и Болгарію отъ воздѣйствія австрійскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ интересовъ и отъ зависимости отъ нихъ? Развѣ новыя государства состоятъ непремѣнно изъ такихъ совершенныхъ и мудрыхъ гражданъ, что всѣ пропски представителей этихъ интересовъ должны оставаться безплодными и не должны образовывать партіи въ странѣ? Развѣ у такихъ маленькихъ особняковъ, какъ Сербія и Болгарія, брошенныхъ въ пучину европейскаго водоворота, можетъ тотчасъ же выработаться „славянская политика“?

„Должно принять въ разсчетъ, говоритъ покойный А. Д. Градовскій, что Европа относится къ Славянству иначе, чѣмъ къ любому западно-европейскому государству. Если по отношенію къ Италіи она усвоила точку зрѣнія Кавура, то къ Славянству она относится какъ Метернихъ“.

Прошедшее царствованіе положило конецъ противоестественному ходу международной политики, разсѣяло вѣковой предразсудокъ, дѣлавшій мертвенными, мертворожденными весьма многія изъ ея попытокъ и сковывавшій и ограничивавшій даже и то, что было въ ней жизненнаго и живаго. Постигнувъ, что народы живутъ и развиваются не по одному и тому же общему для всѣхъ ихъ шаблону, что историческія преданія народовъ различествуютъ между собою, а потому каждому народу подобаетъ переживать историческое свое прошлое и стремиться только къ цѣлямъ собственнаго своего свободнаго самоопредѣленія, Александръ III уразумѣлъ, что назначеніе Россіи не поддерживать въ западной Европѣ подорванный въ ней исторіею порядокъ вещей, а совершать только собственное свое народное дѣло. Конституція для Ан-

гліи—историческое наслѣдство, а республика во Франціи создана точно также историческимъ преемствомъ событій, какъ и самостоятельный государственный строй Россіи. Пусть же народы Запада вѣдаются съ своимъ историческимъ наслѣдствомъ, какъ Россія вѣдается съ своимъ. Если Императоръ Павелъ полагалъ, что Россія самодержавная можетъ быть въ союзѣ только съ самодержавною еще тогда Испаніей, какъ бы ни были разрознены всѣ остальные ихъ интересы, то въ лицѣ Александра III самодержавная Россія протянула руку республиканской Франціи во имя самостоятельнаго блага каждаго изъ народовъ. Интересы Россіи и интересы Франціи требовали такого союза—и теоретическія соображенія относительно идеальныхъ формъ государственнаго управленія должны были уступить и очистить дорогу цѣлямъ народной самостоятельности и народнаго самоопредѣленія въ политикѣ. Заключеніе русско-французскаго союза, хотя бы онъ и не былъ подтвержденъ какимъ либо письменнымъ договоромъ, представляетъ величайшій и великолѣпнѣйшій переломъ въ устарѣвшей политикѣ Европы,—могучій ударъ устарѣвшей дипломатической рутинѣ. Династическія войны прошлыхъ вѣковъ, обагрявшія кровью чуть ли не всю Европу, становятся столь же невозможными подъ вліяніемъ этого перелома, какъ и войны за отвлеченный, теоретическій принципъ, отмѣтившія послѣдніе годы восемнадцатаго столѣтія и унаслѣдованныя первыми десятилѣтіями настоящаго. Тормазъ политической жизни, недавно еще тяготѣвшій и сдерживавшій, отброшенъ и упраздненъ. Національный вопросъ разъяснился и сдѣлалъ шагъ къ грядущему своему осуществленію. Положена и осуществлена уже прочная подготовка. Какъ воспользоваться ею—рѣшитъ и укажетъ будущее.

Значеніе сближенія съ Франціею по существу своему такъ велико, что нѣтъ никакой потребности его преувеличивать и подыскивать къ нему гадательныя причины вмѣсто истинныхъ и дѣйствительно существующихъ.

Фальшивыми нотами звучатъ для насъ разглагольствованія о внутреннемъ, духовномъ сродствѣ между Россіей и Франціей, о сходствѣ народнаго духа обоихъ народовъ. Всѣ народы отчасти родня намъ; всѣ имѣютъ близкія для насъ стороны; всѣ отличаются отъ насъ въ болѣе или менѣе существенномъ. Практическій, реальный интересъ является въ настоящее время основою и почвою сближенія. Этого практическаго, реальнаго интереса нечего стыдиться, а потому и нечего скрывать. Было время, когда союзъ Россіи съ Франціей рекомендовался только въ виду того, что намъ съ нею нечего дѣлить—и это была уже совершенно достаточная причина для политическаго сближенія. Но обстоятельства съ тѣхъ поръ круто перемѣнились. Объединеніе Германіи

и милитаризмъ, къ которому приневоливала она всю Европу, побуждаетъ крупныя окраинныя государства взаимно противодѣйствовать вождѣленіямъ не могущаго прійти къ полному успокоенію центра, сумѣвшаго еще подчинить своимъ цѣлямъ когда-то проклинавшую его Италію. Интересы Россіи на славянскомъ Востокѣ привлекаютъ къ себѣ алчные взоры тевтонскаго міра. Франція еще не увѣрена въ томъ, что урѣзавшій ее тевтонскій міръ не повторитъ снова своихъ посягательствъ. Въ союзѣ съ Россіей она спокойна; не мѣшаетъ и намъ сознавать свою силу.

И если нѣтъ нужды преувеличивать значеніе франко-русскаго политическаго сближенія, то нѣтъ основанія и умалять его. Нѣмецкія политики завѣряютъ, что на почвѣ этого сближенія можетъ основаться только миръ, какъ политическая бездѣйственность, безжизненность и эпоха политическаго застоя. Пожалуй, что и такъ, но только до времени. Нѣмецкія газеты пошучиваютъ надъ тѣмъ, что Россія и Франція только перекликаются, какъ разсѣвшіяся по разнымъ угламъ въ темной комнатѣ дѣти. Картина, пожалуй, и вѣрна, если прибавить только, что Германіи жутко отъ этого перекликанія, и что она находится подъ вѣчнымъ гнетомъ неопредѣленнаго страха. А это—уже крупный политическій фактъ, важный моментъ на политическомъ горизонтѣ. Необходимо только вѣдать и не забывать, что франко-русское сближеніе не можетъ служить само для себя цѣлью, а должно являться только средствомъ. Средствами же надо пользоваться, хотя и соблюдая постепенность. Жатвы для русской политики, для историческаго назначенія Россіи еще много и очень много.

Таковы въ общихъ чертахъ историческія основы политическаго состоянія Европы, которое она переживаетъ въ настоящее время и таковы задатки политическаго будущаго Россіи.

Аѳимъ VII Архіепископъ Константинополя, Новаго Рима, и Вселенскій Патріархъ.

(Письмо изъ Царьграда.)

Послѣ трехмѣсячнаго вдовства престола св. Златоуста Великая Христова Константинопольская Церковь снова обрѣла духовнаго вождя. Призванный всемогущей волею Божіей, Аѳимъ VII вступилъ на старѣйшій вселенскій патріаршій престолъ для архипастырскаго управленія маститой Церковью, препрославленной сонмомъ мучениковъ и праведниковъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ бывшей разсадникомъ истинной вѣры и источникомъ свѣта Христова, явившей міру столько дивныхъ свѣточей человѣческаго разума и столповъ православія, какъ Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Фотій, Геннадій и многіе другіе великіе архипастыри и учители Церкви.

20 января въ соединенномъ собраніи Св. Константинопольскаго Синода и Національнаго Совѣта, состоявшемъ изъ 15 іерарховъ и 70 свѣтскихъ представителей народа, громаднымъ большинствомъ голосовъ на вселенскій патріаршій престолъ и былъ избранъ митрополитъ Лерскій и Калимносскій Аѳимъ VII.

Такое избраніе было для всѣхъ тѣмъ большей неожиданностью, что въ числѣ кандидатовъ находились почти всѣ выдающіеся іерархи Вселенской Церкви, при чемъ общее вниманіе обращено было на трехъ извѣстнѣйшихъ архипастырей,—бывшаго константинопольскаго патріарха Іоакима III, митрополита кизическаго Никодима и никомидійскаго Филоѳея, и въ то время какъ одинъ изъ нихъ имѣлъ на своей сторонѣ расположеніе большинства, и избраніе его на патріаршій престолъ не подлежало почти никакому сомнѣнію,—по неисповѣдимымъ путямъ премудраго Промысла Божія на высокое и многотрудное служеніе призванъ архипастырь самой маленькой и незначительной епархіи, не имѣвшій, по слабому и узкому человѣческому разсужденію, никакихъ правъ на занятіе столь высокаго и важнаго сана.

Его Святѣйшество, Вселенскій Патріархъ Аѳимъ VII родился въ 1829 г. въ г. Янинѣ (въ Эпирѣ) отъ благочестивыхъ и зажиточныхъ родителей. Первоначальное образованіе юноша получилъ въ мѣстной школѣ, по окончаніи которой онъ сталъ помогать своему отцу въ его торговыхъ занятіяхъ, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ уже онъ пламенно желалъ посвятить себя служенію Богу.

Его прилежаніе, любознательность и набожность обратили на него вниманіе весьма вліятельнаго тогда митрополита янинскаго Іоанникія, который, достойно оцѣнивъ способности юноши, принялъ его подъ свое личное покровительство, рукоположилъ въ діаконскій санъ и отправилъ для изученія богословскихъ наукъ въ халкинскую богословскую школу.

Блестяще окончивъ здѣсь въ 1861 г. науку, онъ для завершенія образованія отправился въ Аѳины, гдѣ слушалъ лекціи на богословскомъ факультетѣ мѣстнаго университета.

Около этого времени вышло въ свѣтъ извѣстное и надѣлавшее столько шума сочиненіе Ренана „Жизнь Іисуса Христа“, на которое иноkъ Аѳинъ написалъ дѣльное, убѣдительное и весьма сильное опроверженіе.

Вернувшись на родину въ г. Янину, онъ тотчасъ былъ назначенъ проповѣдникомъ и получилъ мѣсто преподавателя Закона Божія въ мѣстной гимназіи.

Выдающимся своимъ краснорѣчіемъ, прочувствованными, дышащими глубокой и искренней вѣрой, силой и убѣдительностью проповѣдями, онъ скоро пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность, обратилъ на себя вниманіе начальства и скоро пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Усердно проповѣдуя слово Божіе, онъ продолжалъ заниматься богословскими науками и литературными трудами.

Помянутыя должности онъ занималъ до 1869 г., когда былъ возведенъ въ епископскій санъ и получилъ въ управленіе парамиѳійскую епархію, которою и управлялъ до 1877 г. Переведенный затѣмъ на каѳедру эносской митрополіи, онъ былъ вызванъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ въ патріаршество Іоакима IV. Въ 1889 г. при патріархѣ Діонисіи V митрополитъ Аѳинъ назначается въ епархію анхіалійскую, но, чувствуя себя утомленнымъ, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ новаго назначенія и, желая поправить разстроенное свое здоровье, отправился на родину. Здѣсь имъ оконченъ многоцѣнный богословскій трудъ «ὁδηγὸς εὐσεβίας», въ которомъ собраны произнесенныя имъ въ разное время проповѣди и поученія, числомъ болѣе 100, представляющія собою одинъ изъ лучшихъ образчиковъ витійскаго искуства.

Въ это же свое пребываніе на родинѣ владыка оказалъ во многихъ важныхъ вопросахъ существенныя услуги нынѣшнему митрополиту янинскому Григорію, который всегда глубоко уважалъ и весьма цѣнилъ богатую опытность, ученость и личныя добродѣтели маститаго іерарха.

Пріѣхавъ въ Константинополь для изданія своихъ сочиненій, владыка получилъ новое назначеніе въ митрополію „Корицасъ“, откуда всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ переведенъ въ епархію Лерскую и Калимносскую.

Вотъ краткій обзоръ жизни почтеннаго архипастыря, который помимо высокой учености, мудрой опытности и знанія церковныхъ дѣлъ, отличается и кроткимъ, человѣколюбивымъ нравомъ и доступностью. Снисходительный къ другимъ, онъ съ юныхъ лѣтъ всегда былъ въ высшей степени строгъ къ самому себѣ. Неутомимый труженикъ онъ всегда былъ равнодушенъ къ славѣ и почестямъ, предпочитая земному величію скромный и уединенный образъ жизни.

Отличаясь рѣдкимъ безкорыстіемъ и добротой, онъ тѣмъ не менѣе имѣлъ случаи въ важныхъ вопросахъ по дѣламъ ввѣренныхъ его управленію епархій выказать непоколебимую твердость, настойчивость и мужество.

Одаренный необыкновенной разсудительностью, рѣшающійся на какой-либо шагъ лишь послѣ строгаго и всесторонняго его обсужденія, горячій поборникъ всего законнаго и справедливаго, умѣющій подчинять личныя свои желанія общей пользѣ, Его Святѣйшество, нужно думать, будетъ на высотѣ своего призванія и вполнѣ оправдаетъ возлагаемыя на него Великою Церковью надежды, твердо и неукоснительно защищая священныя и вѣковыя права Святѣйшей Матери Церквей.

Трудная и важная задача предстоитъ Его Святѣйшеству: въ своихъ рѣчахъ къ Св. Суноду, національному совѣту и различнымъ депутаціямъ Его Святѣйшество указываетъ на непосильную тяжесть принимаемой имъ на себя отвѣтственной и высокой обязанности, но его подкрѣпляетъ надежда на помощь Всемогущаго Бога и сознаніе, что Богу угодно было призвать его на это высокое служеніе.

„Тяжелыя времена переживаетъ нынѣ, говорилъ онъ, — Великая Церковь, подобно кораблю обуреваемая со всѣхъ сторонъ яростно бушующими волнами; труднымъ становится управленіе Ею даже въ рукахъ самаго опытнаго и искуснаго кормчаго; и Церкви-кораблю приходится нынѣ взывать ко Господу словами ап. Петра: „Наставниче, Наставниче, погибаемъ!“ Въ трудныя сіи для Церкви времена по неисповѣдимымъ путямъ Того, Иже Премудрымъ Промысломъ управляяй всяческими, призваны Мы на славный патріаршій престолъ Златоуста и Фотія. Хотя Мы и сознаемъ Нашу слабость и немощность, но дабы не услышать, какъ ап. Петръ, отъ Господа — „маловѣре, почто усумнѣлся еси“, твердо уповаемъ на Небеснаго Архіерея и Пастыреначальника, Иже рече: „сила Моя совершается въ немощи“, Онъ же да будетъ Намъ Покровителемъ и Помощникомъ во всякомъ дѣлѣ на многотрудномъ служеніи Нашемъ, и Мы бодро и смѣло беремся за кормило правленія“.

Великая, нѣкогда процвѣтавшая, старѣйшая и славнѣйшая Церковь Константинопольская, долго озарявшая міръ лучезарнымъ свѣтомъ Христова ученія, живительными яркими лучами Божественной Премудрости

разсѣевавшая тьму умственнаго невѣжества и всюду вызывавшая жизнь, просвѣтившая свѣтомъ истины великій Русскій Народъ, научивъ его познанію Солнца Правды, подарившая міру свѣточей христіанскаго разума,— Святѣйшая Матерь Церквей нынѣ находится въ упадкѣ и крайне тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся для Нея политическихъ обстоятельствъ. Кровью возлюбленныхъ Ея чадъ, пастырей и духовныхъ вождей почти погашенъ дивный огонь, своимъ яркимъ пламенемъ вѣры, любви, свѣта и правды обнимавшій всю вселенную; усиліями враговъ Православія ослаблены Ея духовныя силы, и враги Ея не даютъ окрѣпнуть страждущему и разслабленному, нѣкогда столь крѣпкому Ея организму.

Кровью обливается сердце Матери Церквей, видящей нарушеніе своихъ вѣковыхъ и законнѣйшихъ правъ; молча, по Своему безсилію, должна Она принимать наносимыя Ей оскорбленія и поруганія надъ Ея священными правами, находя въ своей скорби единственное утѣшеніе и забвеніе въ сыновней и горячей любви Ея чадъ; но съ чѣмъ можетъ сравниться материнская скорбь и горе, когда Она уже стала получать обиды и отъ родной и близкой Ей руки,—Ея же возлюбленныхъ чадъ, вскормленныхъ и воспитанныхъ Ею, дерзновенно возставшихъ противъ своей Матери и пытающихся всѣ Ея материнскія о нихъ попеченія и заботы свести къ нулю, а міровыя Ея заслуги какъ можно болѣе умалить?!..

Пожелаемъ же новому вселенскому патріарху быть болѣе счастливымъ въ успѣшной охранѣ и защитѣ правъ и нуждъ Великой Церкви, нежели были его предшественники, изъ которыхъ многіе отказывались отъ власти въ виду своего безсилія предъ могуществомъ враговъ Церкви и неудовлетворенія Ея законныхъ притязаній.

Великій трудъ предстоитъ Его Святѣйшеству, усугубляемый несомнѣннымъ противодѣйствіемъ всѣмъ его благимъ начинаніямъ со стороны многочисленныхъ противниковъ и недоброжелателей Великой Церкви; но Всемогущій Господь Богъ да не попуститъ поруганія Его Святой Церкви и торжества враговъ и да воздвигнетъ въ прежней славѣ, силѣ и блескѣ многострадальныя Святѣйшія Апостольскія Церкви.

Къ вопросу о китайско-японскомъ столкновеніи *).

Въ концѣ сентября прошлаго года случилось мнѣ быть въ Лондонѣ. Какъ разъ въ это время появились въ англійскихъ газетахъ тревожныя телеграммы о состояніи здоровья покойнаго нынѣ Государя-Императора, сопровождаемыя, конечно, газетными толками. Признаюсь, несмотря на выражавшіяся въ нихъ сожалѣнія и сочувствія русскому горю, я, грѣшный человѣкъ, усмотрѣлъ нѣкоторую долю лицемѣрія и даже затаеннаго злорадства, находившихся въ связи съ современными политическими обстоятельствами, и между прочимъ съ Китайско-японскою войною. Зная, что отъ Александра III трудно было ожидать какихъ-либо шаговъ къ англійской выгодѣ, лондонскіе наиболѣе крупные органы печати, повидимому, разсчитывали на предстоявшія перемѣны. Эти свои заднія мысли, на мои глаза, они выдавали и тѣмъ, что въ то же время жадно хватались за всякій политическій промахъ петербургскихъ большихъ газетъ. Такъ изъ одной такой газеты они съ удовольствіемъ приводили планъ какого-то раздѣла Китая между Россіей, Англіей и Франціей, а изъ другой—тирады о томъ, что японскія побѣды затрогиваютъ какіе-то существенные русскіе интересы, что Россія не потерпитъ дальнѣйшаго ихъ нарушенія и должна по этому поводу войти въ соглашеніе съ другими заинтересованными державами.

Насчетъ означеннаго плана о раздѣлѣ Китая англичане, конечно, не хуже меня понимали его завѣдомую нелѣпость и неисполнимость; они пользовались имъ только какъ однимъ изъ средствъ замутить воду. Но особенно поощряли они ту часть нашей публицистики, которая относилась непріязненно къ Японіи, толковала о нарушеніи ею русскихъ интересовъ и слѣдовательно подстрекала наше правительство къ вмѣшательству, имѣющему положить конецъ дальнѣйшему погрому Китая. Но какіе именно русскіе интересы страдаютъ отъ этого погрома, она такъ намъ и не разъяснила. Зачѣмъ мы должны спасать враждебный намъ Китай, въ угоду Англіи, и обижать Японію, лишивъ послѣднюю заслуженныхъ ею плодовъ своихъ побѣдъ—все это остается для насъ загадкою. Если чьи интересы сильно страдаютъ отъ этой войны, то именно англійскіе, а не русскіе: англичанамъ (т. е. ихъ торговлѣ) она приноситъ огромные убытки; для нихъ крайне желательно поскорѣе прекратить войну, поддержать

*) Помѣщая эту замѣтку почтеннаго нашего историка, редакція оставляетъ за собою право высказать особо свой взглядъ на отношенія Россіи къ ея восточнымъ сосѣдямъ—Китаю и Японіи.

цѣлость Китайской имперіи и обуздать Японію, которая своими національными стремленіями и развитіемъ своихъ морскихъ силъ угрожаетъ сдѣлаться опаснымъ ихъ соперникомъ на дальнемъ востокѣ.

Еще недавно мы, русскіе, безпокоились по поводу запозданія съ великимъ Сибирскимъ путемъ, и не были увѣрены въ томъ, что Китай, возбуждаемый англичанами и нѣмцами, дастъ намъ время безпрепятственно окончить этотъ путь. Теперь судьба устроила такъ, что съ этой стороны Россія можетъ быть спокойна по меньшей мѣрѣ лѣтъ на двадцать; а насъ приглашаютъ самихъ уничтожить благопріятныя для себя обстоятельства. Наша торговля и нашъ флотъ въ Тихомъ Океанѣ такъ еще незначительны, что мы пока не защитили себя даже отъ американскихъ пиратовъ, попирающихъ тамъ наши владѣльческія права и безнаказанно избивающихъ милліонны морскихъ котиковъ въ нашихъ водахъ. Еще мы не успѣли какъ слѣдуетъ укрѣпиться на Амурѣ, а намъ уже предлагаютъ войти во враждебныя отношенія съ Японіей изъ-за Кореи, потому что эта послѣдняя владѣетъ незамерзающими портами. Да если такіе порты намъ очень нужны, то развѣ нельзя относительно Кореи войти въ прямое соглашеніе съ Японіей, помимо Англіи?

Если кто въ будущихъ столкновеніяхъ можетъ быть нашимъ естественнымъ союзникомъ на дальнемъ востокѣ, то это именно Японія, при ея антагонизмѣ съ нашимъ естественнымъ врагомъ, т. е. съ Китаемъ. Другимъ естественнымъ союзникомъ тамъ является Франція, съ ея Тонкинскими владѣніями. Слѣдовательно, въ случаѣ нужды, мы можемъ образовать тройственный союзъ изъ сосѣдей Китая, каковы Россія, Японія и Франція, и этотъ союзъ надолго можетъ обезпечить намъ мирное, спокойное развитіе и укрѣпленіе въ той сторонѣ. Англичане отлично это понимаютъ, и потому такъ настойчиво хлопочутъ въ пользу своего временнаго сближенія съ Россіей, конечно, съ своекорыстными, чисто эксплуататорскими цѣлями. Они желаютъ скорѣе прекратить огромные убытки, приносимые войною ихъ торговлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ зародышѣ уничтожить образованіе названнаго сейчасъ естественнаго тройственнаго союза на дальнемъ востокѣ. Имъ хочется выдвинуть Россію противъ Японіи, загрести для себя жаръ нашими руками, нашими же руками разрушить возможную въ будущемъ благопріятную для насъ политическую комбинацію и въ концѣ концовъ изолировать насъ въ Азіи такъ же, какъ пресловутый союзъ съ нѣмцами долго изолировалъ насъ въ Европѣ.

Какъ въ свое время мы не воспользовались взаимною враждою Австріи и Пруссіи и сами помогли сплоченію ихъ въ тѣсный противъ насъ союзъ, такъ точно Англія и Германія впослѣдствіи не прочь будутъ сплотить въ одинъ союзъ противъ насъ Китай и Японію. А что громадный Китай

терпитъ теперь пораженія отъ сравнительно маленькой Японіи, то это еще не означаетъ разрушенія Китайской имперіи; она можетъ легко оправиться и снова сдѣлаться очень опаснымъ для насъ сосѣдомъ. (въ особенности какъ членъ враждебнаго намъ союза). Нѣмцы и англичане безъ сомнѣнія постараются въ изобиліи снабдить ее военными инструкторами и организовать ея арміи на европейскій образецъ. Когда-то Оттоманскую имперію едва не разрушилъ египетскій паша Мегметъ Али; спасенная русскимъ вмѣшательствомъ, имперія эта осталась нашимъ врагомъ, а Египетъ въ концѣ концовъ достался Англіи. Когда-то нами спасены были Габсбургская династія и цѣлость Австріи; а какіе плоды мы пожали? Теперь же англичане толкаютъ насъ спасать цѣлость Китайской имперіи и ея Манжурскую династію. А петербургскіе публицисты усердно имъ въ томъ помогаютъ. Эти публицисты простодушно передаютъ намъ хитроумные толки англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ и безсознательно заставляютъ насъ смотрѣть на русскіе интересы иностранными глазами, точно также какъ во время таможенной войны они только и дѣлали, что усердно передавали толки германской публицистики и втирали намъ нѣмецкія очки. Что касается ихъ недоброжелательства къ Японіи, то нельзя ли его объяснить тѣмъ, что японцы являются наглядными примѣромъ народа, въ короткій срокъ успѣвшаго усвоить себѣ до значительной степени матеріальную европейскую культуру? Японцы грозятъ опередить насъ на этомъ пути и своими дружными стремленіями къ разъ намѣченной цѣли, своимъ патріотизмомъ посрамить тѣхъ петербургскихъ публицистовъ, которые ревностно защищаютъ русскую культурную отсталость и дѣйствуютъ въ нѣмецкихъ интересахъ.

Обращу вниманіе читателей еще на слѣдующее наблюдаемое мною обстоятельство. Нѣкоторые органы русской печати весьма недовѣрчиво (и совершенно справедливо) отнеслись къ той внезапно наступившей англо-русской дружбѣ, о которой въ одно прекрасное утро, объявили намъ англійскія газеты. И тѣ же самые органы продолжаютъ поддерживать идею совмѣстнаго англо-русскаго вмѣшательства! Слѣдовательно они именно дѣлаютъ то, что такъ желательно англичанамъ и для чего между прочимъ эти послѣдніе такъ усердно напрашиваются намъ въ друзья. Уже по этому одному можно судить о степени нашей политической зрѣлости!

Въ заключеніе этой замѣтки повторю то же, что я сказалъ при началѣ Японско-китайской войны: пусть ихъ воюютъ сколько имъ угодно; Россія спокойно можетъ сохранять нейтралитетъ, притомъ болѣе благопріятный для Японіи, чѣмъ для Китая, и только при заключеніи мира она скажетъ смотря по обстоятельствамъ свое вѣское слово.

Москва. 1895. Д. Иловайскій.

Нѣсколько словъ по поводу армянскаго вопроса.

Подъ заглавіемъ „Кто виноватъ?“, Г-жа О. Новикова помѣстила въ декабрѣ мѣсяцѣ мин. года въ „Westminster Gazette“ письмо, въ которомъ доказываетъ, что виновницею всѣхъ ужасовъ и звѣрствъ, бывшихъ въ Арменіи, слѣдуетъ считать исключительно Англію, такъ какъ она одна на Берлинскомъ конгрессѣ, въ лицѣ своего представителя еврея-Биконсфильда, настояла на замѣнѣ ст. 16 Свято-Стефанскаго договора, которою безопасность армянъ была точно и положительно обезпечена обязательствомъ Турціи *передъ Россіей*,—статьею 61 Берлинскаго договора, въ которой Турція даетъ обязательство, передъ *всѣми державами, обѣщавшими наблюдать за преобразованіями въ Арменіи*.

„Преобразованія эти вотъ уже 16 лѣтъ въ исполненіе не приводятся—а потому державы не обременены *наблюденіемъ*, говоритъ авторъ и прибавляетъ, что благодаря Англо-Турецкому договору (Кипрская Конвенція) султанъ можетъ дѣлать теперь въ Арменіи все, что хочетъ.

Въ заключеніе О. А. Новикова выражаетъ сожалѣніе, что Россія рѣшила не вмѣшиваться въ это дѣло, но писательница полагаетъ, что если бы *всѣ* державы настоятельно просили Россію принять на себя непосредственныя полномочія Европы,—Россія могла бы *еще разъ* прійти на помощь христіанскому народу, не нарушая европейскаго согласія.

Мы понимаемъ и вполнѣ раздѣляемъ чисто-христіанскія и глубоко-патріотическія чувства истинно русской женщины, въ теченіи 20 лѣтъ высоко держащей русское знамя въ Англіи, смѣло говорящей правду въ лицо ея обществу и правительству и принимающей близко къ сердцу человѣческія страданія; но не можемъ раздѣлить ея сожалѣній о томъ, что Россія рѣшила не вмѣшиваться въ это дѣло [1]), какъ не можемъ считать Англію *исключительно* виновной въ Сассунской рѣзнѣ и другихъ, хотя англійская печать, вслѣдствіе *особыхъ* причинъ и поспѣшила повторить за Маркизомъ Салюсбери,—„mea culpa, mea maxima

[1]) А если бы при дальнѣйшемъ развитіи событій въ Арменіи Россія и нашла для себя умѣстнымъ и по долгу человѣколюбія необходимымъ вмѣшаться въ армянскія дѣла, то она, конечно, сдѣлаетъ это по собственному произволенію, не испрашивая себѣ никакихъ уполномоченій отъ Европы и не беря на себя обязанности дать ей какой-либо отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вѣдь Россія не Австрія, и Арменія лежитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нами, а не съ «Европой» и вопросъ объ Арменіи долженъ рѣшиться, когда настанетъ его черед, между Россіей и Турціей, а Европа тутъ не причемъ. Р. Б.

cuipa"! Доказательствомъ послужитъ намъ маленькая историческая справка и оборотная сторона медали—*настоящаго* положенія армянскаго вопроса.

„Великій старецъ" Гладстонъ, въ отвѣтѣ своимъ армянскимъ депутаціямъ, въ Howarden'ѣ, предлагалъ армянамъ, между прочимъ, прежде чѣмъ судить султана и его правительство, подождать выясненія дѣла слѣдственной коммиссіей, въ составъ которой вошли представители Россіи, Англіи и Франціи.

„Ждать" армяне не хотятъ и продолжаютъ свою проповѣдь, разсчитывая, съ помощью увлеченныхъ, болѣе или менѣе искренне, государственныхъ дѣятелей Англіи, заставить правительство Англіи принять понудительныя мѣры противъ правительства турецкаго; эти-же, сочувствующіе бѣдствіямъ армянъ, англичане мечтаютъ достигнуть того, чтобы эти мѣры приняты были Россіей.

Не становясь въ положеніе судей, мы также будемъ *ждать*, а пока только скажемъ нѣсколько безпристрастныхъ словъ *за* и *противъ*.

Сомнѣваться въ томъ, что турки звѣрствовали въ Сассунѣ, при водвореніи тамъ порядка, нѣтъ основаній—мы знаемъ, что они мастера этого дѣла, но всѣмъ извѣстно, что армяне также вырѣзали гарнизонъ въ Мушѣ не менѣе звѣрски.

Въ теченіе 16 лѣтъ своего царствованія Абдулъ-Гамидъ сдѣлалъ для Оттоманской Имперіи болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники. Университетъ, школы правовѣденія и медицины, музеи—говорятъ сами за него. Это человѣкъ доброжелательный и, для Турціи, образованный. Подданнымъ его очень хорошо извѣстно, какъ неохотно онъ подписываетъ смертные приговоры, почти безъ исключенія, замѣняя ихъ каторгой. Онъ желаетъ блага своимъ подданнымъ, но... боится ихъ, памятуя незавидную участь своихъ предшественниковъ. И вотъ, благодаря этому, Турція, начиная отъ Ильдизъ-Кіоска и кончая отдаленными уголками Малой-Азіи, опутана сѣтью шпіонства и жизнь въ ней становится совершенно невозможною не только для сводомыслящихъ, но и вообще для мыслящихъ, а для иностранцевъ и христіанъ въ особенности.

Къ этому злу надо прибавить другое — цензуру, которая душитъ здѣсь все разумное, все то, что необразованному чиновнику покажется противнымъ существующему порядку, о которомъ самъ онъ имѣетъ весьма смутныя понятія...

Эти два зла были косвенными причинами волненій въ Арменіи, а становясь на дорогѣ иностранныхъ журналистовъ и корреспондентовъ—сдѣлались причиною преувеличенности ихъ описаній безпорядковъ въ Арменіи, чѣмъ заправилы армянскаго движенія въ Лондонѣ, конечно,

ловко воспользовались и, съ свойственнымъ армянамъ талантомъ разжалобили массу не въ мѣру сердечныхъ (?!) англичанъ, которые и рѣшили вмѣстѣ съ агитаторами возстановить Арменію, создать какое-то опереточное герцогство съ герцогомъ Тэкомъ во главѣ,—второе, такъ сказать, но дополненное и исправленное изданіе Болгаріи, такъ какъ новое герцогство по ихъ замыслу должно быть вполнѣ самостоятельно, (т. е., конечно, въ отношеніи Россіи).

Корреспондентъ „Новаго Времени“, сообщая о столь важномъ проектѣ армянъ, прибавляетъ, что это рѣшеніе *радикаловъ*—армянъ. Какъ видите уже готовы *партіи* для будущаго армянскаго парламента. Если есть *радикалы*, есть значитъ и оппортунисты и соціалисты, будутъ и соединисты, тумаянисты и гарабедіанисты и прочіе исты. Будутъ и народные выборы—при помощи подкуповъ и палочной системы, будутъ и звѣрства, къ которымъ армяне привыкли, но теперь уже свои собственныя—домашнія. Словомъ,—на Азіятской почвѣ водворится конституція со всѣми тѣми прелестями, которыя можно наблюдать въ различныхъ, преимущественно славянскихъ краяхъ Австровенгріи во время выборовъ въ рейхсратъ или въ областныя сеймы и въ подчиняющихся временами ея вліянію Балканскихъ государствахъ—и все это у насъ на границѣ—милая перепектива! Къ счастью отъ англо-армянскихъ воздушныхъ замковъ и мыслей вслухъ—до дѣла весьма далеко.

Но что такое *Арменія?*

Уже нѣсколько столѣтій, какъ Арменія—чисто географическое выраженіе, какъ Іудея, ибо, какъ мы докажемъ ниже, армяне въ этой странѣ *не составляютъ* преобладающаго населенія.

Въ 1242 году монголы прошли по Арменіи огнемъ и мечомъ, снесли ее съ лица земли, и съ тѣхъ поръ Арменія никогда не имѣла силъ возстановить хотя бы тѣнь своего прежняго скромнаго величія.

Въ 1530 году султанъ Селимъ занялъ окончательно западную часть Арменіи, а египтяне—восточную...

Послѣ этого татары бурнымъ потокомъ пронеслись черезъ Арменію, снося на своемъ пути, что можно было снести, а за ними начались безостановочные грабежи и набѣги персовъ, курдовъ, черкесовъ и другихъ воинственныхъ племенъ. За это время исчезли послѣдніе признаки древней цивилизаціи, осталась лишь вилла Семирамиды—городъ Ванъ, да развалины нѣсколькихъ монастырей.

На пространствѣ Арменіи могутъ свободно жить до 20 милліоновъ обитателей, но живутъ только до $3^1/_2$ милліоновъ, ведущихъ полукочевой образъ жизни, благодаря чему границъ владѣній курдовъ и владѣній армянъ *никто* опредѣленно не знаетъ.

H. F. B Lynch даетъ намъ точныя статистическія свѣдѣнія объ Арменіи. Съ турецкой стороны Арарата площадь Арменіи занимаютъ 500 тысячъ армянъ, 500 тысячъ турокъ, 450 тысячъ курдовъ и 50 тысячъ грековъ и другихъ народностей. Съ русской стороны Арарата Арменія населена 520 тысячами армянъ и въ томъ же соотношеніи турками, курдами и другими племенами, въ общемъ также около $1^1/_2$ милліона.

И такъ *въ Арменіи*, изъ $3^1/_2$ милліоновъ жителей, армянъ—1.020,000 человѣкъ, что не составляетъ $^1/_3$ общаго числа населенія.

Всѣхъ же армянъ до 3 милліоновъ,—остальные живутъ въ европейской Турціи, разбросаны по всей Европѣ, Египту и Америкѣ.

Совершенно тождественныя свѣдѣнія мы находимъ въ „Statistique des missionnaires Jésuites“ и въ „L'Empire Ottoman“, publié par Quinet. 1891.

Словомъ *армяне* въ *Арменіи не* составляютъ преобладающаго населенія, о чемъ трубятъ англичане, сравнивая положеніе Арменіи съ Болгаріей въ 1876 году. На митингахъ англо-армянскаго общества ораторы весьма прозрачно намекаютъ, что Россія, возсоздавшая Болгарію, должна возсоздать и Арменію, забывая о томъ, что Болгарія не была фикціей, что въ Болгаріи на 4-хъ турокъ приходилось 3 болгарина и что эти $^3/_4$ населенія Болгаріи были *славяне*.

Армяне утверждаютъ, что они происходятъ отъ правнука Іафета; точнѣе же, это—смѣшеніе персовъ съ нѣкоторыми туранскими племенами, и хотя такимъ образомъ ихъ нельзя причислить къ семитамъ, но у нихъ въ характерѣ чрезвычайно много общаго съ евреями, и въ то же время они непримирые ихъ враги.

Чтобы имѣть успѣхъ въ своихъ гешефтахъ—еврей долженъ дѣйствовать на 1000 верстъ разстоянія отъ армянина,—иначе послѣдній его задушитъ. Поговорка о томъ, кто кого можетъ надуть,—извѣстна всѣмъ.

Какъ евреи, за рѣдкими исключеніями, не знаютъ древняго еврейскаго языка и говорятъ жаргономъ, такъ и армяне весьма мало знакомы съ роднымъ айканскимъ нарѣчіемъ и говорятъ на турецкомъ языкѣ; *книги армянъ печатаются айканскимъ шрифтомъ*, но на турецкомъ языкѣ.

Называть Берлинскій трактатъ или Кипрскую конвенцію началомъ эры армянскихъ страданій по меньшей мѣрѣ странно.

Эти дипломатическіе договоры положительно никакой роли не играютъ въ исторіи гоненій на армянъ. Эти гоненія и страданія армянъ существуютъ столько-же времени, какъ и сами армяне. Ихъ

исторія это—длиннѣйшій мартирологъ; въ этомъ легко убѣдиться, порывшись въ архивахъ миссіонеровъ—францисканцевъ и іезуитовъ.

Довольно того, что въ *404 году* св. Іоаннъ Златоустъ посылаетъ воззваніе къ западнымъ христіанамъ, проситъ ихъ помощи въ пользу армянъ.

Первое дипломатическое представленіе о звѣрскомъ отношеніи мусульманъ къ армянамъ было сдѣлано султану Махмуду II въ 1825 году; съ тѣхъ поръ они повторялись, по разнымъ поводамъ, неоднократно, а въ 1871 году патріархъ армянъ представилъ султану весьма краснорѣчивый и обильный цыфрами списокъ звѣрскихъ убійствъ, учиненныхъ въ Арменіи съ 1860 по 1870 годъ.

Такимъ образомъ отрицать безчеловѣчное отношеніе турокъ и сосѣднихъ племенъ къ армянамъ—нѣтъ возможности, но оно не вчера началось и ни Англія, ни Берлинскій конгрессъ здѣсь не причемъ [2]).

Въ 1850 году начинается эмиграція армянъ. Богатые торговцы Константинополя—армяне, одинъ за другимъ, основываютъ отдѣленія своихъ фирмъ и банковъ въ Бостонѣ, Филадельфіи, Лондонѣ, Парижѣ и Марселѣ и во главѣ этихъ отдѣленій ставятъ своихъ сыновей. Планъ этотъ получаетъ громадный успѣхъ, — въ Бостонѣ въ настоящее время имѣется до 7000 армянъ, живущихъ въ полномъ довольствѣ, въ Лондонѣ еще больше, во Франціи понятіе армянинъ и богачъ равносильны.

Всѣ задачи жизни и идеалы армянъ, какъ и евреевъ, сводятся къ матеріальному благосостоянію, къ наживѣ и наживѣ безпредѣльной. Какъ евреи—армяне вездѣ и всюду обособлены и не ассимилируются.

Въ англійскихъ и французскихъ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ воспитывается уже ихъ третье поколѣніе, но и эти юноши, подъ часъ не знающіе даже своего роднаго языка, остаются тѣми-же армянами.

Соединяясь въ своихъ кружкахъ, они, какъ евреи о Ханаанѣ, мечтаютъ о виноградникахъ въ родныхъ долинахъ, о славныхъ дняхъ Семирамиды, о ея садахъ, о прежнемъ величіи армянскихъ царей.

---

[2]) Въ этомъ отношеніи мы не совсѣмъ согласны съ мнѣніемъ почтеннаго нашего сотрудника и готовы скорѣе согласиться съ О. А. Новиковой. Какъ Парижскій договоръ, замѣнивъ установленное еще Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ право *русскаго* заступничества за балканскихъ турецкихъ христіанъ правомъ европейскаго покровительства,—въ сущности лишилъ турецкихъ христіанъ всякаго дѣятельнаго покровительства и заступничества, такъ и ст. 61 берлинскаго договора очевидно лишила армянъ несравненно для нихъ болѣе полезнаго и для турокъ болѣе опаснаго покровительства Россіи, нежели установленное этою статьей европейское наблюденіе за выполненіемъ реформъ въ Арменіи. Р. Б.

Нельзя не отдать справедливости ихъ тонкому уму, ихъ ловкости, настойчивости и упорству въ достиженіи разъ намѣченной цѣли. Одна организація англо-армянскаго общества показываетъ ихъ недюжинныя способности,—какъ талантливо сумѣли они привлечь къ нему выдающихся государственныхъ дѣятелей, талантливыхъ членовъ парламента, крупныхъ дѣятелей литературы и церкви.

Три мѣсяца, напримѣръ, добивались они, чтобы Гладстонъ посѣтилъ одинъ изъ ихъ митинговъ; бывшій глава либераловъ постоянно отказывался по тѣмъ или другимъ благовиднымъ причинамъ; армяне воспользовались днемъ 85-ой годовщины рожденія „Великаго Старика“ и ворвались къ нему въ его замкѣ Howarden'ѣ. Гора не подошла къ Магомету, тогда Магометъ подошелъ къ ней. Гладстонъ посовѣтовалъ имъ „*ждать*“, но имъ не нуженъ былъ *точный* смыслъ его отвѣта, имъ нужно было право помѣстить его имя на знамени своей пропаганды—и они его пріобрѣли.

Прекрасно организуются и митинги, ихъ предсѣдателемъ или президентомъ общества состоитъ краснорѣчивый, съ выдающейся будущностью, молодой членъ парламента Ф. Стивенсонъ; на послѣднемъ митингѣ, въ числѣ ораторовъ я слышалъ *шесть* членовъ парламента, знаменитаго проповѣдника Роджерса, извѣстнаго краснорѣчіемъ каноника Макъ-Коля и нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ.

Въ парламентѣ близко къ сердцу принимающихъ судьбы армянъ насчитываютъ уже *сорокъ* членовъ.

Можно уважать ихъ привязаность къ старинѣ, къ религіи, ихъ любовь къ родинѣ ихъ храбрость и настойчивость, съ какими они продолжаютъ непрерывно поддерживать и возбуждать въ обществѣ жалость къ ихъ страданіямъ; но надо очень осторожно относиться къ ихъ росказнямъ, зачастую не только преувеличеннымъ, но подъ часъ и просто ложнымъ.

Англо-армянская газета, издающаяся въ Лондонѣ, въ одномъ изъ февральскихъ №№ 1894 года помѣстила, между прочимъ, слѣдующую замѣтку: „Уже 30 лѣтъ минуло, какъ одинъ нашъ соотечественникъ напечаталъ книжку, гдѣ *доказалъ, что королева Викторія происходитъ изъ рода древнихъ армянскихъ царей*. Съ тѣхъ поръ армяне не перестаютъ удивляться и не понимаютъ, *почему Ея Величество не присоединитъ Арменію къ своей Имперіи*“.

Въ Константинополѣ существуетъ спеціальное бюро, на обязанности котораго лежитъ вырѣзываніе изъ иностранныхъ газетъ всего непріятнаго, что говорится относительно Султана. Все это, переведенное на турецкій языкъ, доставляется для прочтенія главѣ мусульманъ каждый вечеръ.

Султанъ знаетъ, что во главѣ англо-армянскаго общества стоятъ государственные люди Англіи, что ему покровительствуетъ правительство, а потому признаетъ не дѣлая большой ошибки, органъ этого общества полу-оффиціальнымъ. Что подумалъ обитатель Ильдизъ-Кіоска, прочтя приведенную выше замѣтку?

Другой № той же газеты говоритъ: „Какъ тяжело и больно видѣть въ Константинополѣ нашихъ соотечественниковъ, бродящихъ въ лохмотьяхъ и не желающихъ, цѣною перемѣны религіи, замѣнить ихъ шитыми золотомъ мундирами и орденами нашей!“

Это прямо ложь! Одна четверть правительственныхъ турецкихъ чиновниковъ состоитъ изъ армянъ, умомъ и образованіемъ которыхъ турки дорожатъ, а половина всѣхъ константинопольскихъ банковъ и промышленныхъ предпріятій—въ рукахъ армянъ же. Какія тутъ лохмотья!

Англо-армянское и американско-армянское общества—наводняютъ Турцію революціонными изданіями, направляемыми черезъ Тавризъ и Персидскую границу.

Армяне, конечно, отрицаютъ существованіе въ Арменіи революціоннаго движенія, но корреспондентъ агенства „Реймера“ въ №№ Лондонскихъ газетъ отъ 4-го февраля сообщаетъ изъ Битлиза, что революціонное движеніе организовано прекрасно и продолжаетъ исправно распространяться.

Нѣкоторый свѣтъ на характеръ этого движенія проливается письмомъ миссіонера M. Cyrus Hamlin, помѣщенномъ въ Бостонской газетѣ „The Congrégationalist“,—еще 23-го декабря 1893 года.

Предоставляю говорить автору письма.

„Одинъ вполнѣ интеллигентный армянинъ, краснорѣчивый защитникъ революціи, увѣрялъ меня, что армяне надѣются приготовить путь *нѣкоей* великой Европейской державѣ вступить въ Арменію на правахъ полнаго хозяина. Когда я спросилъ, какъ это можетъ совершиться, онъ отвѣтилъ „Банды гентчагистовъ организованы повсюду въ предѣлахъ Малой Азіи, задача ихъ въ каждомъ удобномъ случаѣ *)—умерщвлять турокъ и курдовъ, поджигать села и деревни ихъ и затѣмъ бѣжать въ горы. Возмущенные мусульмане, конечно, будутъ мстить армянамъ и вырѣжутъ не мало беззащитныхъ христіанъ, и тогда *великая Европейская держава* вступитъ въ Малую Азію, во имя гуманности и христіанской цивилизаціи“.

---

*) Такой *удобный* случай и представился въ августѣ минувшаго года.

„Естественно", говоритъ миссіонеръ: „что я нашелъ проектъ этотъ адски-безчеловѣчнымъ", но собесѣдникъ мой отвѣтилъ:—„Безъ сомнѣнія Вамъ онъ кажется безчеловѣчнымъ и адскимъ, но мы, армяне, твердо рѣшили быть свободными. Европа, возмущенная звѣрствами въ Болгаріи, дала свободу болгарамъ; она услышитъ и наши вопли".

„Центральный комитетъ гентчагистовъ", говоритъ далѣе миссіонеръ,—„находится въ Аѳинахъ, а отдѣленія его имѣются во всѣхъ городахъ и селахъ Арменіи и въ колоніяхъ.

Нишанъ Гарабедіанъ, одинъ изъ основателей этой партіи, находится въ Америкѣ и желающіе имѣть отъ него разъясненія могутъ направлять свои письма слѣдующимъ образомъ: Nichan Garabedian, № 15 Fountain Street, Worcester (Mass), или центральный комитетъ общества—M. Bernard, porte restante, Athénes (Grèce)".

Требуются-ли къ этому комментаріи?

Не очевидны-ли причины Сассунской рѣзни и положеніе, занимаемое Англіей, нашей новой подругой?

И вотъ съ одной стороны правильно и давно подготовленная революція, съ другой — истерически сенсаціонныя описанія звѣрствъ турецкихъ войскъ и курдовъ.

Но къ чему тутъ намеки о томъ, что Россія привыкла съ оружіемъ въ рукахъ защищать интересы христіанъ, что она выйдетъ изъ терпѣнія, наконецъ?

Лео.

Да. Мы не разъ проливали свою кровь за освобожденіе угнетенныхъ христіанъ; но почти всякій разъ наши жертвы приносили горькій плодъ и намъ и освобожденнымъ нами народностямъ, для которыхъ матеріальный турецкій гнетъ смѣнялся болѣе гибельнымъ растлѣвающимъ по преимуществу душу нравственнымъ западно-европейскимъ гнетомъ. Поэтому, хотя и въ дальнѣйшемъ политика Россіи не перестанетъ быть *освободительной,* ибо таковъ свѣтлый удѣлъ, данный ей Богомъ; но уроки прошлаго не должны быть нами забыты, а они указываютъ намъ быть сдержанными и осмотрительными въ нашихъ освободительныхъ мѣропріятіяхъ, и въ особенности не связывать себя никакими соглашеніями въ отношеніи нашихъ, т. н. восточныхъ, русско-турецкихъ дѣлъ—съ западною, рѣшительно враждебною намъ въ этихъ дѣлахъ, Европой.

Р. Б.

Изъ Яффы.

Въ настоящее время въ Палестинѣ находится изъ русскихъ туристовъ-путешественниковъ Л. А. Коробовъ, который, выѣхавъ изъ Яффы, посѣтилъ сначала Филистимскую землю съ остатками ея городовъ вплоть до Газы, доѣхавъ даже до селенія, гдѣ находится Дейръ-эль-Баляхъ (монастырь финиковъ). Затѣмъ онъ посѣтилъ пещеры Бейтъ-Джибрина (древній Элевѳерополь), проѣхалъ черезъ Хевронъ къ западному берегу Мертваго моря, гдѣ, начиная отъ Зуеры, онъ, обогнувъ весь южный берегъ Мертваго моря мимо селенія Сафія, прослѣдовалъ въ Керакъ, а оттуда въ Мадабу и Сальтъ, вернувшись затѣмъ черезъ Іерихонъ въ Іерусалимъ. Это, кажется, первый путешественникъ-россіянинъ, рѣшившійся пробраться за Мертвое море въ страны Моавитскую и Аморрейскую. Къ этому нужно прибавить, что двухмѣсячная поѣздка г. Коробова была совершена имъ одиноко, лишь въ сопровожденіи погонщика (нерѣдко мальчугана) нанимавшейся имъ отъ одного города до другого лошади или осла. Посѣщенныя г. Коробовымъ въ заіорданскихъ городахъ христіанскія общины оказывали ему, по его словамъ, полное радушіе и гостепріимство, особенно когда онѣ узнавали, что онъ „москобъ“ (т. е. русскій; такъ называютъ на арабскомъ Востокѣ россіянъ вообще. „Москобъ-араби куль-уихедъ“ (Русскій и арабъ—одно цѣлое) говорили они ему. Г. Коробовымъ велись подробныя записки прослѣдованнаго имъ пути и собирались древнія вещи и монеты.

С—въ.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Сербія.

(1867—1894).

Благодаря покровительству Русскихъ Царей и подвигамъ доблестнаго русскаго воинства и собственному мужеству сербскій народъ освободился отъ османскаго ига.

Начиная съ Бухарестскаго трактата (1812) до Аккерманской конвенціи (1826) Сербія находилась подъ покровительствомъ Россіи, которая заставила Порту признавать ее вассальнымъ автономнымъ княжествомъ, провозглашеннымъ впослѣдствіи по Свято-Стефанскому договору, заключенному между Портою и Россіею, независимымъ государствомъ.

При постоянномъ покровительствѣ Русскаго императорскаго Двора Сербія подъ управленіемъ князей Обреновичей (1830 — 1842) быстро окрѣпла и развилась, именно въ княженіе Александра Карагеоргіевича (1842—1858) во всѣхъ государственныхъ отношеніяхъ на столько, что въ шестидесятыхъ годахъ сербскій князь Михаилъ Обреновичъ могъ уже подумывать объ освобожденіи и объединеніи сербскаго народа на Балканскомъ полуостровѣ.

Къ его тогдашнимъ широкимъ планамъ со всею душою и искренностью присоединился и черногорскій князь Даніилъ Петровичъ Нѣгошъ, послѣ кончины владыки Петра II (въ 1851 г.) провозглашенный, по желанію черногорцевъ, безъ спроса европейскихъ державъ, Императоромъ Николаемъ Павловичемъ первымъ свѣтскимъ княземъ Черногоріи.

Идея „Великой Сербіи“ сильно одушевляла обоихъ этихъ великихъ сербскихъ патріотовъ-государей сербскаго народа, которые пожертвовали для нея всѣмъ, даже своею жизнью. Князь Даніилъ, побѣдитель надъ турками (1858 г.) при Граховцѣ, когда сталъ дѣятельно готовиться для будущаго освобожденія Герцеговины, былъ убитъ въ Которѣ (1860) на австрійской территоріи выстрѣломъ изъ пистолета наемника.

Молодой князь Николай I унаслѣдовалъ въ Черногоріи великую идею освобожденія сербскаго народа и горячій патріотизмъ своего дяди,

и по его примѣру братски содѣйствовалъ князю Михаилу во всемъ, чтобы онъ ни предпринималъ въ пользу осуществленія мысли о „Великой Сербіи".

Но князь Михаилъ не видѣлъ въ убійствѣ князя Даніила предостереженія себѣ и продолжалъ со своей стороны подготовленія къ войнѣ съ Турціей до тѣхъ поръ, покуда и онъ не палъ жертвою подъ кинжалами убійцъ въ 1868 году,—такою же трагической смертью, какъ восемь лѣтъ тому назадъ его вѣрный союзникъ князь Даніилъ.

Сербія осталась тогда нетолько безъ князя, но и безъ наслѣдника, такъ какъ князь Михаилъ былъ бездѣтенъ. Оспротѣвшая Сербія подъ регентствомъ Ристича, Блазнавца и Гавриловича стала уже болѣе смирною и болѣе отвѣчавшей желаніемъ и планамъ враговъ сербскаго народа. Идея о „Великой Сербіи" отошла на второй планъ и прежде всего нужно было найти подходящее лицо для продолженія, такъ-сказать, угасшей съ княземъ Михаиломъ династіи Обреновичей. Регентство нашло въ Парижѣ, учившагося тамъ въ Lycée „Louis le Grand" сына Ефремова (четвертаго брата по матери князя Милоша) и Маріи Катарджи, по имени Милана, родившагося въ Яссахъ 10 августа 1854 года. Этотъ мальчикъ былъ стараніями регентства великою скупщиною въ Топчидерѣ (10 іюня 1868 г.) признанъ наслѣдникомъ сербскаго престола и провозглашенъ 10 августа 1872 г. совершеннолѣтнимъ княземъ Миланомъ Обреновичемъ IV.

Во время регентства въ 1869 была Сербіи дана заботами Ристича первая конституція, которая отдавала всю власть въ руки правительства, а народному представительству,—третья часть котораго назначалась княземъ, и изъ котораго была исключена вся интеллигенція,—предоставлено было собираться, чтобы давать всѣмъ дѣламъ и затѣямъ правительства впередъ уже обезпеченную санкцію.

Правленіе князя Милана было очень неудачное и вредное. Молодой князь долго не слушалъ совѣтовъ добрыхъ патріотовъ и не охотно присоединился къ народному движенію за освобожденіе въ 1876 г. во время первой войны, начатой Черняевымъ и русскими добровольцами, и также неохотно рѣшился онъ впослѣдствіи на совмѣстныя дѣйствія съ Россіей противъ турокъ и то лишь послѣ паденія Плевны.

Будучи недоволенъ Свято-стефанскимъ договоромъ, Миланъ послѣ Берлинскаго мира (1878) совсѣмъ перешелъ на сторону Австріи, которая враждебными Россіи происками Европы введена на Балканскій полуостровъ для занятія и правленія Босніею и Герцеговиною, что и было главнымъ зломъ для славянъ. Съ того времени Австрія представляетъ на Балканскомъ полуостровѣ своего рода „Wacht am Balkan" на радость враговъ славянской Россіи.

Когда заключенъ былъ (1879) союзъ между Австро-Венгріей и Германіей, а послѣ и съ Италіей, Миланъ примкнулъ вполнѣ, вмѣстѣ съ румынскимъ королемъ, къ тройственному союзу. Между тѣмъ, во внутренней политикѣ въ 1880 году выросли на бѣду князю Милану опасныя сербскія политическія партіи либераловъ и радикаловъ, которыя были недовольны его правленіемъ. Тогда Миланъ призвалъ къ правленію сербскихъ западниковъ и австрофиловъ Пирочанца и Гарашанина, предводителей напредняковъ (прогрессистовъ), партіи стремящейся прямо и открыто къ подражанію Западу, къ наполеоновскому абсолютизму внутри страны и къ тѣсному союзу съ сосѣдкою Австро-Венгріею во внѣшней политикѣ.

Въ 1882 г. Сербія была провозглашена независимымъ королевствомъ и въ 1883 г. назначенъ въ Бѣлградъ австро-венгерскимъ посланникомъ графъ Кевенгиллеръ-Мечь, весьма ловкій и опытный дипломатъ, съ которымъ король Миланъ скоро подружился. Его слушали напредняки какъ оракула и въ отношеніи дѣлъ сосѣдней Босніи и Герцеговины. Тогда же заключенъ былъ съ Австріею невыгодный для Сербіи торговый договоръ. Скоро всѣми экономическими интересами Сербіи овладѣли иностранцы-австрійцы въ качествѣ арендаторовъ, монополистовъ и эксплоататоровъ. Даже православная церковь не была оставлена въ покоѣ. Маститый митрополитъ Михаилъ, защищавшій церковные законы и права отъ вмѣшательства свѣтскихъ властей, былъ гонимъ, смѣщенъ и замѣщенъ неканоническимъ архіереемъ, рукоположеннымъ въ Австріи, что глубоко огорчало православный сербскій народъ.

Такое положеніе, доходившее въ сущности до вассальнаго отношенія къ Вѣнѣ, произвело громкій ропотъ въ народѣ, который черезъ своихъ представителей въ народной скупщинѣ рѣзко протестовалъ отъ такого насильственнаго и возмутительнаго порядка вещей. Представители народа, вышедшіе при выборахъ изъ его среды и желавшіе кореннымъ образомъ измѣнить весь этотъ невыносимый и ненавистный народу порядокъ напредняковъ,—названы съ того времени *радикалами*, какъ называется и по сегодня эта чисто народная сербская партія, во главѣ которой стоитъ Никола Петровичъ Пашичъ. Программа, выработанная ихъ главою, требовала пересмотра конституціи 1869 г. въ свободномъ духѣ автономіи общинъ и союза балканскихъ народовъ противъ всякаго чужого вмѣшательства въ дѣла балканскихъ государствъ. Во внѣшней политикѣ радикалы всегда были за тѣсное согласіе съ Россіею по внѣшнимъ вопросамъ и за добрыя отношенія ко всѣмъ остальнымъ державамъ. Эта программа была противна князю Милану, который старался, гдѣ только могъ, притѣснять эту сильно розроставшуюся партію. Опасаясь, что въ

рѣшительную минуту народная милиція могла бы присоединиться къ радикаламъ и произвести возстаніе, Миланъ (въ 1883 году) приказалъ обезоружить милиціонеровъ, вслѣдствіе чего народъ въ Црнорѣцкомъ округѣ возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ его лагерѣ нашлось много радикальныхъ вожаковъ, прибывшихъ туда на помощь изъ Бѣлграда. Возстаніе было скоро подавлено и король Миланъ дѣйствительно „побродилъ по колѣна въ крови радикаловъ", какъ это онъ, надѣвъ свои высокіе ботофорты, пообѣщалъ въ началѣ возстанія. Тогда удалось Милану арестовать до 800 выдающихся радикаловъ, изъ коихъ 94 приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни (между ними Пашичъ, Таушановичъ, Велимировичъ, и проч.) и 20 изъ нихъ было дѣйствительно казнено; 63 радикала были приговорены къ пожизненной тюрьмѣ, а остальные до 600 радикаловъ — приговорены къ многолѣтнимъ тюремнымъ заключеніямъ.

Милану, какъ мнимому побѣдителю надъ ненавистными радикалами, захотѣлось еще военной славы. По совѣту графа Кевенгиллеръ-Меча, Гарашанинъ, тогдашній министръ-президентъ, выдумалъ новое равновѣсіе балканскихъ народовъ, которое было, по его мнѣнію, пловдивскимъ возстаніемъ нарушено болгарами въ ущербъ сербскихъ интересовъ. Миланъ, покорный повелѣніямъ и совѣтамъ политики тройственнаго союза, съ легкимъ сердцемъ предпринялъ войну съ Болгаріею, которая тогда еще не входила въ сферу австрійскаго вліянія. Вмѣсто того, чтобы направить свое завоеваніе къ югу для пріобрѣтенія Косова-Поля и Старой Сербіи, онъ направилъ свой походъ по софійскому шоссе въ глубь Болгаріи и нашелъ скоро тамъ свой Седанъ въ сраженіяхъ при Сливницѣ и Пиротѣ, который отъ него отняли храбрыя болгарскія войска. Но тутъ Миланъ опять былъ спасенъ своимъ совѣтникомъ графомъ Кевенгиллеръ-Мечомъ, который держалъ рукою Австріи-покровительницы болгарскихъ побѣдителей отъ дальнѣйшаго похода въ Сербію.

Этотъ непростительный походъ и полная неудача Милана были наруку вѣнскому кабинету, но зато на всегда подорвали положеніе Милана въ арміи и народѣ, который именно требовалъ жертвы за такую военную неудачу. Самъ Миланъ видѣлъ невозможность удержаться дольше на престолѣ и его стала занимать мысль о томъ, какъ бы приличнѣе уйти.

Воскресшая вновь радикальная партія постепенно усилилась и требовала осуществленія Пашичевой программы, т. е. пересмотра конституціи 1869 г. Миланъ сначала сильно боялся пересмотра „устава", но, въ концѣ концовъ согласился на это, имѣя при этомъ въ виду не столько пользу сербскаго народа, какъ свою грубую личную выгоду—эксплоатировать Сербію въ своихъ личныхъ денежныхъ расчетахъ. Онъ согла-

сился, правда, поневолѣ на требованіе радикаловъ, но эта мнимая личная жертва должна была ему помочь удержать еще нѣкоторое время власть и, покуда ему возможно будетъ, эксплоатировать ее для обезпеченія въ пользу своего сына потрясеннаго престола и права наслѣдства. Кромѣ того, онъ желалъ лишить королеву Наталью, съ которою онъ все не ладилъ, чуть не всякихъ правъ. Но, что для него составляло главную цѣль, это—обезпечить для себя въ силу статьи 70 новой конституціи право, на случай своего отреченія отъ престола, назначить такихъ послушныхъ и лично преданныхъ и обязанныхъ ему регентовъ, черезъ которыхъ онъ могъ-бы какъ и прежде, управлять дѣлами Сербіи по своему собственному благоусмотрѣнію, хотя бы изъ за границы.

Скупщина, выработавши опять основныя права народа по своему пониманію, согласилась на всякія желанія Милана, приняла уставъ (конституцію) этотъ en bloc, и Сербія получила 22 дек. 1888 г. свой второй, радикальный уставъ.

Скоро послѣ того 22 февр. 1889 г. король Миланъ отказался отъ престола въ пользу своего 13-лѣтняго сына, назначивъ регентство трехъ лицъ, Ристича и генераловъ Кости Протича и Белимарковича, т. е. временныхъ замѣстителей своей власти, что тогда мало кто понялъ.

Регентство принуждено было послѣ выборовъ въ народную скупщину призвать къ правленію радикаловъ, подъ которыми Сербія, послѣ отъѣзда Милана изъ Сербіи, стала мало-по-малу поправляться послѣ столь жестокой семилѣтней борьбы радикаловъ съ Миланомъ, съ напредняками, и съ либералами. Сербія вновь стала заниматься собственною культурною работою и выходить изъ своего недобровольнаго застоя. Въ странѣ водворенъ былъ законный порядокъ, развитіе конституціонныхъ правъ продолжалось, и устройство самоуправленія сербскихъ общинъ осуществилось. Во внѣшней политикѣ возстановлены самыя дружескія отношенія съ давнею покровительницею Сербіи — Россіею, и съ Черногоріей возстановлено братское согласіе и взаимное довѣріе, котораго между этими родными государствами не существовало съ кончины князя Михаила.

Сербской церкви возвращенъ митрополитъ Михаилъ и съ нимъ прежній церковный канонический порядокъ, и народное просвѣщеніе стало вновь развиваться рука-объ-руку въ согласіи съ церковью въ чистомъ духѣ православія и славянской взаимности.

Финансовое положеніе страны стало исправляться новыми источниками производительныхъ силъ и усиленіемъ доходовъ. Монополіи табаку и соли и желѣзныя дороги отняты у иностранцевъ-эксплоататоровъ и составили регалію правительства. Развитіе военныхъ силъ поручено до-

бросовѣстнымъ спеціалистамъ и тщательному вниманію радикаловъ, чтобъ оно не страдало отъ сбереженій, требовавшихся по всѣмъ статьямъ бюджета. Россія, всегда столь благосклонная къ нуждамъ Сербіи, вновь стала принимать сербскихъ офицеровъ для высшаго военнаго образованія въ свои академіи, гдѣ они знакомятся съ военнымъ духомъ и дисциплиною славной русской арміи и даже въ отношеніи военныхъ запасовъ—ружей неотказано братскою Россіею сербскому народу, благодарному своей естественной покровительницѣ. Въ короткое время съ 1888 по 1893 годъ Сербія къ общему удивленію значительно исцѣлила свои раны, такъ, что многіе изъ умѣренныхъ напредняковъ и либераловъ стали явно сочувствовать патріотическому правленію радикаловъ. Единственнымъ препятствіемъ общему порядку и общественному миру были время отъ времени повторявшіеся происки Милана изъ за-границы, оказывавшіе давленіе на регентство и сказывавшіеся во многихъ личныхъ и мелочныхъ отношеніяхъ: то во внѣшней политикѣ Сербіи относительно Австріи, то въ устройствѣ военнаго дѣла, то, главнымъ образомъ, по поводу несчастнаго бракоразводнаго дѣла Милана съ королевою Наталіей, во взаимныхъ скандальныхъ обвиненіяхъ Милана съ Гарашаниннымъ, Натальи съ Ристичемъ, и въ печальной исторіи отношеній пустаго кармана Миланова съ бережливымъ кабинетомъ радикаловъ. Надо было наполнить карманы Милана и получить отъ него, кромѣ отреченія отъ престола, еще добровольное и торжественное отреченіе отъ правъ члена королевскаго дома, отъ сербскаго подданства, и обязательство никогда больше не возвращаться въ Сербію. За хорошую сумму золота на все это согласился Миланъ собственноручнымъ заявленіемъ 30 сент. 1891 г., что и было съ полнымъ удовольствіемъ принято регентствомъ, внесено для узаконенія въ народную скупщину, утверждено и провозглашено регентствомъ какъ законъ 31 марта 1891 года. Королева Наталья также должна была въ патріотическомъ интересѣ полнаго успокоенія страны, также на время принести, со своей стороны, необходимую жертву — оставить Сербію до совершеннолѣтія своего сына.

„Графъ Такова“—какъ отнынѣ назывался бывшій король Миланъ—долженъ былъ на долго, если не навсегда отказаться отъ своихъ прежнихъ плановъ, касавшихся какъ его личнаго интереса, такъ и выгодъ его покровительницы Австро-Венгріи. Онъ принужденъ былъ отложить на неопредѣленное время свою месть за Сливницу и убѣдиться, что онъ проигралъ все: свой престолъ, королеву, связь съ королевскимъ домомъ, сербское гражданство, отечество и прямое вліяніе на воспитаніе своего сына. Но и жизнь его, и игра въ карты, которой онъ отдался, не текла пріятно. Скандальныя приключенія, проигрыши, долги, насмѣшки буле-

вардной парижской прессы надъ его привычками, и слухи изъ Бѣлграда, что тамъ, подъ радикалами, все идетъ благополучно, пробудили въ немъ новую ненависть къ нимъ и онъ сталъ вновь вмѣшиваться въ дѣла Сербіи. Какъ азартный игрокъ, онъ заинтересовалъ Ристича и его партію либераловъ, которая безъ насилія и переворота не имѣла уже надежды достичь власти законнымъ или парламентскимъ путемъ.

Послѣ внезапной кончины одного регента, генерала Протича, (14 августа 1892 г.) радикалы хотѣли выбрать на это мѣсто Пашича или генерала Савву Грунча, но на это Ристичъ не хотѣлъ никоимъ образомъ согласиться и далъ себя увлечь въ своемъ неотвѣтственномъ положеніи регента къ разнымъ нарушеніямъ конституціи, за что министерство Пашича не могло принять отвѣтственность и было вынуждено просить его объ отставкѣ (9 августа).

Регентство, въ постоянномъ согласіи съ Миланомъ въ Парижѣ, уже заблаговременно имѣло приготовленный либеральный кабинетъ Авакумовича-Рибарца, который не имѣлъ другой задачи, какъ продолжать дѣла Сербіи съ того мѣста, на которомъ они остановились 22 февр. 1889 г. Либеральный кабинетъ этотъ взятъ былъ не изъ большинства скупщины, а просто составленъ для того, чтобы Милану возвратить черезъ этотъ переворотъ проигранную имъ королевскую власть. Все это получило благовидную окраску въ видѣ „апелляціи къ народу“. Новый либеральный кабинетъ приступилъ къ безоглядному варварскому преслѣдованію радикаловъ подъ дуумвиратомъ Ристича и Велимарковича.

Но новые выборы въ народную скупщину показали, что народъ сербскій не одобряетъ этой попытки либеральнаго министерства управлять по желанію Милана его и регентства. Въ Сербіи водворились анархія и хаосъ, насилія, угрожавшія совершенно подорвать существованіе конституціи и безопасность престола, и все это творилось именемъ молодаго короля Александра!

Графъ Такова убѣдился, что успѣхъ такихъ насильственныхъ затѣй долѣе невозможенъ, и рѣшился отложить свои замыслы и планы до другаго времени и имъ выдуманъ былъ новый планъ дѣйствій. 1 апрѣля 1894 г. сыграна въ бѣлградскомъ конакѣ новая безкровная трагедія. Регенты и министры были арестованы за столомъ молодаго короля, который, провозгласивъ себя совершеннолѣтнимъ, обнародовалъ манифестъ къ народу: „отъ сего дня конституція (съ 1888 года) вступаетъ въ полную силу и дѣйствіе“.

Все это удалось разыграть искусно, безъ малѣйшаго промаха, какъ на театральной сценѣ. Къ сожалѣнію, все это была только комедія, а не искреннее покаяніе великаго грѣшника и экспериментатора на тѣлѣ

сербскаго народа. Въ обманъ этотъ вовлечены нетолько наивные радикалы, но также и молодой король, а отчасти и напредняки.

Правленіе, правда, было опять предоставлено радикаламъ, имѣвшимъ изъ числа 134 депутатовъ въ народной скупщинѣ 123 голоса.

Скупщина обвиняла либеральныхъ министровъ и отдала ихъ подъ судъ. Радикальныя министерства Докича и Грунча служили графу Такова только новымъ этапомъ къ давно намѣченной цѣли — реставраціи его королевской власти.

Внѣшнія обстоятельства были всему этому довольно благопріятны. Австрія черезъ Кобурга и Буріана управляла Болгаріею и утвердила свое владычество въ Босніи и Герцеговинѣ, даже и въ Черногорію стали проникать ея прописки. Нужно было только по ея планамъ удалить изъ Сербіи радикаловъ, чтобы подвести и Сербію безропотно подъ австрійское иго.

Послѣ совѣщаній графа Такова съ графомъ Кевенгиллеръ-Мечомъ, уже австрійскимъ посланникомъ въ Бельгіи, графъ Такова вдругъ неожиданно 9-го января 1894 г. появился въ Бѣлградѣ. Министерство Грунча, которому молодой король сообщилъ, что онъ самъ пригласилъ своего отца безъ вѣдома правительства, подало въ отставку, которая была немедленно принята.

Графъ Такова взялъ смѣло дѣла Сербіи въ свои руки, назначилъ подъ предсѣдательствомъ Симича податливый себѣ „нейтральный“ будто бы кабинетъ, чтобы слишкомъ не напугать сербовъ до тѣхъ поръ, покуда не найдетъ рѣшительныхъ борцовъ за возстановленіе полнаго абсолютизма подъ его собственной ферулой. Молодому королю предоставлена была миссія подчиняться волѣ отца.

Для обвиненія радикаловъ и для оправданія насильственныхъ мѣръ, выдуманъ былъ заговоръ противъ династіи, отъ котораго нужно было будто ее спасать личнымъ прибытіемъ Милана въ Бѣлградъ, куда ему въѣздъ былъ закономъ воспрещенъ. Молодой король оказался послушнымъ сыномъ своего отца, довольствовавшимся тѣмъ, что давалъ свою подпись нужнымъ для того указамъ.

Роль Симича, какъ министра-президента, была скромна; она состояла въ томъ, чтобы быть послушнымъ исполнителемъ на нѣкоторое время воли своего государя и его распорядительнаго папаши. Когда пришло время дѣйствовать противъ радикаловъ, честный Симичъ не былъ уже желательнымъ министромъ-президентомъ. Онъ долженъ былъ согласиться на амнистію обвиняемаго радикалами либеральнаго кабинета, чѣмъ прямо и грубо нарушалась конституція. Добрый Симичъ, зная,

какое общее омерзеніе произвели дѣла Сербіи въ Россіи, старался удалиться отъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что русская печать единодушно осуждала сербскіе перевороты. Россія даже не хотѣла слышать никакихъ объясненій о необходимости пріѣзда Милана и послѣдовавшихъ послѣ того событій въ Сербіи, и особенно тогда, когда и сербскіе епископы вмѣстѣ съ митрополитомъ нашли возможнымъ выражать полное свое довѣріе и свою преданность новому курсу въ Сербіи на аудіенціи у короля.

На мѣсто Симича вступилъ кабинетъ Свѣтомира Николаевича (22-го марта), бывшаго прежде уже и радикаломъ, и напреднякомъ, и либераломъ, и сдѣлавшагося теперь преданнымъ приверженцемъ экскороля Милана.

Новый министръ-президентъ, бывшій профессоръ, оказался ревностнымъ поклонникомъ масонства и самъ принадлежа къ Буда-Пештской ложѣ,—распространяетъ его въ Сербіи вмѣстѣ съ Андромъ Георгіевичемъ товарищемъ его по министерству. Николаевичъ поклонникъ англійскихъ учрежденій и ярый сторонникъ западничества въ Сербіи и по литературѣ и по политикѣ. Развитіе дѣлъ подъ этимъ новымъ кабинетомъ въ духѣ Милана принимало уже болѣе опредѣленный характеръ. Органы церковные стали уже защищать значеніе масонства и „несмѣняемые по конституціи“ судьи смѣнялись за защиту конституціонныхъ постановленій и замѣнялись уже указами полицейскихъ властей. Всѣ дѣла Сербіи поставлены вверхъ ногами.

Съ 9-го января по 9 мая прошло четыре мѣсяца и одновременно съ провозглашеніемъ кассаціоннымъ судомъ незаконности королевскаго указа отъ 17 апрѣля вдругъ Бѣлградъ встревоженъ выдуманнымъ заговоромъ приверженцевъ династіи Карагеоргіевичей противъ Обреновичей, произведены аресты и подвергнуты преслѣдованію ни въ чемъ неповинные нѣкоторые вожаки радикаловъ.

Все это только было предлогомъ для новаго государственнаго переворота, которымъ отмѣнена была, наконецъ, конституція отъ 22-го декабря 1888 года и замѣнена хартіею регентовъ отъ 29-го іюня 1869 года. Это былъ въ короткое время уже четвертый государственный переворотъ, измѣнявшій кореннымъ образомъ весь строй правленія и подвергавшій основныя учрежденія государства, какъ-то: народную скупщину, государственный совѣтъ, государственный контроль, кассаціонный и апелляціонный судъ и общинное управленіе, коренному преобразованію въ смыслѣ негодной устарѣвшей хартіи 1869 года, построенной на совершенно другихъ политическихъ основаніяхъ, которыми уничтожаются всѣ основныя права и свобода сербскихъ гражданъ, какъ: свобода выборовъ, свобода печати, свобода сходокъ и общинная автономія.

Сербскій народъ смотрѣлъ на это все, пожалуй, какъ на опыты сумасшедшаго, но Миланъ все еще вѣритъ въ свою звѣзду и не смущается. Сербія служитъ ему теперь уже ничѣмъ инымъ, какъ только экспериментомъ для наполненія его пустыхъ кармановъ, для упражненія его разстроенныхъ нервовъ и удовлетворенія новыхъ и новыхъ прихотей. Другой высшей цѣли въ его дѣйствіяхъ и стремленіяхъ нѣтъ! Идея великой Сербіи вполнѣ забыта. На стражѣ этой идеи стоитъ теперь одна Черногорія съ авторомъ „Пѣсникъ и Вила“.

Послѣ этой главной цѣли—отмѣны радикальной конституціи, одобренной великою скупщиною—и министръ-президентъ Свѣтомиръ Николаевичъ сдѣлался совершенно лишнимъ Миланову личному режиму и призванъ къ абсолютному управленію Сербіею кабинетъ Николы Христича, который прежде неоднократно выручалъ Милана въ критическихъ затрудненіяхъ, какъ во-время Топольской и Зайчарской смутъ, при составленіи конституціи 1888 г. и отреченіи Милана отъ престола и его обязательномъ удаленіи навсегда изъ Сербіи.

При Христичѣ, прозванномъ населеніемъ „желѣзнымъ капраломъ“, преслѣдованіе радикаловъ продолжалось и процессъ Чебинца обставленъ былъ нѣкоторымъ наружнымъ эффектомъ, хотя въ народѣ никто невѣрилъ, будто бы династіи Обреновичей дѣйствительно угрожала опасность со стороны наслѣдниковъ перваго верховнаго вождя, славнаго героя—Кара-Георгія. Процессъ самъ въ его подробностяхъ съ практической и юридической стороны не обнаружилъ ничего и послѣдовавшіе все-таки приговоры доказали только истину словъ, сказанныхъ претендентомъ на сербскій престолъ, княземъ Петромъ Карагеоргіевичемъ: „Намъ совершенно ненужно никакихъ агентовъ и агитацій противъ Обреновичей, нашъ лучшій агентъ и агитаторъ въ Сербіи—это король Миланъ!“

Въ послѣднее время въ Сербіи оппозиціонныя партіи радикаловъ, либераловъ и отчасти и напредняковъ въ настоящемъ безнадежномъ положеніи дѣлъ и при бѣдственномъ положеніи финансовъ, убѣдились, наконецъ, что нужно позабыть разныя партійныя дрязги, а что необходимо, для спасенія Сербіи, соединиться всѣмъ партіямъ въ одну патріотическую оппозицію или *въ одну народную партію* съ цѣлью, немедленнаго возстановленія конституціи 1888 года, такъ какъ уже время покончить навсегда съ безпрерывными и безполезными экспериментами, освободить Сербію изъ ея хаотическаго состоянія возстановленіемъ твердой конституціонности и законности, этого единственно надежнаго базиса истиннаго преуспѣянія сербскаго народа. Это особенно необходимо для того, чтобы укрѣпить въ сербскомъ народѣ потрясенное послѣдними переворотами династическое и монархическое чувство.

При полномъ согласіи короля съ народомъ сербская династія не будетъ нуждаться въ продолженіи конвенціи съ Австро-Венгріей, заключенной съ цѣлью будто бы поддержки Обреновичей на сербскомъ престолѣ.

Если, наконецъ, конституціонныя учрежденія и законность пустятъ вновь болѣе глубокіе корни въ государственной жизни Сербіи и правители народа будутъ избираемы изъ большинства сербской не подтасованной народной скупщины, то, разумѣется, само собой прекратятся также и частыя перемѣны сербскихъ представителей именно въ славянской родной странѣ—въ Россіи, гдѣ въ короткое время независимости сербскаго государства—въ 17 лѣтъ перемѣнилось девять посланниковъ: Протичъ, Хорватовичъ, Груичъ, Симичъ, Петроніевичъ, Пашичъ, два раза Васильевичъ и теперь Михайловичъ, изъ которыхъ лишь два—Петроніевичъ и Михаловичъ не принадлежали ни къ какой политической партіи. Всѣ эти перемѣны происходили напрасно, безъ всякой государственной или народной необходимости, очевидно—только какъ результатъ частыхъ перемѣнъ сербскихъ кабинетовъ, желавшихъ имѣть при русскомъ императорскомъ дворѣ самыхъ лучшихъ и преданныхъ толкователей и защитниковъ своей правительственной системы. *Но для Россіи внутренная политика Сербіи всегда будетъ безразлична, лишь бы она только дѣйствительно отвѣчала справедливымъ желаніямъ и истиннымъ нуждамъ и пользамъ Сербскаго народа и государства.*

Письмо изъ Сербіи.

Нишъ. 22 февраля 1895 г. Городъ Нишъ построенъ на рѣкѣ Нишавѣ и слыветъ мѣстомъ рожденія Константина Великаго. Мѣсто довольно населенное (20,000 жит.), улицы съ ламповымъ освѣщеніемъ—правильны только во вновь отстроенной части, а въ той части города, которая осталась отъ времени турокъ, имѣютъ видъ просто лабиринта, изъ котораго неопытному довольно трудно выбраться. На правой сторонѣ Нишавы—крѣпость, основаніе которой положили еще римляне. Въ срединѣ города красуется громадный съ 5 куполами соборъ. Внутренность собора далеко не отвѣчаетъ его наружности: все въ немъ просто, чтобы не сказать бѣдно: все говоритъ о томъ времени, когда нельзя было и строить храмовъ, а не то что украшать ихъ. Большой недостатокъ представляетъ отсутствіе соотвѣтственнаго собору колокола, придающаго столько красоты собору и вносящаго столько жизни въ самый городъ. Впрочемъ, это, можетъ быть, мнѣ кажется потому, что я привыкъ къ торжественному гулу русскихъ колоколовъ... Въ городѣ есть театръ и нѣсколько чисто европейскихъ гостинницъ. Населеніе и говоритъ нечего—сербское. Я удивляюсь только, до чего можетъ доходить политическое нахальство, когда нѣкоторые причисляютъ здѣшнее населеніе къ болгарамъ! Это такая неправда, которая возмутитъ всякаго, кто только побываетъ на мѣстѣ.—Окрестности Ниша очень живописны. Городъ расположенъ въ полѣ, окаймленномъ горами. Въ разстояніи около версты отъ города находится военная больница, а вблизи ея находится знаменитая «челе-кула» (башня изъ головъ), основаніемъ которой послужили сербскія кости, стѣны же воздвигнуты изъ сербскихъ головъ. Этотъ удивительный памятникъ турецкихъ нравовъ имѣетъ форму пирамиды. Въ самое послѣднее время головы за нѣсколькими исключеніями были вынуты и похоронены, такъ что теперь остался только остовъ пирамиды, надъ которымъ теперь почти уже выстроенъ настоящій памятникъ, имѣющій видъ часовни, заключающій подъ своими сводами самую «челе-кулу». Памятникъ этотъ воздвигнутъ въ честь воеводы Синджелича, который погибъ въ 1809 году на этомъ мѣстѣ съ 3,000 возставшихъ за народную свободу. Изъ костей этихъ-то витязей и позднѣе казненныхъ выстроена «челе-кула».

Особенно пріятно поразило меня то, что въ Нишѣ я нашелъ, такъ-называемый, «русскій кружокъ», членами котораго состоятъ лучшіе люди изъ общества, въ томъ числѣ и военные. Основная цѣль учредителей этого кружка состоитъ въ томъ, чтобы пріохотить сербское образованное общество къ произведеніямъ русской словесности и ознакомить съ русскимъ языкомъ, познакомить сербское общество непосредственно съ русской литературой, съ которою до сихъ поръ по большей части сербы знакомились по нѣмецкимъ и французскимъ переводамъ и, нерѣдко, получали о ней самыя превратныя понятія, какъ и вообще о

русской жизни. Нечего и говорить, что первые шаги были и самыми трудными. Какъ и всегда, въ такихъ случаяхъ нужны средства, напр., для найма помѣщенія, его содержанія, выписки журналовъ, книгъ и пр. Однако, къ чести его учредителей и благодаря просвѣщенной отзывчивости нѣкоторыхъ редакцій, удалось достичь того, что «кружокъ» не только отстоялъ свое существованіе въ теченіе 4 лѣтъ, но и привлекъ значительное число новыхъ членовъ. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что подобный кружокъ, возникшій было въ Бѣлградѣ, къ сожалѣнію прекратившій свое существованіе, указываетъ, что знакомство сербскаго общества съ Россіей вступаетъ на болѣе дѣловой, правильный путь, а не ограничивается уже тѣми туманными и фантастическими представленіями, дающими поводъ однимъ проклинать «все и вся» русское, а другимъ напротивъ—видѣть все въ розовомъ свѣтѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ—крайности остаются крайностями и нежелательны. Какія бы ни дѣлались попытки къ устраненію подобныхъ крайностей, ни одна, мнѣ кажется, не можетъ принести столько пользы дѣлу взаимопознанія, какъ основаніе подобныхъ кружковъ. — Нужно было посмотрѣть, какъ удивился Славянскій, который недавно здѣсь концертировалъ, когда онъ нашелъ въ Нишѣ цѣлое общество, въ которомъ могъ свободно разговаривать порусски. Неизвѣстно, кто кѣмъ больше интересовался: Славянскій-ли сербами и ихъ русской рѣчью, или сербы Славянскимъ и его хоромъ. Одно скажу, что обѣ стороны были очень довольны. «Кружокъ» имѣетъ читальню и библіотеку. Первая находится въ удовлетворительномъ состояніи, такъ какъ многія газеты получаются безплатно. Къ сожалѣнію, безплатно получаются только газеты политическія, а такъ какъ у насъ политикой можно хоть прудъ прудить, то отсутствіе такихъ журналовъ, какъ «Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ», «Вѣстникъ Воспитанія» и др. составляетъ существенный пробѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельную потребность для кружка. Этотъ недостатокъ тѣмъ ощутительнѣе, что библіотека кружка находится въ зачаточномъ состояніи. Изъ русскихъ авторовъ удалось пока пріобрѣсти только сочиненія Пушкина, да еще десятка 3—4 разныхъ книгъ, отчасти купленныхъ, отчасти подаренныхъ, между прочимъ, и Славянскимъ обществомъ. Толстой-же, Достоевскій, Лермонтовъ, Гончаровъ и пр. остаются для библіотеки кружка—pium desiderium.

М. Ж.

Страшная казнь

Герцеговинская быль.

(Записанная Вукомъ Врчевичемъ).

I.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ всѣ домашніе улеглись и спали. Не спалъ только Тодоръ Іоковъ. Онъ курилъ трубку, а жена его—Марія пряла у очага куделю. Оба молчали, погруженные въ свои мысли. Тодоръ, очевидно, желалъ о чемъ-то говорить; Марія — тоже, если-бы только не боялась мужа. Запѣли вторые пѣтухи. Наконецъ, Марія, видя, что отъ мужа не добьешься ни слова и что все-таки онъ не укладывается спать, сама спросила его:

— «Можно-ли тебя, Тодоръ, спросить кое-о-чемъ?»

— «Конечно! почему-же нѣтъ?»

— «Отвѣтилъ-ли тебѣ что-нибудь Степанъ Ильинъ на счетъ своей дочери, которую ты сваталъ черезъ кума Николу за нашего сына Милутина? Если-бы ты сваталъ ее и у самого короля, долженъ-бы былъ уже отвѣтить что-нибудь одно: да или нѣтъ!»

— «Что правда, то правда, жена!.. Отвѣтилъ Тодоръ. Но дѣло въ томъ, что каждый отецъ, когда сватаютъ его дочь, гордится, и чѣмъ онъ дольше медлитъ съ отвѣтомъ, тѣмъ это кажется для него почетнѣе; съ другой стороны, справедливо говорится: кого приходится просить, того не слѣдуетъ сердить. Впрочемъ, на этой недѣлѣ я снова дамъ ему знать, что пора это дѣло кончить»...

— «Да поможетъ тебѣ въ этомъ Богъ! Милутина давно-бы пора женить; осень у порога, и если мы теперь его не женимъ, то когда-же потомъ? Чѣмъ скорѣе отпразднуемъ его свадьбу, тѣмъ лучше! Онъ намъ родной и, конечно, совѣстится напомнить, хотя и недоумѣваетъ, почему мы его не женимъ. Милутинъ знаетъ дѣвушку, а та его: они часто видятся; отъ насъ до Степанова дома пуля долетитъ. Кромѣ того, мнѣ сдается, что они настолько слюбились, что не могутъ и жить другъ безъ друга. Я слышала какъ-то отъ нашей кумы, что мать охотно согласится, но, ради Бога, ты не теряй времени: опасно держать рядомъ огонь и порохъ!»

«Слова Маріи почему-то глубоко запали въ душу Тодора: его вниманіе было обращено не столько на доводы Маріи, сколько на ту настойчивость, съ которою она уговаривала его—не опоздать съ женитьбой сына, при чемъ даже прибавила: «ради Бога»! Онъ

всталъ и пошелъ спать; но на зарѣ не спится. Поднявшись снова, онъ позвалъ жену, чтобы та развела огонь и приставила кофейникъ.

Все это происходило до разсвѣта; затѣмъ онъ прямехонько направился къ куму Николѣ и упросилъ его навѣдаться къ Степану: думаетъ-ли тотъ согласиться или нѣтъ.

Тотчасъ-же послѣ обѣда Никола пошелъ къ Степану. Тотъ принялъ его обычно, по-пріятельски, и, крикнувъ хозяйку, велѣлъ ей попотчивать гостя водочкой. Никола поблагодарилъ и, безъ обиняковъ, приступилъ къ дѣлу: — «Спасибо, спасибо, кумъ! Только я не прежде стану пить, чѣмъ передамъ тебѣ то, что привело меня сюда. Мой кумъ — Тодоръ Іоковъ проситъ, чтобы ты сегодня отвѣтилъ, желаешь-ли ты породниться съ нимъ, выдавъ свою дочь за его сына, о чемъ я говорилъ тебѣ прошлымъ лѣтомъ по просьбѣ Тодора? — Если изъ этого можетъ выйти толкъ, то дай Богъ, чтобы все было счастливо, какъ для твоего, такъ и для его дома! Если-же этому несуждено быть, то пусть между вами остается все попрежнему: ты выдашь свою дочь за другого, а Тодоръ поищетъ для сына другую дѣвушку. Во всякомъ случаѣ, знай, что Тодоръ нынѣшней осенью хочетъ послать по дѣвушку сватовъ. Тебѣ не безъизвѣстно, братецъ мой, какъ Тодору трудно обходиться безъ женщины въ домѣ: хозяйство большое, дѣла много; парень назрѣлъ, какъ колосъ, а твоя дочь расцвѣла, какъ роза! Она родилась не для того, чтобы состариться въ твоемъ домѣ, но чтобы составить другому счастье, — такъ ужь это Богомъ дано! Теперь подумай, что мнѣ сказать отъ твоего имени Тодору? Онъ ждетъ твоего отвѣта, у меня дома; — пожалуйста, не задерживай меня!»

Степанъ подумалъ и отвѣтилъ:

— «Передай отъ меня Тодору мой поклонъ и скажи, что я крайне удивляюсь его поспѣшности: если осень коротка, то цѣлый годъ впереди! Я знаю, что у него въ дому нѣтъ помощниковъ и что ему пора женить сына. Но, хоть я, съ своей стороны, и согласенъ, все-таки мнѣ необходимо повидаться съ братьями и родственниками, чтобы сообща потолковать объ этомъ дѣлѣ. Хотя Милица и моя дочь, но каждому изъ моего рода есть до нея дѣло. А потомъ я тебѣ дамъ отвѣтъ. Теперь-же, прибавилъ Степанъ, выпьемъ по рюмкѣ и чѣмъ-нибудь закусимъ.»

— «Водочки—выпью, а что касается до обѣда — спасибо: я уже обѣдалъ», отвѣтилъ Никола.

Выпивши по одной — за дружбу, по другой — за братскую любовь и по третьей — за общее благополучіе, Никола сталъ прощаться: «такъ оставайся съ Богомъ, любезный кумъ! Спасибо на оказанной чести и дружбѣ! Дай Богъ, снова свидѣться намъ въ добромъ здоровьи!»

Никола возвратился домой очень довольнымъ собою; онъ не замедлилъ передать Тодору отъ слова до слова свой разговоръ со Степаномъ Ильинымъ.

Это извѣстіе очень обрадовало Тодора; снявъ шапку, онъ обратился къ Николѣ: «Вотъ какое спасибо тебѣ, дорогой куманекъ! Только я ужь тебя прошу потрудиться — дня черезъ два-три снова повидать Степана: если для него ничего не стоитъ ждать, то для меня это очень тяжело.»

Послѣ этого Тодоръ возвратился домой. Расположившись у очага, онъ надвинулъ шапку на самыя брови, закурилъ трубку и погрузился въ думы. — Марія посматривала на мужа, очевидно, желая узнать, съ какою цѣлью утромъ приходилъ кумъ Никола, да все боялась полюбопытствовать. Прошелъ добрый часъ, пока она рѣшилась нарушить молчаніе: «Можно-ли, Тодоръ, спросить тебя, зачѣмъ сегодня приходилъ къ намъ кумъ Никола? Если онъ приходилъ по дѣлу сельскому,—до меня это не касается, но если—по нашимъ домашнимъ дѣламъ, — скажи и мнѣ, въ чемъ дѣло: хоть я и женщина, все-же я—твой вѣнчанный другъ!»

Не отнимая чубука отъ губъ, Тодоръ смѣрилъ взглядомъ жену съ головы до ногъ и сердито произнесъ:

— «Помолчи! Не мѣшайся не въ свое дѣло! Знай свое хозяйство и прялку! Ишь вѣдь! Женамъ непремѣнно нужно знать все то, что и мужья знаютъ?!. Не такъ-ли? — Анъ нѣтъ! не угадала! Потерпи: Вѣдь ты не на сносѣ!—Не узнаешь осенью, такъ узнаешь весной!..»

II.

Степанъ торопился поскорѣе исполнить обѣщаніе, данное Николѣ. Призвавъ своего старшаго брата, дядю и двухъ родственниковъ, онъ сообщаетъ имъ о томъ, какъ Никола Поповъ приходилъ сватать его дочь Милицу за сына Тодора Іокова, и что послѣдній требуетъ немедленнаго отвѣта: да или нѣтъ?.. «Я позвалъ васъ и спрашиваю, отдать-ли ему дѣвушку или нѣтъ... Вы хорошо знаете Тодора и Милутина: домъ извѣстный, и по хозяйству первый въ нашемъ околодкѣ. Тодоръ хочетъ непремѣнно получить отвѣтъ до воскресенья. Согласны-ли вы или нѣтъ?..»

Всѣ молчатъ; достаютъ кисеты и набиваютъ трубки табакомъ, спрашивая другъ у друга: нѣтъ-ли у кого огнива, что-бы незвать сюда ребенка или женщину съ огнемъ для трубки. Запалили и курятъ.

Первое слово, какъ старшему по лѣтамъ, принадлежало дядѣ Степана: «Я, съ своей стороны, племянничекъ, отдалъ-бы ему дѣвушку, если только ты и присутствующіе здѣсь не имѣютъ ничего противъ этого»!..

Степанъ, а за ними и другіе подхватили: — «И я тоже! и я!..

Степанъ крикнулъ сына и велѣлъ ему принести водки. Рюмка обошла раза-два кругъ, и они разошлись съ уговоромъ — никому ничего не разсказывать до тѣхъ поръ пока состоится помолвка.

Въ тотъ-же день Степанъ послалъ за Николой и сказалъ ему: «Передай своему куму, а моему будущему зятю — Тодору — пріятельскій привѣтъ и скажи, чтобы онъ въ воскресенье пришелъ къ церкви со старшими родственниками и чтобы принесъ бутыль водки и на ней яблоко. Я тоже принесу водку; тамъ сдѣлаемъ объявку, а затѣмъ назначимъ день, когда быть обрученью!»

Никола такъ обрадовался, что не зналъ, на небѣ онъ или на землѣ; даже рюмки водки не успѣлъ выпить; пятки его такъ и мелькали по направленію къ дому Тодора.

Тодоръ едва завидѣлъ Николу, какъ тотчасъ-же, не давъ ему и присѣсть, встрѣтилъ его вопросомъ: «Ну, что-же?.. волкъ ты или лисица»?

— «Всегда былъ и буду волкомъ!.. Поздравляю тебя съ невѣсткой, а мнѣ—литки!»

Тутъ онъ подробно передалъ слова Степана.

Марія ткала за перегородкой и слышала, что Никола сообщалъ ея мужу. Она быстро отперла сундукъ и, вынувъ оттуда вышитую рубашку и пару пестрыхъ носковъ, поднесла Николѣ, поцѣловавши при томъ его руку. — Но и это невпопадъ! Тодору нужно во чтобы то ни стало показать, что онъ мужъ, а Марія — жена! — «Смотри ты! всюду свой носъ сунетъ! Вздумала вмѣшиваться въ мужскія дѣла?!. Уходи отсюда!.. да приготовь намъ что-нибудь къ обѣду, а въ наши дѣла не суйся — слышишь?»..

Марія подала приготовленный по-праздничному обѣдъ, послѣ котораго Никола удалился во-свояси. Марія хотѣла сообщить что-то мужу, но охватившая ее радость — помѣшала...

III.

Воскресенье не за горами; у Тодора — полна шапка хлопотъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно купить водку, достать яблоко и вложить въ него золотой цехинъ. Нужно пригласить старшихъ родственниковъ и, наконецъ, подумать, какъ и что говорить передъ церковью, гдѣ будутъ слушать попъ и добрые люди.

Разсвѣло и воскресенье. Тодоръ со своими родственниками и водкой направился къ церкви. Уходя изъ дому, онъ строго на строго запретилъ Милутину приходить въ этотъ день къ церкви и встрѣчаться впредь съ Милицей Степановой «подъ страхомъ», прибавилъ онъ, — «срама и бѣды для себя»!

Заутреня отошла, и всѣ приглашенные были на лицо. Попъ первый возвысилъ голосъ: «я полагаю, братцы, что сегодня слѣдуетъ начать обѣдню раньше, такъ-какъ послѣ службы намъ придется пить водку одного изъ нашихъ братьевъ, по случаю помолвки его сына. Такъ не расходитесь послѣ литургіи, чтобы поздравить его съ весельемъ.» Всѣ охотно согласились; попъ началъ службу; большинство съ нетерпѣніемъ ждало конца обѣдни; каждый изъ кожи лѣзъ, чтобы поскорѣе узнать, чья это будетъ помолвка?..

Божественная служба кончилась. Народъ вышелъ изъ церкви и въ ожиданіи попа усѣлся въ кругъ на травѣ. Выходитъ и попъ и садится рядомъ съ капетаномъ (старостой). — Вдругъ на середину выступилъ безъ шапки Тодоръ Іоковъ, держа въ рукѣ бутыль, на ней яблоко, а въ яблокѣ — цехинъ. Онъ подошелъ къ попу и протянулъ ему бутыль: «Вотъ это, батюшка, въ честь твою и всѣхъ окружающихъ. Веселитесь и знайте, что сегодня — помолвка сына моего Милутина и Милицы, дочери Степана Ильина. Далъ-бы только Богъ, чтобы веселье было въ добрый часъ какъ для моего, такъ и для его дома»!

Попъ принялъ и закричалъ: «Гдѣ-же ты, Степанъ Ильинъ?.. Если ты разслышалъ, что говоритъ Тодоръ Іоковъ, то подойди сюда и возьми правой рукой яблоко, а лѣвой водку». Снявъ шапку, Степанъ подошелъ, взялъ и яблоко, и водку. Глотнувши раза три, онъ возвратилъ водку попу, а самъ свою бутыль, убранную пучкомъ цвѣтовъ, протянулъ капетану: «Вотъ и моя водка. г. капетанъ! Кланяюсь ею тебѣ и всему братству»!—Капетанъ подзываетъ Тодора Іокова: «Возьми, Тодоръ, цвѣты и начни бутыль».— Тодоръ взялъ пучекъ и положилъ за пазуху. Затѣмъ, приложившись къ бутыли, возвратилъ ее снова капетану. — Одна бутыль стала переходить изъ рукъ въ руки — направо, начиная съ попа, а другая — налѣво, начиная съ капетана. Каждый пьетъ, приговаривая: «Дай, Боже, чтобы веселье было въ добрый часъ для обоихъ домовъ»!

Расходясь отъ церкви, каждый изъ братства Тодора сдѣлалъ по одному выстрѣлу.

IV.

Кольцо даетъ и уговоръ ведетъ:
Мы свадьбѣ срокъ положимъ черезъ мѣсяцъ,
Я той порою сватовъ наберу,
А дѣвица подарки припасетъ!..
(Изъ народныхъ пѣсенъ).

Тодоръ и Степанъ условились относительно дня, когда сваты должны принести кольцо съ обычными дарами невѣстѣ и другимъ женщинамъ въ домѣ.

Въ назначенный день Тодоръ съ братомъ и дядей,—а для большей торжественности пригласили съ собою и попа, — направились къ дому невѣсты. Степанъ завидѣлъ сватовъ и со своею родней вышелъ имъ на встрѣчу: Привели ихъ въ домъ и усадили. Никто—ни слова: всѣ ожидаютъ, чтобы сваты заговорили первыми. Наконецъ, заговорилъ Тодоръ: «Такъ вотъ, мой новый и счастливый пріятель! Ты, вѣроятно, догадываешься, съ какимъ намѣреніемъ мы потрудились въ сопровожденіи батюшки явиться сюда! Здѣсь теперь какъ разъ обѣ стороны лицомъ къ лицу: выводите сюда невѣсту, чтобы скорѣе кончить дѣло.»

Степанъ: «Все будетъ сдѣлано... Только всему свой чередъ и время! Прежде поздравляютъ, а потомъ пьютъ; сперва жуютъ, а потомъ проглатываютъ. Прежде, чѣмъ вручить дѣвицѣ перстень, ты поставь на столъ рядомъ съ бутылью и дары для невѣсты, а рядомъ съ дарами и придачи, сколько можешь и сколько Богъ тебя надоумитъ. Если я свернулъ съ дороги и требую чего не слѣдуетъ, то уличи меня передъ этими почтенными людьми»!

Тодоръ: «Слыхано-ли дѣло, что-бы кто-нибудь покупалъ или продавалъ товаръ, не видавши его своими глазами! Какъ-же я выставлю водку, дары и яблоко прежде, чѣмъ увижу, стоитъ-ли утруждать сватовъ для той, которая будетъ хозяйничать въ моемъ домѣ?»..

Степанъ: «Ты, пріятель, далеко зашелъ! Я ничего здѣсь не продаю тебѣ за деньги, а ты ничего не покупаешь! Я дарю тебѣ чистое золото не по насилію или неволѣ, но по своей доброй охотѣ!..»

Тодоръ: Коли такъ—вотъ водка, яблоко съ цехиномъ, дары и перстень. Возьми-ка все это, батюшка, благослови и передай кому слѣдуетъ!»

Послѣ этого, чарка стала переходить изъ рукъ въ руки сопровождаемая обычными здравицами.

Степанъ вышелъ и тотчасъ-же возвратился съ дочерью-невѣстой; невѣста сдѣлала поясной поклонъ и поспѣшила поцѣловать руку у попа и остальныхъ сватовъ. Тодоръ передалъ Степану кольцо, которое послѣдній тутъ-же надѣлъ на палецъ правой руки Милицы. Тодоръ протянулъ ей яблоко съ золотымъ цехиномъ, говоря: «Пошли, Господи, всякаго благополучія намъ, невѣстушка! Возьми этотъ, вотъ, подарочекъ и распорядись имъ, какъ знаешь!»

И Степанъ тоже выставилъ свою водку. Осушивъ по рюмочкѣ и закуривъ трубки, всѣ нѣсколько времени помолчали.

Тодоръ спрашиваетъ: «Теперь скажи мнѣ, любезный пріятель, можешь-ли ты снарядить невѣсту до рождественскаго заговѣнья и сколько можешь принять сватовъ?»..

Степанъ: «На счетъ сватовъ договориться нетрудно: отъ 20 до 30 человѣкъ я съ помощью Божьей могу принять, но что касается невѣсты... Я, право, никакъ не могу отпустить ее до заговѣнья, а послѣ Рождества веди ее, когда захочешь, какъ свою собственную. Посуди самъ, положа руку на сердце, легко-ли снарядить дѣвушку, въ чужой домъ? А тутъ еще надо хлопотать— чтобы принять сватовъ!.. Это дѣло, поди, и для тебя нелегкое, а для меня и подавно.»

Братъ Тодора: «Ну, что-же ты молчишь, Тодоръ? Вижу, что отвѣтъ не по тебѣ. Но — мѣсяцъ раньше или позже — все равно. Коли нельзя—такъ нельзя! По моему лучше всего назначить свадьбу въ Ивановъ день, какъ день нашей славы, чтобы—тратиться, такъ ужь за разъ два веселья справить.»

Назначили свадьбу въ Ивановъ день, а число сватовъ — въ 27 человѣкъ.

Пообѣдавши, гости поднялись уходить; Степанъ любезно проводилъ ихъ; сваты, уходя, сдѣлали по выстрѣлу изъ пистолетовъ!

V.

Возвратившись домой, Тодоръ разсказалъ женѣ, что невѣста обручена, и что свадьба отложена до Иванова дня по Рождествѣ.

Вѣсть о томъ, что свадьба отложена на такой долгій срокъ, уязвила Марію въ самое сердце, и она едва удержалась, чтобы не сказать что-то, о чемъ она одна только знала и что глубоко таила въ своей душѣ.

Милутинъ прекрасно зналъ, почему отецъ запретилъ ему встрѣчаться съ Милицей: вѣдь зазорно молодцу видѣться послѣ обрученья съ невѣстой!.. Несмотря, однако, на строгое запрещеніе, Милутинъ нерѣдко сходился въ урочный часъ на условленномъ мѣстѣ со своей невѣстой. Понятное дѣло, что о подобныхъ встрѣчахъ молодыхъ людей, родители всегда узнаютъ послѣдніе, и то тогда, когда уже зло глубоко пуститъ свои корни.

Марія часто остерегала сына, напоминая ему объ отцовскомъ наказѣ, но все было напрасно!

Справедливо говорится, что если желаешь турку зла, нужно молиться о томъ, чтобы онъ запилъ, — православному сербу,—чтобы уходилъ въ гайдуки, — а молодому парню, — чтобы влюбился по уши,—и гибель будетъ неизбѣжна.

Марія слишкомъ хорошо знала нравъ Тодора, и на что онъ способенъ въ порывѣ вспыльчивости. Оттого-то она и не смѣла

подѣлиться съ нимъ своими мыслями, опасаясь еще большей бѣды. Вмѣстѣ съ тѣмъ она ждала, что вотъ-вотъ мужъ ея узнаетъ о несчастіи отъ кого-нибудь другого, а не отъ нея самой. Она съ трепетомъ ждала этой минуты; съ каждымъ днемъ все больше и больше терзалась, замирая отъ страха, и, наконецъ, такъ увяла, что на себя не стала похожа. Сонъ совсѣмъ не шелъ на глаза: ей стали чудиться разныя привидѣнія: то люди ходятъ безъ головы; то слышитъ, какъ подходятъ къ дому и снова уходятъ плакальщицы, то видитъ цѣлыя стаи зловѣщихъ вороновъ, кружащихся надъ самой кровлей; то ей чудится, что страшная молнія ударила въ вершину холма, который высится надъ ихъ домомъ, и что оттуда посыпались груды камней, грозя похоронить ее заживо. Въ ужасѣ она бросилась бѣжать изъ дому, но по дорогѣ наткнулась на клубокъ ядовитыхъ змѣй, которыя при этомъ расплелись и яростно устремились на нее. Обезумѣвъ отъ страха, она вскакиваетъ, крестится и творитъ молитву, призывая на помощь Тодора: «Голубчикъ Тодоръ! Мой — по Богу братъ», а по грѣху *)—вѣнчанный другъ! защити меня!»

Тодоръ быстро бросился къ женѣ, зажегъ свѣчку и не безъ нѣкотораго страха спросилъ:

«Марія! что случилось?—Богъ съ тобою и ангелы божьи!»

— «Ахъ, мой Тодоръ, вопила бѣдная женщина, вотъ ужь нѣсколько времени, какъ по ночамъ я вижу ужасные сны, а днемъ чудятся страшныя вещи! Мѣста не найду себѣ! Сходилъ бы ты за старымъ игуменомъ Петроніемъ, чтобы онъ прочелъ мнѣ молитву и окропилъ нашъ домъ святою водицей.»

— «Я пойду за игуменомъ, утѣшалъ ее Тодоръ, а ты не бойся! Мнѣ тоже часто снится то, чего на яву никогда не бываетъ; проснувшись, я только перекрещусь, помолюсь Богу и тотчасъ же успокаиваюсь. Извѣстно, что, когда опадаетъ или распускается листъ, всего больше видится самыхъ невѣроятныхъ и дивныхъ сновъ. Такъ вотъ, пока я возвращусь, ты выпей на тощакъ нѣсколько глотковъ изъ этой фляги!»—Онъ ушелъ.

Около самаго полдня Тодоръ возвратился съ игуменомъ. Марія пала подъ эпитрахиль; игуменъ далъ ей въ руки святогорскій крестъ и прочелъ надъ ея головою заклинательныя молитвы (святыхъ цѣлителей Косьмы и Даміана) отъ злыхъ духовъ и напастей, послѣ чего онъ освятилъ воду, окропилъ иконы, потомъ—Марію и весь домъ. При пѣніи тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя!..»

---

*) По народнымъ понятіямъ — сожительство даже съ женой считается грѣхомъ.

весь домъ наполнился благоуханіемъ ладана... Набожная Марія съ благоговѣніемъ вдыхала этотъ животворящій ароматъ, и въ то же мгновеніе почувствовала, что какъ рукою сняло всѣ ея душевные и тѣлесные недуги!

Счастливъ тотъ, кто съ чистымъ и незлобивымъ сердцемъ прибѣгаетъ съ молитвою къ Богу и Его святымъ!

VI.

Марія оправилась, но зло, которое только ей одной было извѣстно, тяготило ея душу. Она боролась сама съ собою, чтобы какъ-нибудь не выдать этой роковой тайны. Но всякая тайна остается тайной только до тѣхъ поръ, пока къ ней причастно одно лицо; но разъ знаетъ двое,—узнаютъ и десятеро! Тайна Маріи была такого рода, что не сегодня — завтра должна была всплыть наружу: зло совершено, грѣхъ непоправимъ и долженъ былъ рано или поздно объявиться.

Съ лица Милицы вдругъ исчезъ румянецъ, а розовыя губки замѣтно поблѣднѣли; дѣвушка лишилась ѣды: чтобы ей ни предлагали, она на все смотритъ съ отвращеніемъ. Для всѣхъ было очевидно, что она со дня на день худѣетъ; ни она сама, ни мать не могли приложить ума, что это за болѣзнь? Въ цѣломъ околодкѣ не осталось ни одного знахаря, ни одной знахарки, которыхъ-бы не просили пособить горю. Одни говорили, что у нея сердце не на мѣстѣ, другіе, что болѣзнь вся въ селезенкѣ, третьи что ее сглазили недобрые люди; словомъ: всѣ гадаютъ, а никто не угадываетъ... кромѣ старой бабы Докны. Какъ то разъ она говоритъ потихоньку Станѣ, матери Милицы: «Слушай сестра! съ тобою напасть приключилась!.. Твоя дочь третій мѣсяцъ беременна»...

— «Что! беременна?».. крикнула Стана. «И ты смѣешь, старая вѣдьма, говорить мнѣ такія вещи въ глаза?!.. Вонъ изъ дому, пока я тебѣ носъ не отгрызла, что бъ ты не лаяла и на чужую дочь не взводила напраслины!.. вонъ, пустомеля!»..

Докна пожала плечами и ни за что ни про что проглотила ругань сосѣдки. Вернувшись домой разобиженной, она не могла не отвести душу со своей снохой, жалуясь послѣдней, какъ и за что Стана Степанова оскорбила ее. Послѣ этого не требовалось нанимать глашатаевъ: Что знала Докнина сноха, то знали и сельскіе ребята! И вотъ, не только по сосѣдямъ, но и въ цѣломъ округѣ, стали передавать другъ другу тайкомъ, что Милица — беременна! Многіе вѣрили, но большинство считало это невѣроятнымъ. Нѣкоторые даже хотѣли положить предѣлъ этимъ сплетнямъ, но безъ

успѣха. Новость росла, и покрывало, окутывавшее ее, ежеминутно могло свалиться.

Милицу не видать было, какъ прежде, среди подругъ; только изрѣдка утромъ или поздно вечеромъ она ходила за водой. А то все сидѣла дома, больная и увѣренная, что если она сама не знаетъ причины своей хворобы, то и другіе не могутъ этого знать. Подруги Милицы, приходившія навѣстить ее и не замѣчавшія наружныхъ знаковъ беременности, горячо вступались за свою подругу и съ сожалѣніемъ увѣряли своихъ домашнихъ, что старая Докна напрасно взвела бѣду на чужую дѣвицу!

Благодаря, съ одной стороны, подобному отпору, а съ другой—постояннымъ жалобамъ Станы Степановой сосѣдкамъ—у колодца, въ церкви, на рынкѣ, — цѣлое село какъ-то возненавидѣло старую Докну, и многіе даже стали поговаривать, что за подобныя сплетни слѣдовало бы ее побить камнями.

Но и бабѣ Докнѣ, какъ всякому, дорога честь и жизнь; она забыла про чужую бѣду и срамъ; а баба, извѣстно, разъ дѣло идетъ на перекоръ, — и душу рада погубить. Рано утромъ Докна идетъ къ попу и на исповѣди все ему открываетъ, прибавивъ: «если это не сущая истина, пусть народъ побьетъ меня камнями, а я на этомъ и на томъ свѣтѣ весь грѣхъ беру на свою душу!»

VII.

Исповѣдь Докны не то что озадачила попа, а прямо таки легла тяжелымъ камнемъ на его душу. Дѣло трудное, щекотливое, приключилось первый разъ въ его жизни. Грѣхъ въ народѣ небывалый, превышающій всѣ семь смертныхъ грѣховъ!.. Незаконнорожденный!.. О, великій грѣхъ!.. Правда, онъ слышалъ, что подобныя вещи въ большихъ городахъ не рѣдкость, но въ простомъ, не осквернennомъ еще народѣ—позорно и помнить о такомъ грѣхѣ, не то что самому дожить до него... Попу хотѣлось промолчать объ этомъ открытіи, но преступленіе было такъ необычайно, что обойти его не представлялось никакой возможности: онъ понималъ, что баба Докна не высосала это изъ своего пальца, что дыма безъ огня не бываетъ.

Въ виду такихъ соображеній, однажды вечеромъ попъ позвалъ къ себѣ лучшихъ своихъ сельчанъ и тайно открылъ имъ сущность Докниной исповѣди, прибавивъ: «Что же намъ, братцы, дѣлать? Если правда то, что говоритъ Докна, то это—мало грѣхъ и стыдъ, но великое зло. Если же это бабья выдумка, то какъ смѣютъ клеймить честную дѣвушку и ея родителей такимъ неслыханнымъ позоромъ?.. Не скажетъ ли кто, какимъ путемъ узнать истину, дѣйствительно-ли

дѣвушка впала въ грѣхъ или она чиста?.. Этого дѣла нельзя откладывать въ долгій ящикъ. Чтобы на насъ самихъ было меньше грѣха, нужно постараться исправить чужое зло».

Многіе: «Если для тебя, батюшка, эта тайна нова, то для насъ она стара: къ великому несчастію это—правда! Что дѣвушка провинилась, это также вѣрно, какъ и то, что мы стоимъ здѣсь и видимъ другъ друга, и ни съ кѣмъ инымъ она впала въ грѣхъ, какъ со своимъ женихомъ Милутиномъ, сыномъ Тодора. Въ недобрый часъ мать родила ее на свѣтъ, и на горе себѣ выростила!.. Она уже пятый мѣсяцъ беременна,—хоть сама этого и не понимаетъ, такъ какъ жаловалась подругамъ, что у нея въ животѣ что-то перекатывается, какъ живое; должно быть, говоритъ, это отъ того, что ночью проглотила съ водой живую піявку. Только піявка тутъ ни при чемъ: она просто—беременна: если коза таитъ свои года, не таитъ ея рогъ!»..

«Ты—попъ, не потворствуй злу!.. Будемъ крѣпко держаться нашихъ старыхъ обычаевъ!.. Грѣшниковъ нужно судить въ назиданіе другимъ... Кто сдѣлалъ грѣхъ, долженъ нести и кару... Не такъ-ли братья?»..

Всѣ: «А то какже иначе?.. Каждому дорога честь и душевное спасеніе... Имъ—ихнее, намъ—наше! Кто что сѣетъ, то и жнетъ; кто съ дьяволомъ садитъ тыквы, о того голову онѣ и разбиваются... А ты, попъ, прочитай намъ, что говорятъ священныя книги?»..

Попъ: Постойте, братья! Мы всѣ теперь видимъ, что въ нашей средѣ совершено зло, учиненъ тяжкій грѣхъ! Я не говорю, чтобы намъ дѣлить зло или грѣхъ со злыми и грѣшниками. Но Господь заповѣдалъ, чтобы мы, мудрые, прощали безумцамъ ради ихъ безумія. Если приходится намъ, братцы, искать средства противъ совершившагося зла, то необходимо выбрать лучшее изъ лекарствъ, а именно: — удалить Милутина и Милицу изъ нашего мѣста и запретить имъ возвращаться когда-либо въ наше селеніе. Свѣтъ—просторенъ; пусть вѣнчаются въ другомъ мѣстѣ и живутъ, какъ знаютъ, лишь бы намъ не пришлось увидѣть незаконнаго ребенка. Пригласимъ ихъ родственниковъ и посмотримъ, что они скажутъ на это; подумаемъ, братья, о Богѣ и о самихъ себѣ: что лучше, — умертвить ли три души или прогнать ихъ изъ мѣста нашего жительства? Предоставляю вамъ и имъ обойти другимъ путемъ эту бѣду»...

Многіе: «Попытаемъ и это, батюшка; но рѣшеніе нужно отложить, пока соберутся всѣ сельчане. Поэтому, назначимъ на завтра общую сходку передъ церковью и накажемъ явиться туда Тодору съ сыномъ и Степану съ дочерью. Тогда можно будетъ разсудить, когда услышимъ, что каждый изъ нихъ думаетъ». Съ этимъ всѣ согласились.

VIII.

Едва на слѣдующій день солнце выкатилось изъ-за горъ, какъ небольшой церковный колоколъ затинькалъ, призывая на сходку всѣхъ сельчанъ—домохозяевъ и въ числѣ ихъ Тодора Іокова съ Милутиномъ и Степана Ильина съ Милицей. Ни Тодоръ, ни Степанъ не подозрѣвали, въ чемъ дѣло, какъ не подозрѣвали только что родившіеся на свѣтъ. Удивляются, что заставило созвать сходку?—Сейчасъ узнаютъ... Кругомъ царитъ тишина; всѣ ожидаютъ, чтобы попъ или капетанъ объяснили дѣло. Наконецъ, попъ началъ первый: «Гдѣ-же вы, несчастные пріятели, Тодоръ и Степанъ? Вы только-что собрались породниться, какъ это вездѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, обручивши своихъ дѣтей... Но врагъ—будь онъ проклятъ и дальше отъ насъ!—вѣчно радѣющій о гибели крещенныхъ душъ, попуталъ Милутина и Милицу впасть въ великій грѣхъ—до вѣнчанья... Народъ не хочетъ дѣлить съ ними позора и грѣха, и позвалъ васъ къ отвѣту. Хотите-ли вы сегодня разстаться навсегда со своими дѣтьми?. Пусть уходятъ отъ насъ въ другія мѣста и, повѣнчавшись, живутъ, какъ имъ Господь судитъ!.. Если же вы не соглашаетесь на это, то народъ хочетъ... хочетъ... да что скрывать отъ васъ правду: хочетъ побить ихъ камнями!... Такъ-ли братья?—Говорите всѣ!»..

Всѣ: «Одно изъ двухъ!—Тутъ нѣтъ средины!»..

Тодоръ и Степанъ окаменѣли, вперивши взглядъ въ землю. Только время отъ времени Тодоръ поглядывалъ налитыми кровью глазами на Милутина, а Степанъ—на Милицу... Сознаніе ихъ притупилось; едва держатся на ногахъ!.. Но все молчатъ, опустивъ головы... Только лица ихъ мѣнялись и выдавали, какъ глубоко поразилъ ихъ этотъ неожиданный позоръ и стыдъ! Сто кратъ каждый предпочелъ бы перенести ударъ турецкой сабли или пули заклятаго врага!

Попъ: «Да говорите же что нибудь, люди! Народъ не для того собрался здѣсь, что бы оглядывать васъ съ головы до пятъ, оставивъ въ будничный день работу!»..

Тодоръ первый собрался съ духомъ и спросилъ у Степана: «Правда-ли, мой несчастный и несуженный зять, что дочь твоя беременна и отъ кого?»..

Степанъ: «Пусть я издохну, какъ послѣдняя собака, пусть земля моихъ костей не приметъ, какъ безумнаго Арія, если я объ этомъ знаю больше, чѣмъ мертвые. А особенно то — съ кѣмъ?.. Но если это правда, добавилъ Степанъ, то я навсегда отрекаюсь отъ своей дочери: Мнѣ лучше жить со своими братьями честно, чѣмъ съ дочерью—позорно... А ты какъ думаешь?»..

Тодоръ: «И я отрекаюсь отъ своего сына, хотя онъ у меня и одинъ! И я предпочитаю горевать по немъ честно, чѣмъ покрываться его позоромъ!»..

Мѣстный капетанъ: «Разсказывай, Милица, съ кѣмъ ты впала въ грѣхъ!»..

Бѣдняжка замерла, молчитъ; на выручку ей спѣшитъ Милутинъ:—«Со мною! Я исповѣдую передъ Богомъ и народомъ мой и ея грѣхъ! Я сдѣлалъ преступленіе, которое на мнѣ, а не на комъ-либо изъ васъ, остается чернымъ пятномъ! Я повѣнчаюсь съ нею, и если я беру на себя грѣхъ и стыдъ, то для чего же гнать насъ по свѣту?»..

Народъ: «А гдѣ же родитъ твоя жена и куда денешь ребенка?»..

Милутинъ: «Въ моемъ собственномъ, а никакъ не въ вашемъ домѣ!.. Чего вамъ нужно отъ меня люди?»..

Не успѣлъ онъ договорить послѣднихъ словъ,—толпа заволновалась, зашумѣла, словно стая журавлей въ густомъ облакѣ... Поднялся крикъ и гамъ, прерываемый восклицаніями: «Подъ камни безстыдника и безстыдницу!—«Ни честп, ни совѣсти, слышите ль?!.» «Вмѣсто того, чтобы сознаться въ окаянствѣ и покаяться въ мерзости, онъ еще спрашиваетъ: что вамъ нужно отъ меня, люди?.. Ну, вотъ, и цѣните вы теперь его разумъ!»..

Народъ пришелъ въ ярость; послышались снова, точно изъ одной глотки, роковые клики: «Подъ камни!» «Подъ проклятый курганъ ихъ!» Раздался погребальный звонъ колокола. Не успѣлъ бы человѣкъ и перекреститься трижды, какъ толпа обступила Милутина и Милицу съ камнями въ рукахъ. Послышались грозные голоса, обращенные къ Тодору и Степану: «Если вы по-истинѣ наши братья и честные люди, вы первые должны бросить камни въ своихъ недостойныхъ дѣтей!.. А не то мы исключимъ васъ изъ братской среды и будемъ указывать на васъ пальцами!.. Тутъ уже некогда ждать и раздумывать! Тодоръ первый бросаетъ камнемъ въ сына, а Степанъ въ свою дочь... А за ними слѣдомъ и вся толпа! Черезъ нѣсколько мгновеній несчастные женихъ и невѣста лежали подъ грудой камней—«проклятымъ курганомъ», въ ожиданіи общаго и праведнаго Судіи!..

Перевелъ съ сербскаго М. Жеравичъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Необходимость измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ духовно-академическаго устава для пользы богословской науки и церкви.

Потребность въ живомъ развитіи богословской науки и нужда въ наиболѣе плодотворномъ служеніи ея запросамъ православно-христіанской церкви и общества едва ли когда были такъ ощутительны, какъ въ настоящее время. Съ одной стороны, видимъ въ значительной части общества и въ народѣ нѣкоторое оживленіе религіозно-нравственныхъ потребностей и стремленіе къ ихъ удовлетворенію, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и тотъ прискорбный фактъ, что не только превратно рѣшаются самые главные и коренные вопросы человѣческой мысли и жизни, но и прямо ведется ожесточенная война, какъ во имя науки и философіи, такъ и во имя даже религіи и нравственности, противъ христіанства, противъ православной церкви, ея уставовъ и учрежденій. Наконецъ, не слѣдуетъ опускать изъ виду и напряженныхъ усилій и попытокъ со стороны вождей и приверженцевъ католичества отвратить православныхъ отъ ихъ истинной матери-церкви. Нельзя не замѣтить и о наступательномъ движеніи, несомнѣнно усиливающемся въ различныхъ сектахъ протестанскаго характера, возрастающихъ у насъ, въ Россіи, въ своемъ числѣ. Относиться равнодушно ко всему этому грѣшно и невозможно представителямъ богословской науки. Они призываются дѣятельно помогать, чѣмъ и какъ могутъ, высшей духовной власти и пастырямъ церкви въ томъ, чтобы не только привлечь въ ея лоно тѣхъ, кои мятутся къ своей духовной жизни и ищутъ надежной спасительной пристани, но и надлежаще отражать разнообразныя нападки на христіанство и православную церковь со стороны невѣрія и иновѣрія. Это призваніе и этотъ долгъ лежатъ прежде всего и главнымъ образомъ на профессорахъ духовныхъ академій.

Къ чести многихъ изъ этихъ профессоровъ, нужно сказать, что они отнюдь не остаются совершенно глухими къ запросамъ, какіе имъ предлагаются теченіемъ и направленіемъ современной мысли и жизни, и по мѣрѣ возможности отвѣчаютъ на нихъ своими научно-литературными трудами. Однако, ни для кого не тайна и то, что наибольшая часть учено-богословскихъ изслѣдованій, предназначаемыхъ и для соисканія высшей учено-богословской степени, пишутся на темы историко-археоло-

гическія [1]), а богословско-философскія матеріи иногда обѣгаются даже тѣми, кто, по самому свойству преподаваемаго предмета, долженъ бы разработывать исключительно эти темы. Понятно, что при такомъ характерѣ учено-богословскихъ работъ всего менѣе можно ожидать отъ чисто-богословской науки живаго развитія и плодотворнаго служенія церкви и обществу. Въ чемъ же причина этого печальнаго явленія? Многіе склонны винить только дѣятелей богословской науки, только имъ вмѣнять въ вину, что они, въ огромномъ своемъ большинствѣ, избѣгаютъ въ учено-богословскихъ сочиненіяхъ обсужденія и рѣшенія такихъ вопросовъ, которые выдвигаются современной мыслью и жизнью и которые болѣе всего относятся къ преподаваемой ими спеціальности. Нисколько не отвергая виновности въ этомъ и самихъ дѣятелей богословской науки, думаемъ, однако, что не справедливо обвинять ихъ однихъ.

Представители богословской науки—люди же, какъ и каждый человѣкъ. Содержаніе и характеръ ихъ учено-литературной дѣятельности не можетъ въ той или въ другой степени не опредѣляться и тѣми условіями и обстоятельствами, въ которыя они поставляются наличнымъ порядкомъ вещей въ академіяхъ. Требуется, чтобы этотъ послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ располагалъ къ писанію учено-богословскихъ сочиненій на такъ называемыя *живыя* темы и благопріятствовалъ надлежащей оцѣнкѣ таковыхъ сочиненій и ихъ авторовъ въ самихъ академіяхъ, а не мѣшалъ всему этому. Но вполнѣ-ли удовлетворителенъ въ этомъ отношеніи означенный порядокъ? Всѣ ли и параграфы академическаго устава, хотя составители его задавались самыми благими стремленіями и цѣлями, оказываются на дѣлѣ, дѣйствительно, способствующими живому развитію богословской науки и плодотворному служенію ея церкви христовой и обществу и обезпечивающими всякаго дѣятеля отъ несправедливости со стороны сослуживцевъ? Да позволено намъ будетъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ съ той искренностью и прямотою, какая требуется священными интересами церкви и важными нуждами богословской науки. Да не вмѣнится намъ въ вину смѣлость печатно высказать наше посильное мнѣніе объ этомъ въ виду упомянутыхъ интересовъ и нуждъ. Не дерзнемъ предъявлять академическому уставу такихъ требованій, которыя, быть можетъ, теперь еще неосуществимы, а скажемъ нѣсколько словъ только о томъ, что проситъ скорѣйшаго измѣненія или отмѣны и что весьма и весьма исполнимо во всякое время. Если наше мнѣніе ошибочно, то, быть можетъ, выскажутся болѣе насъ свѣдущіе люди, отъ чего дѣло лишь выиграетъ, всестороннѣе и основательнѣе уяснившись. Если, окажется, мы сказали правду объ одной его сторонѣ, то, быть можетъ, правду-же скажутъ другіе и о какой-либо иной его сторонѣ, тоже требующей скорѣйшаго измѣненія или восполненія.

Сколько намъ извѣстно, уже прямо по введеніи новаго академическаго устава, въ академической средѣ то тѣми, то другими ея предста-

---

[1]) Само собою разумѣется, должны имѣть мѣсто и сочиненія на такого рода темы, особенно если избираются такія изъ нихъ, которыя соприкасаются съ современными требованіями, и разрабатываются, между прочимъ, ради основательнаго и полезнаго отвѣта на нихъ.

вителями высказывалась мысль о важныхъ неудобствахъ и небезвредныхъ послѣдствіяхъ, порождаемыхъ въ особенности 106 параграфомъ академическаго устава. Сѣтованія на этотъ параграфъ, недовольство имъ продолжаются съ тѣхъ поръ до настоящей минуты [2]). Этотъ параграфъ установилъ раздѣленіе всѣхъ академическихъ преподавателей на восемь группъ и назначилъ по одной должности ординарнаго профессора въ каждую изъ этихъ группъ, воспретивши причисленному къ одной группѣ искать и пріобрѣтать ординатуру на другой группѣ, хотя бы эта ординатура оставалась вакантною десятки лѣтъ и хотя бы предположенный соискатель ея имѣлъ степень доктора богословскихъ наукъ. Но нельзя-ли поставить въ зависимость отъ существованія этой статьи въ уставѣ такія печальныя и вредныя явленія въ академической жизни, *иногда наблюдаемыя въ ней и мѣшающія процвѣтанію богословской науки*, каковы: усиленная борьба изъ-за ординатуры, не писаніе докторскихъ диссертацій на темы, непосредственно относящіяся къ преподаваемой профессоромъ наукѣ, предпочтеніе историко-археологическихъ темъ, избѣганіе чисто-богословскихъ матерій, пристрастная оцѣнка диссертацій, захватываніе ординатуръ менѣе достойными лицами и т. п.? А чтобы устранить эти прискорбныя и вредныя явленія и чрезъ то споспѣшествовать надлежащему развитію и процвѣтанію академической науки, недостаточно ли того, чтобы отмѣнить только 106 параграфъ? Не разъ намъ приходится слышать, что требуется устранить только одинъ этотъ параграфъ, чтобы все научное и служебное дѣло академическихъ профессоровъ измѣнилось къ лучшему.

Вполнѣ раздѣляя мысль о необходимости отмѣны 106 параграфа, мы однако никакъ не можетъ признать того, чтобы вышеуказанныя непормальныя и вредныя явленія вызывались существованіемъ только 106 параграфа и чтобы они стали невозможными лишь по причинѣ отмѣны одного этого параграфа. По нашему крайнему разумѣнію, отмѣна 106 параграфа можетъ дать желаемые и ожидаемые благіе плоды *единственно только* въ томъ случаѣ, если одновременно съ отмѣною 106 параграфа будутъ существенно измѣнены 45, 141 и 142 параграфы, весьма тѣсно связанные съ нимъ, въ сущности даже не отдѣлимые отъ него. Вотъ эту-то нашу мысль намъ и хотѣлось-бы развить и доказать въ настоящей нашей статьѣ. Для этого-же мы обязаны прежде всего показать, что вышеуказанныя печальныя и вредныя явленія не должны поставляться въ генетическую зависимость отъ существованія только 106 параграфа и что они не устранятся съ отмѣною только его одного.

---

[2]) Сколько помнимъ, мы встрѣчали и въ печати жалобы на этотъ параграфъ и заявленія о необходимости отмѣны его. Съ своей же стороны мы еще въ 1886 году печатно высказывали мысль о неудобствахъ для богословской науки существованія въ академическомъ уставѣ какъ примѣчанія къ 45 параграфу, такъ и нѣкоторыхъ другихъ параграфовъ (стр. 543 въ 3 книжкѣ *Правосл. Обозрѣнія* за 1886 годъ). Теперь намъ хотѣлось бы полнѣе и доказательнѣе развить давнюю нашу мысль по крайней мѣрѣ касательно параграфовъ, органически связанныхъ съ 106 параграфомъ и вмѣстѣ съ нимъ наиболѣе стѣснительныхъ для живаго развитія богословской науки.

Что касается до борьбы изъ-за ординатуръ, то это—хотя глубокоприскорбное и вредное явленіе, но оно неизбѣжно во всѣхъ самополняющихся корпораціяхъ, каковы и академическія, гдѣ полагается лишь незначительное число ординатуръ по сравненію съ общимъ преподавательскимъ персоналомъ. Означенная борьба не можетъ имѣть мѣста только тамъ, гдѣ замѣщеніе ординарныхъ вакансій производится на вполнѣ уважительныхъ основаніяхъ, самимъ высшимъ начальствомъ, или гдѣ число ординарныхъ вакансій неограничено какой нибудь цифрою, меньшею количества наличныхъ преподавателей. Значитъ, устраненіе 106 параграфа не можетъ, повести къ исчезновенію этой борьбы изъ-за ординатуръ какъ увидимъ ниже, отмѣна только одного 106 параграфа можетъ, пожалуй, обострить и ожесточить ее. Если не къ совершенному устраненію, то, по крайней мѣрѣ, къ смягченію и облагороженію указанной борьбы могли-бы повести иныя узаконенія, которыхъ нѣтъ въ наличномъ уставѣ, но которыя вполнѣ возможны и крайне желательны.

Какъ ни прискорбна сама по себѣ и какъ до крайности ни вредна пристрастная оцѣнка сочиненій, одни изъ нихъ несправедливо забраковывающая, а другія несправедливо превозносящая всячески, но возможность таковой несправедливой оцѣнки нисколько-же не устранится вслѣдствіе отмѣны одного 106 параграфа. Преднамѣренно неправильная оцѣнка диссертацій, представляемыхъ на степень доктора, служа проявленіемъ борьбы изъ-за ординатуры, коренится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и эта борьба. Со стороны законодательства можно и непремѣнно должно положить возможныя преграды несправедливой оцѣнкѣ диссертацій, но нельзя сдѣлать такъ, чтобы ея никогда не было. Только высокое нравственное настроеніе профессоровъ, благородство, дѣйствительное уваженіе ихъ къ наукѣ и заботы о чести и доброй славѣ профессорской семьи и самой академіи въ состояніи сдѣлать немыслимою злонамѣренно неправильную оцѣнку диссертацій [3]).

Что отмѣна только одного 106 параграфа нисколько не посодѣйствуетъ болѣе справедливой оцѣнкѣ докторскихъ сочиненій, это, по нашему мнѣнію, до очевидности ясно. Въ академическомъ уставѣ 1869 года совсѣмъ не было параграфа, распредѣляющаго ординатуру по восьми группамъ и недопускающаго перехода претендентовъ на ординатуру изъ одной группы въ другую. Однако-же, не составляетъ никакой тайны для знакомыхъ съ явленіями тогдашней академической жизни, что и при дѣйствіи устава 1869 года иногда «забраковывались»-же сравнительно дѣльныя диссертаціи и «пропускались» весьма слабыя. Это-же печальное явленіе наблюдалось и въ университетахъ при дѣйствіи устава 1863 года, хотя и этому уставу чуждъ былъ параграфъ вродѣ 106 параграфа теперешняго академическаго устава.

Печальное и зловредное явленіе, о которомъ идетъ теперь рѣчь случалось бы несопзмѣримо рѣже только тогда, когда академическій

---

[3]) Это подтверждается и данными опыта: при одномъ и томъ же уставѣ въ однѣхъ академіяхъ случаи несправедливой оцѣнки или неизвѣстны или бываютъ гораздо рѣже, а въ другихъ—чаще.

уставъ былъ-бы восполненъ такой статьею, которая предоставляла-бы автору «забракованнаго» докторскаго сочиненія, если авторъ пожелаетъ этого [4]), писать ученое объясненіе касательно рецензентскихъ отзывовъ, а отъ совѣта требовалось-бы непремѣнно отправлять это объясненіе вмѣстѣ съ оффиціальными письменными отзывами рецензентовъ въ Св. Сунодъ. Эта мѣра, будучи весьма способною противодѣйствовать несправедливости въ оцѣнкѣ сочиненій, представляется весьма необходимою и по существу самого дѣла.

Государственный законъ предоставляетъ право самозащиты даже злодѣямъ—преступникамъ, какъ бы ни была велика ихъ вина. Докторанты-же въ самихъ академіяхъ, на мѣстѣ, въ сущности лишены всякаго права самозащиты отъ какихъ угодно неправедныхъ приговоровъ касательно ихъ ученыхъ диссертацій. Обиженнымъ ничего другого тутъ не остается, какъ или брать назадъ прошеніе о соисканіи степени и прерывать дѣло о ней, или примиряться съ неполученіемъ степени, терять ученую предпріимчивость и энергію и своимъ печальнымъ примѣромъ невольно внушать другимъ, къ явному вреду для богословской науки, боязнь писать и представлять диссертацію на степень доктора. Такое положеніе дѣла въ высшей степени не нормально. Но, могутъ сказать, обиженнымъ не воспрещено обращаться съ жалобою къ *высшей* власти и съ просьбою о переоцѣнкѣ диссертацій. Это—правда. Однако, не лучше-ли было-бы для болѣе нормальныхъ отношеній между сослуживцами не ставить обиженныхъ въ необходимость непосредственно апеллировать къ высшей власти? На этотъ вопросъ возможенъ лишь утвердительный отвѣтъ. Всякая нужда въ непосредственномъ обращеніи съ жалобою къ высшему начальству устраняется вмѣстѣ съ предоставленіемъ обиженному права писать ученое объясненіе по поводу рецензентскихъ отзывовъ и съ возложеніемъ на совѣтъ обязанности повергать дѣло на благоусмотрѣніе высшей власти. Неразсматриваніе же въ самомъ совѣтѣ рецензентскихъ отзывовъ и объясненія по поводу ихъ не даетъ мѣста партійной борьбѣ или пристрастному отношенію къ дѣлу со стороны даже цѣлаго совѣта.

Изъ сказаннаго, полагаемъ, очевидно, что не отмѣна 106 параграфа, а нѣчто совершенно другое могло-бы, если не положить конецъ, то значительно воспрепятствовать появленію злонамѣренно-несправедливыхъ рецензій, а вмѣстѣ и вреднымъ послѣдствіямъ для докторанта отъ несправедливыхъ отзывовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ даже и малознанію или недостаточно сильному уму рецензента.

Что устраненіе одного 106 параграфа не можетъ вести и къ полученію ординатуры только достойнѣйшими претендентами, и это безспорно на нашъ взглядъ. Гдѣ возможна несправедливая оцѣнка докторскихъ сочиненій, тамъ возможно и несправедливое полученіе ординатуры. Думаемъ даже, что отмѣна одного означеннаго параграфа, прельщая каждаго преподавателя возможностью пріобрѣсти ординатуру, какая-бы вакансія

---

[4]) При существующемъ порядкѣ не знакомятъ автора докторской диссертаціи съ отзывами по представленіи послѣднихъ. Признаемся, не понимаемъ такого «порядка». Было бы естественнѣе и лучше устранить такое явленіе, особенно если авторъ служитъ въ той-же академіи, въ коей разсматривалось его сочиненіе.

ни открылась, чрезъ то усиливъ конкурренцію между преподавателями въ соисканіи докторской степени, разжегши борьбу изъ-за нея, вызоветъ, пожалуй, еще больше случаевъ крайне несправедливаго отношенія къ нѣкоторымъ изъ соискателей докторства и ординатуры, какъ бы они ни были достойны того и другой. Чтобы ординатура получалась только наиболѣе достойными лицами, для этого нужно, кромѣ предоставленія выше указаннаго права докторанту, прямое постановленіе въ уставѣ, требующее отъ членовъ совѣта, при наличности даже докторовъ—соискателей ординатуры, всегда предпочитать того изъ нихъ, который имѣетъ за собою больше серьезныхъ научныхъ трудовъ по *своей* спеціальности и слѣдовательно послужилъ ими больше другого какъ каоедрѣ-же своей, такъ и церкви и обществу, и обязательно отправлять въ Св. Сунодъ обстоятельно мотивированныя представленія, т. е. указывающія главнымъ образомъ число и достоинство научныхъ работъ. [5]) Устраненіе-же одного 106 параграфа не поведетъ къ промоціи лишь достойнѣйшихъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ. Но сказаннымъ нельзя ограничиться. Придающіе особое значенія отмѣнѣ 106 параграфа не должны забывать о существованіи примѣчанія къ 45 параграфу. Желать отмѣны перваго и не поднимать рѣчи объ устраненіи примѣчанія къ 45 параграфу нельзя. Это значило-бы одною рукою созидать, а другою разрушать, или вообще запутывать дѣло.

Въ указанномъ примѣчаніи значится: «преподаватели небогословскихъ наукъ въ академіи, имѣющіе степень магистра богословія, могутъ быть опредѣляемы на вакантныя каоедры ординарнаго профессора съ званіемъ исправляющаго должность ординарнаго профессора». Въ объяснительной же къ уставу запискѣ сказано, что это постановленіе допущено для *облегченія* магистровъ, ищущихъ каоедры ординарнаго профессора по какой либо изъ *небогословскихъ* наукъ. Спрашивается: не будутъ-ли даже усилены неудобства въ ученой и административной жизни академій вмѣстѣ съ устраненіемъ 106 параграфа, но безъ *законодательной* отмѣны примѣчанія къ 45 параграфу?

Предположимъ такой случай. Открывается вакансія ординарнаго профессора, преподававшаго небогословскую науку. Претендентами на ординатуру являются имѣющій докторскую степень или богословія, или церковной исторіи или каноническаго права и затѣмъ магистръ-преподаватель небогословской науки. Въ силу требованій справедливости и по причинѣ самого характера академій и преслѣдуемой ими цѣли (§ 1 устава) ординатура должна бы быть предоставлена имѣющему докторскую степень. Между тѣмъ, естественные приверженцы означеннаго примѣчанія и ихъ пособники, появленія коихъ абсолютно отрицать нельзя, *могутъ* сказать, что въ данномъ случаѣ нарушаются права преподавателя

---

[5]) Само собою разумѣется, въ этихъ представленіяхъ не должно быть мѣста тому, что допускается теперь въ нѣкоторыхъ даже печатныхъ перечняхъ ученыхъ трудовъ нѣкоторыхъ профессоровъ: цѣльное единое сочиненіе, состоящее изъ нѣсколькихъ главъ съ особыми заголовками, превращается какъ бы въ нѣсколько особыхъ сочиненій, а потому списокъ ученыхъ трудовъ выходитъ длиннымъ.

небогословской науки, предоставленныя ему примѣчаніемъ къ 45 параграфу и объяснительной къ уставу запискою, гласящею, что такой преподаватель даже самъ можетъ искать званія исправляющаго должность ординарнаго профессора. На основаніи примѣчанія къ 45 параграфу и словъ объяснительной къ уставу записки могутъ нѣкоторые изъ членовъ совѣта говорить, что каждый экстраординарный профессоръ, преподающій одну изъ небогословскихъ наукъ, какъ бы молодъ онъ ни былъ и хотя бы не заявилъ себя никакими сколько-нибудь серьезными печатными работами ни въ области своей науки, ни въ области богословія, имѣетъ въ сущности такое-же, какъ и докторъ богословскихъ наукъ, право на занятіе нѣкоторыхъ ординатуръ. Самъ академическій уставъ, скажутъ, не предъявляетъ преподавателю, читающему небогословскую науку, даже того требованія, чтобы онъ, если хочетъ быть исправляющимъ должность ординарнаго профессора, непремѣнно имѣлъ за собою означенныя работы. Никакіе доводы со стороны другихъ членовъ совѣта въ пользу той мысли, что отмѣна 106 параграфа сама собою упразднила значеніе примѣчанія къ 45 параграфу, не могутъ имѣть силы въ глазахъ поборниковъ этого примѣчанія. Послѣдніе всегда въ правѣ сказать, что это—лишь предположеніе ваше, а не слова законодателя. По этому, непредставленіе или неизбраніе преподавателя общеобразовательной науки въ исправляющіе должность ординарнаго профессора могутъ разсматривать, даже какъ плодъ совершеннаго произвола. А если такое отстаиваніе примѣчанія къ 45 параграфу возможно и имѣетъ свое основаніе, несмотря на отмѣну 106 параграфа, то, значитъ, польза отъ нея можетъ получиться тогда только, когда преподаватели «свѣтскихъ наукъ будутъ выведены законодательнымъ порядкомъ изъ того чрезмѣрно привилегированнаго положенія, въ которомъ они находятся теперь, и формально будутъ побуждены или имѣть степень доктора для пріобрѣтенія ординатуры [6]), или по крайней мѣрѣ запастись какими-либо печатными трудами по своей спеціальности.

Точно также не прекратится вслѣдствіе отмѣны только 106 параграфа и избраніе темъ, прямо не относящихся къ преподаваемой спеціальности, предпочтеніе историко-археологическихъ вопросовъ, избѣганіе богословско-философскихъ матерій и библейско-истолковательныхъ задачъ.

Многіе совершенно справедливо находятъ, что богословско-философскія разсужденія и библейско-истолковательныя изслѣдованія предоставляютъ нерасположенному рецензенту наибольше возможности составить неблагопріятный отзывъ о докторской диссертаціи, какъ бы послѣдняя ни была хороша. Дѣйствительно, уже самое свойство въ особенности богословско-философскихъ вопросовъ таково, что даже наиболѣе обоснованное рѣшеніе ихъ не избавляетъ писавшаго отъ того, чтобы рецензенты, задавшіеся цѣлію «провалить» сочиненіе, не предъявили разнородныхъ упрековъ, возраженій и замѣчаній, хотя-бы чисто софистическихъ и казуистическихъ, но могущихъ имѣть видимость чего-то

---

[6]) Исправляющій должность ординарнаго профессора пользуется всѣми правами и преимуществами, предоставленными ординарному профессору.

серьезнаго въ глазахъ не вдумчиваго или мало посвященнаго въ дѣло читателя и якобы дискредитирующихъ ученый трудъ. Но не достаточно сказать, что богословско-философскія разсужденія способны давать болѣе средствъ и повода для рецензента, задумавшаго написать неодобрительный отзывъ, къ тому, чтобы—«если не мытьемъ такъ катаньемъ» уронить достоинство труда и даже прямо обезцѣнить его. Означенныя разсужденія въ то-же время и даются наиболѣе трудно предпринявшему ихъ. Для знакомаго съ святоотеческими твореніями не тайна, что еще нѣкоторые изъ отцовъ и учителей церкви говорили о трудности надлежащаго рѣшенія и выясненія богословско-философскихъ матерій. Уже самая природа послѣднихъ должна и каждому дѣлать понятною трудность эту.

А если все это безспорно, то одна отмѣна 106 параграфа отнюдь не заставитъ преподавателей писать на темы, прямо относящіяся къ преподаваемой спеціальности, утратить влеченіе къ избранію историко-археологическихъ темъ, проникнуться желаніемъ писать богословско-философскія разсужденія или библейско-истолковательныя изслѣдованія. Все-таки будутъ избираться болѣе легкія или «сподручныя» темы. Мало того, одна отмѣна 106 параграфа можетъ, пожалуй, повести къ еще большему избѣганію наиболѣе обязательныхъ для преподавателя и живыхъ темъ, но зато труднѣйшихъ. Теперь, при существованіи особыхъ группъ, по коимъ распредѣлены преподаватели всѣхъ наукъ въ академіи, уже самая принадлежность къ извѣстной группѣ до нѣкоторой степени располагаетъ преподавателя писать на темы, относящіяся къ преподаваемой спеціальности. Когда же уничтожится раздѣленіе преподавателей на группы, когда пріобрѣтеніе ординатуры станетъ возможно, какая бы вакансія ординарнаго профессора ни открылась, тогда и при выборѣ темы для докторскаго сочиненія водворится, пожалуй, наибольшій произволъ. Разсчитывающій на ординатуру, при выборѣ темы для докторской диссертаціи не будетъ ли руководиться по меньшей мѣрѣ соображеніями о томъ, какая ординатура скорѣе сдѣлается вакантною, а не соображеніями о соотвѣтствіи той или другой темы преподаваемому имъ предмету? Если и при существованіи особыхъ группъ для преподавателей однородныхъ предметовъ, но при отсутствіи точнаго и строгаго постановленія, касающагося выбора темъ для докторскихъ сочиненій, было обычнымъ явленіемъ пренебреженіе наиболѣе обязательными, но трудными темами, то съ отмѣною одного 106 параграфа, дѣйствительно, можно ожидать *усиленнаго* проявленія «практицизма» въ выборѣ темъ, а слѣдовательно и наибольшаго подрыва интересовъ богословской науки.

Изъ всего, что сказано нами, получается, думаемъ, достаточное доказательство того, что отнюдь нельзя поставлять въ генетическую зависимость только отъ существованія 106 параграфа такія, вредныя для интересовъ богословской науки, явленія, какъ борьба изъ-за ординатуръ, эгоистическій выборъ темъ для докторскихъ сочиненій, пристрастная оцѣнка послѣднихъ, захватываніе ординатуръ менѣе достойными лицами и проч., и что устраненіе только одного упомянутаго параграфа можетъ, пожалуй, даже усилить, а отнюдь не уничтожить этого зла, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Посредствомъ чего и какъ могли бы быть устранены нѣкоторыя изъ упомянутыхъ прискорбныхъ и вредныхъ

явленій, какова наприм. пристрастная оцѣнка докторскихъ сочиненій, это указано уже нами.

Намъ остается сказать потребное слово о томъ, какіе параграфы, вмѣстѣ съ 106 параграфомъ, требуютъ устраненія или измѣненія для того, чтобы богословская наука дѣйствительно была поставлена въ весьма желательныя, въ особенности теперь, наиболѣе благопріятныя условія для живаго развитія и полезнаго служенія церкви и обществу? Коснемся только такихъ параграфовъ, которые тѣсно связаны съ 106-мъ и измѣненіе которыхъ *требуется* желательною отмѣною этого послѣдняго. Какъ выше указано, мы имѣемъ въ виду 45, 141 и 142 параграфы. Не уничтожить примѣчанія къ первому изъ этихъ параграфовъ, но въ то же время отмѣнить 106 параграфъ, значило бы внести въ уставъ дуализмъ, даже противорѣчіе, и породить особыя неудобства въ ученой и административной жизни академій. А коль скоро неизбѣжно при отмѣнѣ 106 параграфа устраненіе примѣчанія къ 45 параграфу, то представляется невозможнымъ оставить безъ соотвѣтственной передѣлки параграфы: 141 и 142-й. Скажемъ же наиболѣе нужное о необходимости, въ интересахъ богословской науки и православной церкви, отмѣнить или измѣнить каждый изъ четырехъ поименованныхъ параграфовъ.

Что отмѣна 106 параграфа желательна въ виду упомянутыхъ важныхъ интересовъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Введенный собственно для споспѣшествованія богословской наукѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ объяснительная къ уставу записка, параграфъ этотъ на самомъ дѣлѣ не только не достигаетъ, но и *не можетъ* достигать своей цѣли прежде всего потому, что прямо и ясно не требуетъ даже и отъ преподавателей богословскихъ наукъ, чтобы они брали темы для докторскихъ сочиненій не только непремѣнно изъ области преподаваемой науки, но и такія, которыя наиболѣе выражали бы ея свойства и задачи. Коль скоро этотъ параграфъ введенъ въ интересатъ богословской науки, то такое требованіе академическаго устава представляется неизбѣжнымъ ради устраненія произвола или личнаго усмотрѣнія со стороны докторантовъ. Означенное требованіе во всякомъ случаѣ должно бы найти для себя надлежащее выраженіе хотя бы въ объяснительной къ уставу запискѣ. Между тѣмъ, и въ ней оно не высказано. Но этого мало. По свидѣтельству этой записки, 106 параграфъ имѣлъ цѣлію какъ бы возвысить самихъ преподавателей чисто-богословскихъ наукъ. Въ виду этого естественно ожидать, что если не всѣ, то большинство преподавателей ихъ поставляются 106 параграфомъ въ болѣе благопріятныя для полученія ординатуры условія. Ожиданіе это вызывается уже сознаніемъ высокой цѣнности такъ называемаго чистаго богословія.

Даже и изъ объяснительной къ уставу записки видно важное значеніе этого богословія въ системѣ академическаго образованія. Великая важность его и вообще не можетъ не быть признана со стороны всякаго, понимающаго дѣло. Специфически-богословскими науками нужно признавать именно догматическое, нравственное, апологетическое и сравнительное или обличительное богословія, излагающія и защищающія отъ нападокъ со стороны невѣрія и иновѣрія православно-христіанское ученіе, или православно-христіанское міровоззрѣніе. Самое всестороннее,

основательное и глубокое изученіе этихъ наукъ требуется для разработки всѣхъ остальныхъ отраслей богословскаго знанія въ православномъ духѣ и направленіи, начиная съ свящ. Писанія. Такое изученіе чистаго богословія необходимо и для надлежащей разработки въ академіяхъ и цѣлесообразнаго преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ, затрогивающихъ вопросы религіи и нравственности.

Не смотря на все это, 106 параграфъ ничѣмъ не выдѣлилъ преподавателей чистаго богословія, предоставивъ троимъ лекторамъ догматическаго, нравственнаго и апологетическаго богословія одну же ординатуру, какъ и троимъ преподавателямъ гражданской исторіи, троимъ преподавателямъ философіи и проч. Преподаватель-же такой важной науки, какъ сравнительное или обличительное богословіе, поставленъ въ еще худшее положеніе относительно пріобрѣтенія ординатуры [1]). Разсматриваемымъ параграфомъ не выдѣлены чѣмъ-нибудь и преподаватели остальныхъ богословскихъ наукъ. Доказательствомъ этого служитъ уже то, что преподаватель библейской исторіи помѣщенъ въ группу преподавателей русскаго языка и т. под. Предоставленіемъ только одной-же ординатуры преподавателямъ догматическаго, нравственнаго и апологетическаго богословія и крайне невыгоднымъ-же съ этой стороны поставленіемъ преподавателя сравнительнаго или обличительнаго богословія 106-ой параграфъ нисколько не располагаетъ *каждаго* изъ этихъ преподавателей къ писанію докторскихъ диссертацій, которыя, между тѣмъ, весьма желательны и были бы полезны особенно теперь. Назначивъ-же тоже одну ординатуру для троихъ преподавателей философіи, гражданской исторіи и проч., но, кромѣ магистерской степени, въ сущности ничего другого не потребовавши отъ нихъ для полученія ими *всѣхъ* правъ и преимуществъ ординарнаго профессора, 106 параграфъ тѣмъ самымъ поставилъ какъ бы на особую высоту общеобразовательныя науки и ихъ преподавателей сравнительно съ богословскими науками и ихъ преподавателями. Льготы или привилегіи обыкновенно даются наиболѣе важному или наиболѣе полезному и его виновникамъ...

Такимъ образомъ, настоитъ даже особая нужда въ скорѣйшей отмѣнѣ 106 параграфа. Но отсюда же до извѣстной степени ясна необходимость устранить и примѣчаніе къ 45 параграфу. Между тѣмъ, въ пользу отмѣны этого примѣчанія говорятъ и другія весьма важныя, на нашъ взглядъ, соображенія.

Отмѣна примѣчанія къ 45 параграфу вызывается прежде всего назначеніемъ духовныхъ академій. «Православная духовная академія, гласитъ уставъ, имѣетъ цѣлію доставлять высшее *богословское* образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія *церкви* на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности» (§ 1). Изъ этихъ словъ устава видно, что хотя въ академіяхъ преподаются и общеобразовательные нѣкоторые предметы, однако-же получаемое въ академіяхъ образованіе должно отличаться однимъ, именно: богословскимъ, харак-

[1]) Не говоримъ уже о неполезности соединенія обличительнаго или сравнительнаго богословія съ исторіею западныхъ исповѣданій: эту исторію, для вящей пользы науки и церкви, долженъ-бы преподавать особый наставникъ...

теромъ. Такое воззрѣніе, конечно, безусловно правильно. Общеобразовательныя науки, по способу и направленію преподаванія ихъ особенно въ духовныхъ академіяхъ, не только не должны мѣшать богословскому образованію, но призваны содѣйствовать ему, по скольку это возможно со стороны этихъ наукъ. Вотъ почему послѣднія (въ особенности философія) прямо называются, въ объяснительной къ уставу запискѣ, *вспомогательными* для богословскаго образованія науками. А если это такъ, то для наилучшаго и всесторонняго достиженія цѣли, какая поставлена для академій, необходимо всѣмъ преподавателямъ, исключая преподавателей новыхъ языковъ, имѣть *высшую* степень богословской учености и выражать послѣднюю, по скольку можно и должно, даже при преподаваніи такъ называемыхъ свѣтскихъ наукъ, каковы, напримѣръ, философія, гражданская исторія, словесность и проч. Пріобрѣтеніе степени доктора богословскихъ наукъ преподающими въ академіяхъ общеобразовательные предметы и ищущими ординатуры представляется, значитъ, вполнѣ естественнымъ и нужнымъ дѣломъ. Обладаніе богословко-докторской степенью составляетъ даже особую необходимость для этихъ лицъ и потому, что въ послѣднія десятилѣтія почти не пишутся или крайне рѣдко пишутся магистерскія сочиненія на темы, прямо заимствованныя изъ области догматическаго, нравственнаго, апологетическаго и обличительнаго богословія, хотя авторы этихъ сочиненій и именуются магистрами богословія. Весьма часто магистерскія сочиненія пишутся на такого рода темы и такъ составляются, что изъ этихъ сочиненій никоимъ образомъ нельзя видѣть чисто-богословскаго мышленія и міровоззрѣнія автора. Но этого мало. Въ весьма многихъ магистерскихъ сочиненіяхъ, въ коихъ авторы и *вынуждались* проявить свое богословское мышленіе и міровоззрѣніе, обнаруживается незрѣлость или невыработанность его. Послѣ всего этого мыслимо-ли не требовать степени доктора богословскихъ наукъ или даже чистаго богословія отъ преподавателей общеобразовательнаго знанія, ищущихъ ординатуры? На нашъ взглядъ возможенъ лишь отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Разсматривая дѣло съ точки зрѣнія интересовъ процвѣтанія богословской науки и плодотворнаго служенія ея церкви Христовой и обществу, едва-ли кто можетъ основательно оспаривать необходимость требовать высшей степени богословской учености отъ преподователей общеобразовательныхъ наукъ въ академіяхъ. Прежній уставъ и требовалъ ея отъ каждаго изъ таковыхъ преподавателей, если онъ не имѣлъ степени доктора по своей спеціальности и въ то же время желалъ ординатуры. Это требованіе отмѣнено теперешнимъ уставомъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Оно, говоритъ объяснительная къ уставу записка, побуждало писать диссертацію по предмету, неотносящемуся къ спеціальности преподавателя, а отсюда и происходило появленіе сочиненій, удостоенныхъ степени доктора богословія, но содержащихъ въ себѣ только нѣсколько страницъ, которыя можно отнести къ кругу богословскаго вѣдѣнія. Интересы богословской науки и нужды плодотворнаго служенія ея церкви Христовой не дозволяютъ согласиться съ таковыми основаніями для отмѣны требованія степени доктора богословскихъ наукъ отъ преподавателей общеобразованныхъ наукъ. Область богословскаго знанія столь об-

ширна и разнообразна, что нѣтъ ни одной изъ преподающихся въ академіи «свѣтскихъ» наукъ, которая не имѣла бы тѣснаго и живаго соприкосновенія съ этимъ знаніемъ.

Нѣтъ нужды много говорить о метафизикѣ и исторіи философіи. Каждому доожно быть понятно, что эти «науки» по преимуществу имѣютъ дѣло со многими такими же въ сущности вопросами, каковы и вопросы догматическаго, нравственнаго и отчасти даже обличительнаго богословія. Если бы преподаватели этихъ общеобразовательныхъ «наукъ» захотѣли писать сочиненіе на степень доктора богословія, то нашли бы въ области преподаваемыхъ ими «дисциплинъ» громадное число темъ изъ коихъ одна другой интереснѣе. Каждая изъ нихъ можетъ быть, разработана согласно съ требованіями и задачами богословскаго сочиненія. Такія диссертаціи даже настоятельно нужны въ настоящее время пробужденія философской мысли въ нѣкоторой части нашего образованнаго общества. Преподаватели метафизики и исторіи философіи въ духовныхъ академіяхъ призываются противодѣйствовать своими изслѣдованіями пропагандѣ антихристіанскихъ философскихъ доктринъ, производящейся у насъ журнальнымъ путемъ и при посредствѣ переводныхъ или оригинальныхъ сочиненій, и способствовать утвержденію въ общественномъ сознаніи здраваго философскаго міровоззрѣнія. Преподаватели психологіи въ нашихъ академіяхъ, ищущіе ординатуры, тоже могли-бы и должны-бы служить своими докторскими диссертаціями прямо богословской наукѣ и церкви чрезъ рѣшеніе и уясненіе многихъ предметовъ богословскаго вѣдѣнія съ психологической точки зрѣнія и на психологическихъ основаніяхъ, но въ полномъ согласіи съ православно-христіанскимъ ученіемъ и ради научнаго оправданія тѣхъ или другихъ истинъ его. Современная психологія въ лицѣ то тѣхъ, то другихъ своихъ представителей выступаетъ на борьбу съ разными истинами христіанства. Многіе изъ современныхъ психологовъ начинаютъ пользоваться даже гипнотическими и сродными съ ними явленіями для отрицанія личности и свободы воли въ человѣкѣ и для натуралистическаго объясненія многихъ чудесныхъ событій, о которыхъ повѣствуетъ Библія, и въ частности факта воскресенія Іисуса Христа. Кто-же, какъ не преподаватели психологіи въ духовныхъ академіяхъ, прежде всего и главнымъ образомъ обязаны въ своихъ докторскихъ сочиненіяхъ защищать христіанскія истины отъ тенденціозныхъ нападокъ и отъ лжетолкованія со стороны представителей современнаго психологическаго знанія?

Въ области гражданской исторіи тоже легко найти много предметовъ, которые не только можно, но и нужно обсуждать и уяснять съ православно-богословской точки зрѣнія и въ интересахъ христіанской истины. Ни одинъ историкъ не обходитъ молчаніемъ вопросовъ, касающихся фактовъ или явленій религіозной и нравственной жизни цѣлаго ли человѣчества или какого-либо отдѣльнаго народа, и болѣе или менѣе своеобразно рѣшаетъ ихъ; нѣкоторые же историки весьма обстоятельно толкуютъ о подобныхъ предметахъ въ своихъ сочиненіяхъ и нерѣдко высказываютъ самыя превратныя сужденія о нихъ. Затѣмъ, историки часто неправильно изъясняютъ явленія прогресса и регресса въ исторической жизни человѣчества и отдѣльныхъ народовъ, исходя изъ про-

тиво-христіанскихъ воззрѣній. Но, что̀ не менѣе важно, появлялись и появляются разнообразныя философско-историческія теоріи, въ большинствѣ случаевъ отстраняющія или прямо оспаривающія православно-христіанскую точку зрѣнія на историческую жизнь человѣчества. Сколько все это дастъ самыхъ интересныхъ и живыхъ матерій для богословско-докторскихъ сочиненій! Такія сочиненія, основательно написанныя и правильно проведшія ту или другую христіанскую идею, были-бы полезнѣе и вліятельнѣе даже многихъ богословско-философскихъ диссертацій, хотя и дѣльныхъ, но отличающихся болѣе или менѣе отвлеченнымъ характеромъ.

Преподаватели словесности и ея исторіи тоже могли бы найти много предметовъ въ своей спеціальности для учено-богословской разработки. Эти преподаватели, подобно историкамъ вообще, могли-бы сослужить своими печатными работами не малую службу разнымъ отраслямъ богословскаго знанія и въ частности апологетическому богословію. Языковѣдѣніе тоже можетъ дать много темъ для учено-богословскихъ изслѣдованій. Не говоря уже о разныхъ теоріяхъ происхожденія и образованія дара слова, языка, направленныхъ къ подрыву христіанскаго ученія о человѣкѣ, минуя теоріи происхожденія и образованія религіозныхъ языческихъ миѳовъ и т. под. тоже несогласимыя съ христіанскимъ воззрѣніемъ, остановимся хотя на такъ называемой philologia sacra. Она почти не разрабатывается у насъ, а между тѣмъ это—обширная и важная область богословскаго вѣдѣнія. Кому-же и разрабатывать ее въ докторскихъ сочиненіяхъ, какъ не преподавателямъ древнихъ языковъ въ академіяхъ? Возможность и полезность таковыхъ сочиненій достаточно свидѣтельствуется уже диссертаціею покойнаго о. ректора Московской академіи Смирнова, вышедшей подъ заглавіемъ: «Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія ап. Павла къ Ефесеямъ».

Если бы же въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ преподавателями небогословскихъ наукъ, и содержалось только нѣсколько страницъ, имѣющихъ спеціально богословскій характеръ, то отъ этого одного сочиненіе отнюдь не теряло бы богословскаго характера. Коль скоро эти немногія страницы составляютъ не иное что, какъ выводъ изъ предшествующаго общенаучнаго анализа, и этотъ выводъ получился совершенно логически, безъ всякой натяжки, то такое сочиненіе есть въ сущности богословское и можетъ сослужить полезную службу церкви Христовой. А если въ какомъ-нибудь изъ подобнаго рода сочиненій, кромѣ означеннаго вывода, еще повсюду проходитъ воззрѣніе, согласное съ тою или другою стороною православно-христіанскаго ученія, то, несмотря на кажущійся не достаточно богословскій характеръ такого сочиненія, въ дѣйствительности оно—совершенно богословское. Вѣдь никто не отказываетъ же сочиненію св. Діонисія Александрійскаго *О природѣ* въ богословскомъ характерѣ и въ полезности для церкви, а между тѣмъ оно весьма подходитъ къ выше указаннымъ сочиненіямъ. Произведеній, подобныхъ творенію св. Діонисія, можно было-бы указать немалое число, но ни ихъ богословскій характеръ, ни ихъ пригодность для цѣлей церкви доселѣ тоже не отрицались. А если это такъ, то ничего нельзя сказать про-

тивъ богословскаго характера и полезности вышеуказанныхъ сочиненій, выходящихъ или вышедшихъ изъ-подъ пера преподавателей въ духовныхъ академіяхъ.

Но коль скоро для экстроординарныхъ профессоровъ, преподающихъ общеобразовательныя науки и ищущихъ ординатуры, вполнѣ возможно писаніе сочиненій на степень доктора богословскихъ наукъ, то оно должно и непремѣнно требоваться отъ этихъ преподавателей въ интересахъ развитія богословской науки и ея плодотворнаго служенія церкви. Что касается пользы для богословской науки отъ таковаго требованія, то она безспорна. Благодаря ему, не только поднималось-бы въ своемъ достоинствѣ самое преподаваніе въ академіи различныхъ наукъ, но и вносились-бы въ общую сокровищницу богословскаго знанія болѣе или менѣе дѣльные и полезные вклады, способные благотворно дѣйствовать на подъемъ и развитіе богословской науки даже не въ Россіи только.

Наконецъ, требованіе докторскихъ сочиненій отъ преподавателей общеобразовательной науки, желающихъ быть ординарными профессорами, нужно и по слѣдующей причинѣ. Эти сочиненія служили бы не только для членовъ совѣта и ближайшаго академическаго начальства, но и для высшей духовной власти надежнымъ *показателемъ* какъ зрѣлости, такъ и самаго направленія ученой дѣятельности претендента на ординатуру. Теперь же такого весьма нужнаго показателя не установлено со стороны устава. Насколько солидно и въ христіанскомъ ли направленіи преподаются такія науки, какъ философія, гражданская исторія и т. под., основательно судить объ этомъ нѣтъ никакой возможности для тѣхъ, кто не есть и не можетъ быть всегдашнимъ и въ то же время компетентнымъ слушателемъ преподавателей означенныхъ наукъ. Между тѣмъ, въ силу примѣчанія къ 45 параграфу и словъ объяснительной къ уставу записки, каждый экстраординарный профессоръ можетъ быть предлагаемъ въ качествѣ кандидата на открывшуюся вакантную каѳедру ординарнаго профессора, преподававшаго, подобно ему, одну изъ общеобразовательныхъ же наукъ. Въ этомъ случаѣ должна весьма связываться совѣсть членовъ совѣта, обязанныхъ непремѣнно высказаться по данному предмету. Отказать кандидату въ ординатурѣ воспрещаютъ примѣчаніе къ 45 параграфу и слова объяснительной къ уставу записки, а избрать его на высшую должность не видится никакого уважительнаго основанія. Нельзя же, по моему мнѣнію, считать достаточнымъ для этого основаніемъ значительное старшинство по службѣ, ибо въ этомъ случаѣ значило бы попирать права меньше прослужившихъ, но несоизмѣримо болѣе достойныхъ и полезныхъ. Старшинство, какъ старшинство, при отсутствіи другихъ данныхъ, говорящихъ и могущихъ говорить о достоинствахъ кандидата, не должно имѣть никакого значенія; въ противномъ случаѣ нужно было бы вмѣнять въ заслугу наприм. студенту академіи двугодичное пребываніе его на одномъ и томъ же курсѣ или даже его старшинство по возрасту сравнительно съ товарищами.

Такимъ образомъ, съ устраненіемъ примѣчанія къ 45 параграфу не только обезпечиваются интересы богословской науки и даже инте-

ресы «свѣтскихъ» наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, но и устанавливается наиболѣе справедливое возвышеніе изъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные, а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ положеніе учебнаго дѣла въ академіяхъ поставляется въ наибольшее соотвѣтствіе съ преслѣдуемой ими цѣлію.

Но отмѣна примѣчанія къ 45 параграфу, произведенная въ сейчасъ указанныхъ цѣляхъ, не можетъ не вызывать потребнаго измѣненія въ 141 и 142 параграфахъ. Теперь они являются въ таковой редакціи. «Получающіе въ академіи кандидатскую или магистерскую степень, гласитъ уставъ, именуются кандидатами или магистрами богословія; удостоенные-же докторской степени носятъ наименованіе доктора или богословія, или церковной исторіи, или каноническаго права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ, или представленной диссертаціи (§ 141). Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія, безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертаціи или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлію полученія ученой степени» (§ 142). По скольку эти параграфы относятся къ экстраординарнымъ профессорамъ, уже имѣющимъ магистерскую степень и ищущимъ ординатуры, они, по устраненіи 106 параграфа и примѣчанія къ 45 параграфу, нуждаются въ такомъ перередактированіи, въ силу коего заключали бы въ себѣ ясное и рѣшительное предписаніе, чтобы каждый преподаватель, какую бы науку онъ ни читалъ въ академіи,—богословскую или общеобразовательную, одинаково избиралъ для докторскаго сочиненія непремѣнно такую тему, которая существенно и прямо относится къ области преподаваемаго предмета и предоставляла бы въ частности преподавателю общеобразовательной науки полную возможность выразить въ диссертаціи какъ надлежащую компетентность въ его спеціальности, такъ и богословскую ученую солидность. Такое узаконеніе, съ большой пользою для богословской науки и ея процвѣтанія, могло бы быть сопровождено особымъ примѣчаніемъ, гласящимъ, что преподаватели, пріобрѣтшіе магистерскую степень за сочиненіе, не относящееся спеціально къ области догматическаго, нравственнаго, апологетическаго и сравнительнаго или обличительнаго богословія, обязаны избирать для докторскаго сочиненія тему, прямо относящуюся къ какой-нибудь изъ этихъ чисто-богословскихъ наукъ, но въ то же время въ той или иной степени соотвѣтствующую и преподаваемой докторантомъ спеціальности.

Коль скоро совершились-бы отмѣна 106 параграфа и примѣчанія къ 45 параграфу и соотвѣтственное измѣненіе 141 и 142 параграфовъ, тогда богословская наука и ея прямые и не прямые служители были-бы поставлены, сравнительно съ теперешнимъ положеніемъ дѣла, въ гораздо болѣе благопріятныя условія. Что касается богословской науки, то она тогда получила бы возможность не только болѣе живаго, но и равномѣрнаго развитія во всѣхъ своихъ отрасляхъ, чего никоимъ образомъ не можетъ достигнуть отмѣна только одного 106 параграфа. Тогда исчезли бы теперь обычныя, неизбѣжныя и безусловно-справедливыя сѣтованія на то, что для докторскихъ сочиненій избираются предпочтительно историко-

археологическія темы, а богословско-философскія и библейско-истолковательныя матеріи обходятся. Чувствующій себя неспособнымъ писать на темы послѣдняго рода, обязательныя для него въ силу преподаваемаго имъ предмета, всегда оставался бы экстраординарнымъ профессоромъ. Въ преемники-же ему, когда онъ отбудетъ свой служебный терминъ, отнюдь не долженствующій простираться долѣе 30 лѣтъ [8]), заявлялись-бы кандитами лица, чувствующія особое влеченіе къ работѣ въ области богословско-философской или библейско-истолковательной, уже заявившіе себя съ этой стороны магистерскимъ сочиненіемъ и способные современемъ написать и докторское сочиненіе на такого же рода тему. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ богословская наука, въ лицѣ всѣхъ преподавателей академіи, могла бы несравненно плодотворнѣе, чѣмъ теперь, служить пользѣ церкви Христовой и запросамъ общества. Что же касается условій служебнаго возвышенія преподавателей академіи, то эти условія сдѣлались бы для всѣхъ одинаковыми и всѣхъ одинаково побуждающими къ усерднѣйшей работѣ въ области своей спеціальности и къ написанію требуемыхъ ея особенностями сочиненій для полученія степени доктора богословскихъ наукъ.

Профессоръ А. Гусевъ.

---

[8]) Это ограниченіе по отношенію къ такимъ профессорамъ представляется вполнѣ естественнымъ.

Наши университетскіе диспуты.

I.

Въ началѣ января сего года былъ въ Петербургскомъ университетѣ докторскій диспутъ профессора Пл. Кулаковскаго, защищавшаго свое сочиненіе объ «Иллиризмѣ». Профессоръ В. И. Ламанскій, оффиціальный оппонентъ, изумилъ насъ своею оппозиціей. Съ ожесточеніемъ напалъ онъ на главнаго дѣятеля иллиризма, Людовика Гая, и такъ сказать совершенно его уничтожилъ. Человѣкъ, котораго всѣ привыкли считать за одного изъ лучшихъ людей своего времени между славянами, изображенію заслугъ котораго для своего отечества и всего западнаго славянства посвящена большая часть прекраснаго сочиненія г. Кулаковскаго, былъ, по отзыву г. Ламанскаго, оффиціальнымъ шпіономъ австрійскаго правительства на славянскомъ съѣздѣ въ Россіи въ 1867 г., что сдѣлалось извѣстнымъ г. Ламанскому изъ письма къ кому-то тогдашняго нашего священника въ Вѣнѣ, М. Ѳ. Раевскаго, предупреждавшаго на этотъ счетъ русскихъ членовъ съѣзда. Гай собиралъ со всего міра книги, якобы для національной библіотеки своего города, а на самомъ дѣлѣ—для себя; собиралъ и собралъ большія деньги якобы на нужды иллирійскаго возрожденія и—обращалъ ихъ въ свою пользу. Который-то изъ нашихъ ученыхъ въ своемъ письмѣ (неизданномъ, но извѣстномъ г. Ламанскому), писалъ о Гаѣ, что это человѣкъ злой, коварный, раздражительный, самолюбивый и своекорыстный и т. д. Докторантъ смиренно склонился предъ мнѣньемъ столь великаго авторитета, какъ его оффиціальный оппонентъ, и отрекся отъ своего героя, котораго въ книгѣ своей превозноситъ выше небесъ за его, дѣйствительно, великія заслуги для западнаго славянства. Когда же одно изъ частныхъ лицъ, присутствовавшихъ на диспутѣ, соплеменникъ Гая, г. Геруцъ, началъ было очень мягко и въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ защищать великаго человѣка своей національности, ему скоро заградили уста.—Мы, присутствуя на диспутѣ, не мало дивились, отчего докторантъ не защищалъ Гая,— что было такъ легко. Пишущій эти строки зналъ лично покойнаго М. Ѳ. Раевскаго и въ бытность свою въ Вѣнѣ не одинъ долгій вечеръ провелъ въ собесѣдованіяхъ съ нимъ о дѣлахъ славянства; по моему мнѣнію Раевскій рѣшительно неспособенъ былъ дать тотъ отзывъ о Гаѣ, какой приводилъ г. Ламанскій; не въ его характерѣ вообще было дѣлать кому бы то ни было такія предупрежденія, какъ о шпіонствѣ Гая,—обвиненіе, которое, по моему мнѣнію, совершенно несправедливо. Докторанту, какъ историку, слѣдовало въ этомъ случаѣ примѣнить основной законъ историческаго повѣствованія, законъ исторической критики, и потребовать доказательствъ какъ подлинности писемъ, на которыя ссылался оппонентъ, такъ и вообще основательности его сужденій о личности Гая. Я даже попросилъ бы эксперта-каллиграфа, для удостовѣренія принадлежности упомянутыхъ писемъ тѣмъ лицамъ,

которымъ ихъ приписываетъ г. Ламанскій, чрезъ сличеніе ихъ съ несомнѣнно подлинными письмами этихъ лицъ,—до того мнѣ кажется неосновательнымъ отзывъ о Гаѣ г. Ламанскаго... Но всѣ ему повѣрили, и на слово, по крайней мѣрѣ никто не возражалъ, а того, кто хотѣлъ возразить, не захотѣли слушать. Диспутъ окончился... Мы увѣрены, что еслибы на диспутѣ присутствовали незабвенные сверстники и друзья Гая—Григоровичъ, Бодянскій, Срезневскій и др., они жестоко осудили бы отношеніе къ нему В. И. Ламанскаго.

II.

На бывшемъ, 5-го февраля въ С.-Петербургскомъ университетѣ диспутѣ С. Ѳ. Ольденбурга, защищавшаго свое сочиненіе «Буддійскія легенды», для полученія степени «магистра восточной словесности», диспутантъ постоянно употреблялъ слово церковь въ примѣненіи къ составу Буддійскаго религіознаго общества. Неговоря о томъ, что это совершенно несправедливо по отношенію къ христіанству, которое одно и исключительно усвоиваетъ составу своего общества названіе церковь, употребленіе этого слова въ примѣненіи къ буддизму и *не научно*. Сами буддисты этого слова вовсе не знаютъ и не употребляютъ; а главное въ научныхъ понятіяхъ о буддизмѣ и христіанствѣ между устройствомъ буддійскаго религіознаго общества и устройствомъ церкви, нѣтъ и не можетъ быть не только тождества или генезиса но и простой аналогіи. Нѣсколько сочиненій, явившихся въ послѣднее время, пытающихся установить тождество нѣкоторыхъ пунктовъ ученія буддизма съ пунктами ученія христіанскаго, никѣмъ изъ серьезныхъ ученыхъ не признаны за сочиненія, имѣющія цѣну научности, и очень жаль, если молодой оріенталистъ становится на сторону воззрѣній этой антинаучной тенденціозной литературы.—Столь же неумѣстнымъ представляется названіе *общины* въ отношеніи къ помѣстному или общему составу послѣдователей буддизма, которое усваиваетъ ему г. Ольденбургъ. Слово «община» есть строго опредѣленный терминъ науки государственнаго и гражданскаго права, иностраннаго и нашего отечественнаго, принятый для обозначенія извѣстной низшей единицы гражданско-административнаго дѣленія (напримѣръ во Франціи). У насъ въ Россіи существуетъ сельская «община» и общинная форма землевладѣнія, исконная русская форма сельскаго земледѣльческаго быта, консервативно обезпечивающая существованіе сельскаго населенія отъ того разоренія, которому неизбѣжно подверглось бы оно въ настоящее время, если бы эта форма землевладѣнія теперь же была замѣнена подворнымъ владѣніемъ, о чемъ говорятъ уже многіе и въ литературныхъ кругахъ и въ административныхъ сферахъ. Что касается буддизма, какъ религіозной доктрины, то что можетъ означать въ примѣненіи къ нему слово «община» трудно сказать,—по моему мнѣнію такое названіе въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла. Организація какъ общаго состава населеній, исповѣдующихъ Будду, такъ и помѣстныхъ буддійскихъ обществъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи отнюдь не имѣетъ ничего похожаго на устройство

«общинъ», ни нашихъ русскихъ, ни заграничныхъ. Столь же неумѣстнымъ представляется намъ въ рѣчи магистранта употребленіе въ ней въ примѣненіи къ буддизму терминовъ: Спаситель, Троица, монахъ—терминовъ—спеціально христіанскихъ. Авторъ даетъ намъ въ своихъ разсужденіяхъ о буддизмѣ не объективное научное изложеніе буддійскихъ вѣрованій, а какую то породію ихъ, облеченную въ христіанскую терминологію, что видимо, имѣетъ цѣлію если не отождествить буддизмъ съ христіанствомъ, то поставить ихъ въ генетическое соотношеніе, соотношеніе родственности и преемственности. Повторяемъ: серьезная наука такихъ отношеній буддизма къ христіанству не признаетъ, хотя и допускаетъ аналогичность многихъ отдѣльныхъ явленій той и другой религіи, обусловливаемую одинаковостію и однородностію производительныхъ силъ религіознаго творчества во всемъ человѣчествѣ.

Н. Щ.

Дѣятельность С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.

Петербургскій комитетъ грамотности учрежденъ 6 апрѣля 1861 г. при Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ и по почину этого послѣдняго въ виду того, что грамотность признана была главнымъ средствомъ для распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и другимъ предметамъ занятій общества. Дѣятельность комитета опредѣлена правилами, утвержденными министромъ государственныхъ имуществъ. Согласно этимъ правиламъ, комитетъ:

а) «собираетъ свѣдѣнія объ учреждающихся и существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ сельскихъ школахъ, пріютахъ, воскресныхъ классахъ и т. п.;

б) «разузнаетъ объ ихъ положеніи, средствахъ, встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ и недостаткахъ;

в) «обращаетъ вниманіе на нужды, высказываемыя мѣстнымъ населеніемъ въ учебныхъ средствахъ и пособіяхъ, изыскиваетъ мѣры къ удовлетворенію сихъ нуждъ, старается доставить существующимъ школамъ возможность успѣшнаго дѣйствія, а учреждающимся указать начала и средства для развитія;

г) «входя въ сношеніе съ учредителями и преподавателями школъ, снабжаетъ ихъ требуемыми указаніями, педагогическими наставленіями и, по возможности, учебными пособіями, и распространяетъ полезныя, по народному образованію, свѣдѣнія чрезъ изданія общества и другіе литературные органы;

д) «занимается обсужденіемъ разныхъ методъ преподаванія, разсматриваетъ учебники, руководства и книги для народнаго чтенія и издаетъ одобреннымъ имъ книгамъ особые списки, поощряетъ авторовъ, заслу-

живающихъ своими сочиненіями особаго вниманія, старается преслѣдовать печатною гласностію изданія книжной спекуляціи, методы преподаванія, устарѣвшія и не соотвѣтствующія требованіямъ современнаго образованія, и учреждаетъ конкурсы на сочиненія для народнаго обученія и чтенія и вообще по рѣшенію разныхъ вопросовъ, касающихся его дѣятельности;

с) «издаетъ разныя книги для народнаго чтенія, руководства и листки и изъ нихъ одобренные министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности, разсылаетъ желающимъ и въ училища, за деньги и безплатно; о книгахъ же, не разсмотрѣнныхъ и неодобренныхъ еще министерствомъ народнаго просвѣщенія, Комитетъ сообщаетъ свои мнѣнія въ это министерство и можетъ разсылать ихъ въ училища только съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія».

Дѣйствуя въ указанныхъ предѣлахъ, комитетъ успѣлъ пріобрѣсти на собранныя пожертвованія и членскіе взносы около $1^1/_2$ милліона книгъ, которыя и были разосланы въ народныя школы, безплатныя читальни и для даровой раздачи; кромѣ того болѣе полумилліона книгъ пріобрѣтено черезъ посредство комитета разными лицами и учрежденіями по удешевленной цѣнѣ (съ уступкой отъ 20% до 30%). Комитетъ, съ самаго начала своего существованія, выдавалъ пособія вновь учреждаемымъ школамъ; въ 1878 г. имъ изданъ весьма полезный каталогъ народно-учебныхъ книгъ, подъ названіемъ: «Обзоръ русской народно-учебной литературы», затѣмъ комитетомъ поставленъ на очередь вопросъ объ обязательномъ обученіи, собраны многочисленныя данныя: въ 1882 г. о школьныхъ зданіяхъ въ Россіи, въ 1884 г. о домашнихъ школахъ грамотности; выработанъ проэктъ устройства народнаго театра съ планомъ его и репертуаромъ.

За труды по народному образованію, которые намѣчены здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и изданія комитету присуждены: на московской политехнической выставкѣ 1882 г. дипломъ первой степени, соотвѣтствующій золотой медали, и на парижской всемірной выставкѣ 1889 г. серебряная медаль.

Замѣчательное оживленіе въ дѣятельности комитета наблюдается въ самое послѣднее время. Холерные безпорядки и неурожайные годы (1892 и 1891) лишній разъ и очень больно напомнили образованному обществу объ обязанностяхъ по отношенію къ его кормильцу-народу; къ народному образованію, какъ къ одному изъ коренныхъ средствъ противъ недостатковъ народной жизни, пробуждается великій интересъ. Въ составъ комитета входятъ молодыя силы, и въ первый же годъ своего существованія новая коммиссія издаетъ около $^1/_2$ милліона книжекъ! Нѣкоторыя изданія выполнены превосходно—очень изящно и необыкновенно дешево (напр., басни Крылова). Число членовъ за послѣдніе два года утроилось. Ставится вопросъ о народныхъ читальняхъ, которымъ комитетъ съумѣлъ заинтересовать всю образованную Россію. «Заявленія о желаніи имѣть у себя читальни посыпались изъ многихъ земскихъ и неземскихъ губерній, отъ многихъ частныхъ лицъ, отъ видныхъ представителей администраціи. Многія земскія собранія сдѣлали постановленія объ ассигнованіи значительныхъ суммъ на открытіе читаленъ. Такъ, на-

примѣръ, уржумское уѣздное земское собраніе, привѣтствуя мысль комитета объ устройствѣ читаленъ при волостныхъ правленіяхъ, ассигновало на это дѣло 2,400 р. Осинское собраніе уѣзднаго земства пермской губ. постановило построить особыя зданія для народныхъ читаленъ. Мелитопольское земство отчислило на народныя читальни крупную сумму 10,000 р. Точно также чернскій уѣздъ тульской губ. опредѣлилъ выдавать ежегодно на эту же цѣль 350 р. Также откликнулись многія другія земства: егорьевское, кременчугское, лебединское, курмыжское, ставропольское, богучарское, вятское, изюмское, весьегонское, чердынское сызранское и др. [1]).

Самъ Комитетъ успѣлъ собрать для той же цѣли около 20,000 р. пожертвованій, и это только начало. Возбужденіе вопроса о народныхъ читальняхъ, которыхъ до послѣдняго времени почти не существовало, разумная постановка его, энергія, обнаруженная при осуществленіи начинанія,—все это должно быть поставлено въ исключительную заслугу Комитету грамотности.

Понятно, что блестящая дѣятельность Комитета грамотности, учрежденія свободнаго, независимаго, являющаяся прямымъ обличеніемъ теорій нашихъ псевдо-консерваторовъ, вызываетъ въ нихъ чувство недоброжелательности и зависти. Отсюда ложные слухи о томъ, будто Комитетъ грамотности переходитъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. По поводу этихъ слуховъ «Нов. Время»—газета, какъ извѣстно, вовсе не либеральная, высказало слѣдующія, на нашъ взглядъ вполнѣ справедливыя, сужденія:

«Такой горячей и плодотворной работы, какъ работа Комитета грамотности никогда не проявляли чиновники, работающіе за жалованіе, за чины; такую работу производили только свободныя частныя лица, работающія безвозмездно, единственно изъ святой безкорыстной любви къ народу и народному просвѣщенію. Не одобрять вольно-экономическое общество за то, что оно черезъ Комитетъ грамотности работало для начальнаго образованія, и отторгать отъ него Комитетъ грамотности было бы несогласно съ Высочайшими рескриптами, выражавшими благодарность вольно-экономическому обществу именно за работы о распространеніи грамотности и призывавшими его продолжать эти труды. Отъ добра добра не ищутъ и, имѣя живое, полезное учрежденіе, надо его сохранить и развивать, а не производить надъ нимъ рискованныя вивисекціи. Противъ предположенія о томъ, будто правительство желаетъ централизовать все дѣло народнаго образованія въ рукахъ одного министерства народнаго просвѣщенія, говоритъ какъ продолжающееся существованіе церковно-приходскихъ школъ, состоящее въ духовномъ вѣдомствѣ, такъ и новѣйшій законъ 20 декабря 1894 г., дающій въ губерніяхъ, въ которыхъ введена казенная продажа вина частнымъ попечительствамъ о трезвости, подвѣдомственнымъ министерству финансовъ, право устраивать народныя библіотеки, народныя чтенія и издавать брошюры для народа». И дѣйствительно, со стороны правительства никакого намѣ-

[1]) «Сѣв. Вѣст.», февраль, 1895 г., стр. 188.

ренія не только прекратить, но и измѣнить характеръ дѣятельности Комитета, не было заявлено. Было только желаніе самого совѣта вольно-экономическаго общества превратить Комитетъ грамотности въ IV отдѣленіе общества въ засѣданіи 21 января предложеніе совѣта вызвало горячія возраженія со стороны присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ. Указывалось, что нѣтъ никакой цѣли лишать Комитетъ грамотности его популярнаго имени, тѣмъ болѣе, что онъ пережилъ уже три земскихъ давности; что съ преобразованіемъ Комитета въ отдѣленіе всѣ молодыя силы отпадутъ отъ него, такъ какъ уставъ Императорскаго вольно-экономическаго общества опредѣляетъ возрастъ членовъ, и, кромѣ того, членскіе взносы вдвое выше взносовъ комитета грамотности, что не всякому подъ силу. Предлагаемая мѣра, сказалъ г. Анучинъ, лишитъ возможности нашу молодежь служить святому дѣлу народнаго просвѣщенія. Для рѣшенія вопроса о переименованіи Комитета въ Отдѣленіе избрана была коммиссія изъ 5 лицъ, которая послѣ получасового совѣщанія вынесла слѣдующую резолюцію:

«Принимая во вниманіе 1), что функціи Комитета одинаково важны для всѣхъ отдѣленій общества; 2) что обращеніе Комитета въ IV Отдѣленіе существенно измѣняетъ организацію его, уменьшаетъ число членовъ и присоединяетъ всѣ капиталы и членскіе взносы къ суммамъ общества, и 3) что Комитетъ и теперь находится въ тѣсномъ общеніи съ обществомъ, чрезъ которое онъ вноситъ всѣ свои ходатайства, — войти съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о переименованіи временнаго Комитета въ постоянный, съ сохраненіемъ его настоящаго названія и цифры дѣятельности.

Пожелаемъ же полнаго успѣха ходатайству. Просвѣтительная дѣятельность Комитета приноситъ столь осязательную пользу, что имѣть, что-нибудь противъ нея могутъ одни мраколюбцы да еще тѣ патріоты, которымъ дано успокоиться на лестномъ отзывѣ Леонтьева о неоффиціальной Россіи [1]). Мы же всѣ остальные будемъ радоваться каждому успѣху Комитета, будемъ огорчаться каждой неудачей его. Конечно, сочувствіе дѣятельности комитета не должно оставаться пассивнымъ: число добровольцевъ-воиновъ противъ невѣжества народнаго будетъ расти, надѣемся, не по годамъ, а по днямъ; тѣ же, которые не имѣютъ возможности посвящать себя всецѣло этой дѣятельности, будутъ содѣйствовать своими посильными пожертвованіями.

М. Т.

---

[1]) См. «Русск. Обозр.» Февраль, статью о. І. Фуделя о К. Н. Леонтьевѣ.

Наша учащаяся молодежь.

Безпорядки, произведенные недавно петербургскими студентами въ самый день чествованія ихъ almae matris, глубоко огорчили всѣхъ истинныхъ друзей молодежи. Пьянство, дебошъ, кулачная расправа—все это болѣе напоминаетъ подвиги башн-бузуковъ, чѣмъ поступки порядочныхъ людей. Что теперь говорить о какихъ-нибудь астраханскихъ оборванцахъ, безграмотныхъ, голодныхъ, запуганныхъ эпидеміей, когда соль нашей земли, когда тѣ, на которыхъ мы возлагаемъ наши лучшія надежды, аттестуютъ себя такъ великолѣпно?!...

Да простятъ намъ господа студенты наши откровенныя сужденія, но вещи надо называть ихъ именемъ. Откуда-же эти „новыя птицы“ и „новыя пѣсни“? Кто эти юнцы, съѣзжающіеся теперь со всѣхъ концовъ Россіи съ свидѣтельствами начальства объ ихъ зрѣлости? Каково ихъ умственное развитіе, каковы ихъ идеалы?

На эти именно вопросы хотѣлось бы обратить вниманіе всѣхъ воспитывающихъ наше юное поколѣніе.

Аттестатъ зрѣлости!.. Какъ много въ этомъ звукѣ слилось... для всѣхъ алчущихъ карьеры и жаждущихъ благъ земныхъ... А кто ихъ теперь не жаждетъ?

„Блаженны нищіе“, читаютъ всѣ въ священнѣйшей для нихъ книгѣ. Но кому изъ насъ придетъ въ голову воспитывать на этихъ началахъ своихъ дѣтей?!

Не только нищенство, но бѣдность, честная трудолюбивая бѣдность стала позоромъ, который стараются скрывать всѣми силами. Человѣкъ, не успѣвшій „сдѣлать“ карьеру, не успѣвшій добиться ни богатства, ни чиновъ извѣстныхъ,—жалкій неудачникъ, къ которому въ лучшемъ случаѣ относимся съ сожалѣніемъ, а сплошь и рядомъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Образованные родители, въ своихъ мечтахъ о будущности дѣтей, отнюдь не представляютъ ихъ себѣ аскетами, пренебрегшими благами земными или самоотверженными слугами родины. О, нѣтъ! Они мечтаютъ: „получитъ сынокъ аттестатъ зрѣлости, кончитъ университетъ, а тамъ...

«Въ люди выйдешь, все съ вельможами
Станешь дружество водить...
. . . . . .
И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»

Въ этой затхлой атмосферѣ буржуазныхъ вождѣленій глохнутъ и гибнутъ въ ребенкѣ лучшія стороны его души, задатки любви къ ближнимъ, готовность жертвовать собою ради высокихъ цѣлей,—онъ заражается ядомъ родительскихъ пожеланій, онъ также начинаетъ мечтать о томъ соблазнительномъ будущемъ, когда онъ будетъ большимъ барином, обладателемъ роскошнаго дома, великолѣпнаго выѣзда и т. д. Между крошечными гимназистиками можно часто подслушать оживленные споры о томъ, чѣмъ *выгоднѣе* быть: адвокатомъ ли, докторомъ, инженеромъ, чиновникомъ и т. д. Такое низменное направленіе дѣйствуетъ гибельно и на умственное развитіе молодежи; отсутствіе возвышенныхъ помысловъ и стремленій (идеаловъ) ведетъ къ одичанію. Могутъ попадаться отдѣльныя единицы, умственно высоко развитыя, несмотря на свое нравственное ничтожество, но въ общемъ массу подымаютъ умственно только нравственныя стремленія.

Если вліяніе семьи на ребенка сказывается въ поощреніи его эгоистическихъ инстинктовъ, то государство, напротивъ, прямо заинтересовано въ развитіи лучшихъ и высшихъ началъ его души; государственныя учебныя заведенія должны выпускать изъ своихъ стѣнъ мужей доблестныхъ, готовыхъ душу положить за свою родину, смѣлыхъ и просвѣщенныхъ борцовъ на всѣхъ поприщахъ за правду, за угнетенныхъ, а не своекорыстныхъ карьеристовъ, панамцевъ и т. под. Школа, конечно, не всемогуща; винить ее одну въ прискорбныхъ явленіяхъ жизни невозможно; но дѣлаетъ ли школа, по крайней мѣрѣ, все отъ нея зависящее? По нашему мнѣнію—нѣтъ. Школа въ настоящее время не даетъ даже того minimum'а умственнаго развитія, при которомъ возможно усвоеніе высшихъ обязанностей человѣка и гражданина. Приведемъ доказательства:

Въ началѣ нынѣшняго академическаго года нѣкоторыя столичныя газеты перепечатали сообщеніе о результатахъ испытаній зрѣлости въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. (Беремъ Кіевскій округъ для примѣра, въ другихъ дѣло также не обстоитъ лучше). Рецензіи работъ выпускныхъ учениковъ дали профессора: Флоринскій, Леціусъ, Кулаковскій и Букрѣевъ. Проф. Флоринскій, разсматривавшій отвѣты по русской словесности далъ слѣдующій отзывъ: въ 1893 г. „изъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа выпущены съ аттестатами зрѣлости, съ правомъ поступленія въ университетъ до 60 юношей, умственно неразвитыхъ и малограмотныхъ. На сколько справедливъ отзывъ почтеннаго профессора можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ работъ учениковъ, написанныхъ на тему: „Мысли Пушкина о призваніи и назначеніи поэта“. Одинъ изъ учениковъ пишетъ: „Пушкинъ пѣвецъ сладкаго и возвышеннаго, поэтъ дол-

женъ быть царемъ себя"; другой—„Пушкинъ натура пылкая, воспріимчивая и поверхностная. Онъ часто мѣнялъ свои убѣжденія, такъ какъ писалъ подъ вліяніемъ минуты"; третій говоритъ, что „Пушкинъ смотрѣлъ на поэзію, какъ на богатый капиталъ" и т. п.—Не менѣе удачны переводы учениковъ съ древнихъ языковъ на русскій. Лѣтъ 20, даже 15 тому назадъ, когда молодежь не въ такой степени еще была пропитана духомъ карьеризма и увлекалась общественными и другими высокими интересами, когда она поэтому больше думала и читала,—работы, вродѣ приведенныхъ, были бы смѣшными исключеніями. Оффиціальные отзывы господъ профессоровъ извѣстны всѣмъ, читающимъ газеты, я на нихъ по этому и останавливаться не буду; приведу слышанное мною недавно отъ бывшаго моего учителя русской словесности, котораго я не видѣлъ лѣтъ 15,—съ тѣхъ поръ, какъ кончилъ гимназію. Бѣдный старикъ чуть ли не съ первыхъ словъ сталъ жаловаться на крайнюю неразвитость теперешнихъ его учениковъ. „Посудите сами... Пріѣзжаетъ къ намъ въ этомъ году попечитель округа, заходитъ ко мнѣ на урокъ (дѣло-то, замѣтьте, происходитъ въ 8-мъ классѣ, чуть ли не наканунѣ выпуска). Вызываетъ ученика Х. (весьма прилежный субъектъ). „Что вы теперь проходите", спрашиваетъ его п—во.—„Періоды". „Ну-съ, скажите мнѣ примѣръ на періоды сравнительные". Х. начинаетъ тономъ заведенной шарманки: „Подобно *гадючей* мѣди"...—„Какъ какъ??" изумляется его п-во.—„Подобно гадючей мѣди"... „Какая мѣдь?!?"—„Гадючая". „Что за вздоръ?" обращается уже ко мнѣ г. Попечитель.—Въ книжкѣ, Ваше п-во, періодъ начинается словами „подобно гудящей мѣди..." Заучилъ неправильно: можете себѣ представить мое положеніе. Да что Х!.. Вы думаете, быть можетъ, что этотъ талантливый юноша—единственное въ своемъ родѣ явленіе?.. *Всѣ* они буквально ничего не читаютъ и ограничиваются однимъ зубреніемъ уроковъ. $^{9}/_{10}$ изъ нихъ даже про Обломова только изъ хрестоматіи знаютъ!.

Грустное, тяжелое впечатлѣніе производили на меня жалобы стараго учителя. Вспомнился мнѣ маленькій городокъ на берегу южнаго моря, тѣсный товарищескій кружокъ, долгіе вечера, проведенныя за чтеніемъ хорошихъ книжекъ, горячіе споры. Смѣшными, быть можетъ, показались бы теперь дѣтскія мечты, юношеская самоувѣренность, не признающая никакихъ препятствій и смѣло разрѣшающая самыя трудные вопросы. Но, Богъ свидѣтель, что эти мечты не были мечтами о личномъ счастьѣ, и что вопросы, разрѣшавшіеся нами, интересовали насъ безконечно больше нашей собственной карьеры... Пусть эти мечты были дѣтскими, но они не были ни пошлыми, ни мелкими—это во-первыхъ, а во-вторыхъ они пробуждали насъ читать и думать надъ прочитан-

нымъ; ужь навѣрно никто изъ насъ не написалъ бы подобной чепухи о Пушкинѣ и не зазубривалъ бы, какъ попугай, примѣры на періоды. Умственно развивать молодежь можетъ только чтеніе, ибо окружающая учащагося среда, обыкновенно, слишкомъ низкаго развитія. Къ сожалѣнію, начиная съ 70-хъ годовъ, чтеніе во многихъ гимназіяхъ не только не одобрялось, но даже преслѣдовалось: записываться въ городскихъ библіотекахъ строго воспрещалось, обмѣнъ мыслей между товарищами не допускался; при посѣщеніяхъ гимназическимъ начальствомъ учениковъ на дому отбирались книжки самаго невиннаго содержанія: „вы должны уроки готовить, а не чтеніемъ заниматься“. Вотъ, по нашему глубокому убѣжденію, одна изъ главныхъ причинъ пониженія уровня умственнаго и нравственнаго развитія юношества; отсюда „гадючая мѣдь“, отсюда нелѣпые, пьяные безпорядки...

Необходимо всѣми средствами пріучать учащихся къ чтенію.

Въ пору подъема волны общественной жизни никакихъ мѣръ для достиженія этой цѣли не требовалось: не слѣдовало только противодѣйствовать; въ настоящее же время надо учащихся заставлять читать. Можно было бы распредѣлить по классамъ, начиная съ перваго, лучшія произведенія какъ нашихъ, такъ и иноземныхъ писателей, и требовать отъ учащихся знакомства съ ними, какъ требуется знаніе преподаваемыхъ предметовъ и языковъ. Для ученика, напр., третьяго-четвертаго класса, не менѣе должно быть обязательно прочитать „Князя Серебряннаго“, чѣмъ знать ну хотя бы, что послѣ „ut“ ставится сослагательное наклоненіе и т. д. Если дѣло будетъ поставлено такъ, что ученики, не прочитавшіе опредѣленныя программой литературныя произведенія, не будутъ переводиться въ слѣдующій классъ, то можно сказать съ увѣренностью, что черезъ нѣсколько уже лѣтъ, оканчивающіе гимназіи не будутъ насъ больше поражать такими безграмотными и глупыми отвѣтами. Вмѣстѣ съ этимъ будетъ достигнута и другая, еще болѣе высокая цѣль: знакомство съ лучшими твореніями человѣческаго духа не можетъ остаться безъ вліянія на нравственный складъ молодежи.

М. Т.

Сельскохозяйственныя промышленныя желѣзныя дороги.

(Полеты фантазіи).

I.

Вопросъ о подъѣздныхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ мѣстнаго значенія, о которомъ такъ много говорили въ минувшемъ году, какъ будто заглохъ въ нынѣшнемъ. Мнѣ неизвѣстна судьба этого вопроса: задремалъ ли онъ въ которой-нибудь изъ канцелярій, снятъ ли онъ вовсе съ очереди—но во всякомъ случаѣ, вопросъ заслуживаетъ того, чтобы завести о немъ рѣчь, хотя бы и безо всякаго повода.

Впрочемъ, нѣкоторый «поводъ» у меня есть. На-дняхъ мнѣ довелось прочитать чрезвычайно интересную «записку» о подъѣздныхъ путяхъ, и вотъ всѣ тѣ мысли, которыя я многократно высказывалъ въ разное время, и въ разныхъ мѣстахъ, по разнымъ поводамъ, полу-шутя или вполнѣ серіозно, съ особою настойчивостью вновь просятся подъ перо.

Архимедъ искалъ только точки опоры для своего рычага, чтобы перевернуть міръ.

Мы счастливѣе древнихъ.

Съ насъ достаточно освободиться только отъ рутины, чтобы перевернуть міръ, ибо въ нашемъ распоряженіи всегда найдутся пара рельсъ и паръ въ придачу къ рельсамъ.

Вотъ моя всегдашняя тема, повторенная много разъ на всякіе лады.

Чего можно достигнуть въ области сельскохозяйственной промышленности постройкою сѣти подъѣздныхъ путей мѣстнаго значенія?

Отвѣчаю съ твердостью несокрушимаго убѣжденія: *всего*, или такихъ пустяковъ, о которыхъ и говорить не стоитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустивъ, что на сооруженіе подъѣздныхъ желѣзнодорожныхъ путей казна можетъ ассигновать ежегодно, скажемъ, по 10 милл. руб. и, принимая стоимость версты подъѣздной дороги въ 15.000 руб., получимъ ежегодно около 700 верстъ. Предположимъ, что окажется возможнымъ ассигновать на указанный предметъ *вдвое*, и все-таки въ конечномъ итогѣ получатся пустяки, въ видѣ 35—40 тысячъ верстъ подъѣздныхъ путей, которые, благодаря громадности пространствъ, составляющихъ Россію, *участятъ* русскую желѣзнодорожную сѣть въ столь незначительной пропорціи, что сравненіе нашего отечества въ этомъ отношеніи даже съ наиболѣе бѣдными желѣзнодорожною сѣтью государствами Западной Европы окажется рѣшительно не въ нашу пользу. Если черезъ двадцать пять лѣтъ усиленной желѣзнодорожной стройки даже такое, экономически конечно вовсе не образцовое государство, какъ Австро-Венгрія, окажется примѣрно въ $3^1/_2$ раза богаче нашего желѣзнодорожными путями, то не выяснится ли съ полною очевидностью, что въ идеѣ сооруженія подъѣздныхъ желѣзнодорожныхъ путей мѣстнаго значенія можно искать чего угодно, кромѣ абсолютнофантастической мечты путемъ такого сооруженія сколько-нибудь замѣтно вывести Россію изъ первобытнаго состоянія ея путей сообщенія? Говорить, что *одна*, самая

лучшая, самая комфортабельная, но *одна* карета способна удовлетворить петербургское населеніе въ сколько-нибудь сносныхъ извощичьихъ экипажахъ, это — явный бредъ. Нужна не одна, а тысячи подобныхъ каретъ. Тоже самое относительно желѣзнодорожныхъ путей. Чтобы имѣть право считать Россію *путевою*, ставшею безусловно *проѣзжею*, необходимы не жалкія какіе-нибудь сотни, но ежегодно *десятки тысячъ* верстъ новыхъ желѣзнодорожныхъ путей въ теченіе долгаго ряда лѣтъ. Если Франція, считающая 7,2 кил. желѣзнодорожныхъ путей на 100 кв. километровъ, въ 12 разъ богаче ими въ сравненіи съ нами, то спрашивается, какое пропорціональное количество необходимо имѣть *намъ*, при безпредѣльности этихъ нашихъ квадратныхъ километровъ? На это можно отвѣтить примѣрно такъ: мы только недавно поклонились нашему бюджетному милліарду, котораго болѣе никогда не увидимъ; когда одно прекрасное 1-е января мы узнаемъ, что въ государственную роспись внесено *десять* милліардовъ, тогда мы поздравимъ себя съ совершеннолѣтіемъ и подумаемъ о томъ, что время сдѣлать наше отечество *проѣздимымъ*...

Итакъ, не станемъ обманываться: въ ожиданіи этихъ десяти милліардовъ, мы будемъ попрежнему страдать бездорожьемъ, будемъ по прежнему топуть въ грязи осенью и весною, рѣзать лошадей и разбивать нашу кладь по ухабамъ зимою... Согласимся, что единственное спасеніе наше *сдѣлать какъ можно скорѣе эти десять милліардовъ*, которые нужны намъ не въ меньшей степени, чѣмъ панталоны человѣку, который хочетъ изъ Ѣѣ перечислиться во взрослые...

Но, возразятъ, не слишкомъ ли уже фантастична подобная кругленькая сумма и для «полетовъ фантазіи»? Я не знаю. Я не пишу «доклада». Я именно хочу фантазировать и, переносясь мыслью легкокрылаго мечтателя къ временамъ Гостомысла, нахожу, что тогда и теперешній, вполнѣ реальный милліардъ показался бы фантазіей и даже очень нелѣпой фантазіей... Лучше припомнимъ слова покойнаго Кокорева, сказавшаго, что «Россія есть цѣлая вселенная» и не станемъ слишкомъ скупиться на гадательныя цифры, когда ими выражается безпредѣльность надеждъ на эту Россію, такъ убогую *теперь*, и такъ великую *тогда*... Я твердо стою на томъ, что мысль о томъ, чтобы сдѣлать *сейчасъ* Россію проѣздимою путемъ ежегодной затраты какихъ-то жалкихъ десяти милліоновъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, есть не просто невинная фантазія, но досадная фанаберія, свидѣтельствующая о полномъ незнакомствѣ съ реальною *проселочною* Русью. Картина Бельгіи въ путейскомъ отношеніи плѣнительна. Твердо вѣрю, что мы съ нею поровняемся когда-нибудь въ этомъ отношеніи, но это будетъ только тогда, когда мы станемъ богаче, гораздо богаче, много богаче теперешняго... Вамъ не нравится бюджетъ въ десять милліардовъ? Чудесно! Говорите про себя: *два*, а я останусь при своемъ.

Итакъ, какимъ способомъ сдѣлать десять милліардовъ бюджета, т. е. иначе: какъ выйти намъ изъ младенчества?

Однимъ изъ возможныхъ способовъ, по моему глубокому убѣжденію, и можетъ послужить идея подъѣздныхъ желѣзнодорожныхъ путей, разъ что она будетъ понята правильно.

II.

Но сперва, что такое *подъѣздный желѣзнодорожный путь мѣстнаго значенія*? Гдѣ тутъ центръ тяжести понятія? Въ томъ ли сила что данный желѣзнодорожный путь имѣетъ исключительно *мѣстное значеніе*?

Исторія наша такъ сложилась, что намъ волей неволей приходится жить усиліями чужого ума и чужого опыта, оттого мы постоянно сбиваемся съ толку и всюду теряемъ почву изъ подъ ногъ.

Франція богата. Мы—нищіе. Очень можетъ быть, что во Франціи, въ странѣ высокой культуры, въ странѣ интензивной экономической производительности, слова: «желѣзнодорожный путь мѣстнаго значенія» заключаютъ въ себѣ тотъ особый придатокъ къ прямому смыслу, котораго наша убогая, такъ не похожая на французскую, дѣйствительность допустить никакъ не можетъ. *Для насъ* всякій участокъ любой желѣзной дороги имѣетъ мѣстное значеніе, и каждая не только мѣстная, но самая нелѣпая, самая невозможная въ экономическомъ отношеніи дорога, имѣетъ *положительное* государственное значеніе. Въ припадкѣ бѣлой горячки глупѣйшій городъ Глуповъ соединенъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ такимъ-же глупымъ пунктомъ А или Б. Дохода, разумѣется, никакого, и тѣмъ не менѣе названное «соединеніе» оказывается великимъ благодѣяніемъ. Почему? Да потому, что между Глуповымъ и пунктомъ А выстроены двѣ желѣзнодорожныя станціи, и на этихъ станціяхъ завелись, во-первыхъ, начальникъ станціи и, во-вторыхъ, телеграфистъ, т. е. два, по крайности, человѣческія существа, которые, какъ *minimum культурности*, обладаютъ знаніемъ «*Отче Нашъ*». Не будь ихъ, многіе благодатные квадратные километры досель были бы свободны и отъ знанія «Отче Нашъ», а о таблицѣ умноженія и говорить нечего...

Вотъ и подите! Вотъ и сравнивайте Россію и Францію и пользуйтесь ея опытомъ, ея знаніями, ея культурою! Итакъ у насъ безпрестанно, всюду, во всемъ. Ломая голову, куда намъ помѣстить ломоть хлѣба, въ рубрику «*potage*» или «*entrè*», мы зачастую остаемся при одной лебедѣ...

Итакъ, согласимся, что каждая пара рельсъ, каждый вершокъ телеграфной проволоки есть хлѣбъ насущный, одинаково необходимый, будетъ ли онъ заворочень въ «дѣло» подъ заглавіемъ «potage» или «entrè», «общаго» или «мѣстнаго» значенія.

Далѣе. Не въ словѣ ли «*подъѣздный*» центръ тяжести разбираемаго нами понятія? Но очевидно, что *всякая* желѣзная дорога *куда-нибудь* подъѣзжаетъ; въ этомъ не просто назначеніе ея, но такъ сказать, fatum, и не существовало отъ вѣка желѣзнодорожнаго пути, въ видѣ круга, все назначеніе которой заключалось бы въ томъ, чтобы доставить пассажира или грузъ къ тому мѣсту, откуда они только что тронулись. *Всякая* дорога непремѣнно подъѣзжаетъ *куда-нибудь*: къ другой желѣзной дорогѣ, къ городу, къ фабрикѣ, къ заводу, но очевидно, и въ этомъ вся сила, не всѣ желѣзныя дороги ѣдутъ *за однимъ и тѣмъ-же*. Словомъ я хочу обратить вниманіе на то, что выраженіемъ «подъѣздный» ни мало не затрогивается и тѣмъ менѣе уясняется *цѣль*, назначеніе дороги, и что въ такомъ всегдашнемъ взглядѣ на желѣзную дорогу, какъ лишь на *средство* къ достиженію чего-то, кроется зародышъ роковаго безсилія желѣзнодорожнаго дѣла, которое у насъ въ особенности, какъ и во всякой, мало

тронутой культурою странѣ, поистинѣ могло бы совершать чудеса по пути созданія столь нужнаго, столь желаннаго десяти-милліарднаго бюджета...

Я готовъ прозакладывать что угодно, что никто не возьмется объяснить мнѣ простымъ русскимъ языкомъ, *чьмъ* тѣ маленькіе желѣзнодорожные хвостики, которые строились и продолжаютъ строиться въ видѣ придатковъ къ старымъ большимъ желѣзнодорожнымъ путямъ, могутъ *существенно* отличаться отъ подъѣздныхъ путей, которые имѣется въ виду средствами или, по крайней мѣрѣ, по почину казны сооружать? Неужели все дѣло во второстепенныхъ техническихъ подробностяхъ: названные хвостики строились и продолжаютъ строиться въ видѣ широкой колеи, съ рельсами обыкновеннаго типа, при затратѣ не менѣе 45,000 руб. на версту, ну, а теперь станутъ строить точно такіе, но узкоколейные хвостики, съ рельсами облегченнаго типа, при затратѣ не свыше 15.000 руб. на версту? И только?

Я, съ своей стороны, осмѣливаюсь смотрѣть на дѣло нѣсколько иначе.

На желѣзную дорогу надлежитъ, по моему, усвоить наконецъ взглядъ не какъ на средство только къ достиженію чего-то, но и какъ на нѣкоторую *самодовлѣющую цѣль*.

Рѣчь идетъ о сооруженіи подъѣздныхъ путей, въ видахъ воспособленія сельскому хозяйству и промышленности. Въ добрый часъ, но пусть же эти желѣзныя дороги,—какъ бы ихъ ни называть, по какому бы типу ихъ ни строить и куда бы они ни подъѣзжали—вполнѣ отчетливо себѣ уяснятъ, что на нихъ обязанности и лежитъ дѣйствительно *хозяйничать*, и дѣйствительно *промышлять* въ той области, воспособлять коей онѣ призваны, т. е. сельскому хозяйству.

III.

Жутко, досадно, больно иной разъ становится за судьбу нашего просвѣщенія. Чѣмъ больше мы учимся, тѣмъ меньше знаемъ. Чѣмъ больше узнаемъ, тѣмъ больше глупѣемъ. Наука не только не изощряетъ нашего разума, но скорѣе, напротивъ, притупляетъ его, и въ результатѣ усиленной зубрежки—только съуженіе природнаго кругозора, да какое-то гнусное холощеніе богатѣйшихъ даровъ даровитѣйшаго племени... Я только-что говорилъ о громадной пользѣ *какой-бы то ни было* желѣзной дороги, для какой-бы ни было цѣли построенной. Десятокъ людей, хоть на вершокъ своею культурностью возвышающихся надъ уровнемъ первобытной дикости — вотъ то, что неизбѣжно привезетъ съ собою первый же поѣздъ новой желѣзной дороги, и вотъ ради чего полезно прокладывать рельсы на-угадъ, зажмуря глаза, въ какомъ угодно мѣстѣ карты, на которой расположился сфинксъ, именуемый Россіей... Я, значитъ, хорошо сознаю значеніе просвѣщенія и, однако же, приходится съ ужасомъ, противорѣча, уничтожая самого себя, протягивать руку мракобѣсамъ, полагающимъ, что наша варварская дикость и есть то верховное благо, къ которому примѣнимъ принципъ: *quieta non movere*... Мы болѣемъ, изнемогаемъ отъ невѣжества—это сущая правда, но никто, иначе, какъ по глупости, не скажетъ, чтобъ и ученіе шло намъ въ прокъ, и вотъ тому блистательное доказательство:

Я убѣжденъ, что на тысячу человѣкъ не найдется и десятка такихъ, которые способны были бы сразу и вполнѣ отчетливо себѣ уяснить, что дважды два четыре, и что подъѣздныя дороги мѣстнаго значенія безполезно строить,

когда не умѣешь отвѣтить на вопросы: зачѣмъ? Ради какой надобности? Какую цѣль имѣется въ виду ими достигнуть?

А отвѣтъ, прекрасный, убѣдительный, имѣется на лицо, если только хорошенько вдуматься въ вопросъ и рѣшиться послѣ этого выбросить за бортъ «послѣднія слова» наканунѣ вызубренной и совершенно неприложимой къ нашей дѣйствительности нѣмецкой или французской книжки...

Задумано построить желѣзную дорогу отъ СПБ. до Царскаго. Здоровая россійская или въ данномъ случаѣ не менѣе изощренная іудейская смекалка сразу уяснятъ себѣ, что одними путешествіями *по необходимости* отъ Петербурга до Царскаго публику не привлечешь, и дохода дорогѣ не будетъ. Догадываются въ верстахъ трехъ за Царскимъ устроить *музыку*, и расчеты блистательно оправдываются: является публика, является доходъ. Не желѣзная дорога работаетъ, но *музыка;* не Павловскъ соединенъ съ Петербургомъ, но симфонія A-dur положена на рельсы.

Я утверждаю, что всякая, такъ называемая, подъѣздная желѣзная дорога мѣстнаго значенія должна быть съ музыкою.

И само собою понятно, что музыка музыкѣ розь.

Смѣшно было бы выписывать г. Главача для строющейся приморской желѣзной дороги. Если хотите имѣть хорошіе барыши и сдѣлать хорошее общественное дѣло—стройте на Лахтѣ, по пути къ Сестрорѣцку, хорошія дачи. Что такое «хорошая дача» на языкѣ петербуржца? Такая, которую можно было бы протапливать въ іюлѣ и которая не давала бы течи во время дождя. Итакъ, стройте подъ дачи *зимніе домики* по пути новой дороги и не ждите, что благодѣтельный починъ свалится съ неба. Не забывайте ни на минуту, что мы не въ Америкѣ, не въ цивилизованной Франціи, не въ высококультурной Бельгіи. Все это придетъ, но современемъ... Что дѣлать? Грустно, но это такъ! Пройдутъ года, десятилѣтія, и мы лучше губительной Стрѣльны или сомнительнаго Парголова ничего не придумаемъ. Будемъ попрежнему терпѣть дырявыя крыши пакостныхъ курятниковъ, называемыхъ нами дачами, попрежнему будемъ мерзнуть и задыхаться отъ зловонія на старыхъ загаженныхъ мѣстахъ....

IV.

Неужели мысль моя еще не ясна? Инстинктомъ, нутромъ, геніальнымъ прозрѣніемъ, такъ сказать, нетронутаго еще лжезнаніемъ брюха, нащупана огромная идея. Остается только возвести ее къ логически-расчленяемой формулѣ и, благословясь приступить къ дѣлу, держа на возжахъ рутину и смѣло подстегивая здравый смыслъ.

Задуманы подъѣздныя желѣзныя дороги мѣстнаго значенія.

Анализъ привелъ насъ къ заключенію, что дѣло собственно не въ желѣзныхъ дорогахъ, т. е. не въ техническихъ подробностяхъ, не въ узкой или широкой колеѣ, не въ томъ или иномъ типѣ рельсъ.

Суть не въ томъ, что проектируемые пути суть подъѣздные, или имѣютъ мѣстное значеніе.

Музыка—вотъ гдѣ погребена собака! Въ другомъ случаѣ музыка будетъ замѣнена *дачею*. Въ области-же сельскаго хозяйства такою музыкою окажется *любой предметъ сельскохозяйственной промышленности.*

Допустимъ теперь, что опросъ мѣстныхъ людей указываетъ на существованіе въ районѣ Z. прекрасной глины для производства фарфоровыхъ издѣлій. Рутина подсказываетъ, что сейчасъ же необходимо образовать коммиссію съ цѣлью вести бесѣды о глинѣ вообще, о производствѣ фарфора въ частности, о командировкѣ во Францію на севрскіе заводы чиновника и проч.

Здравый смыслъ, желающій жить своимъ умомъ и заимствовать у нѣмца только то, что ему на потребу, беретъ и *одновременно* строитъ «подъѣздную дорогу» и фабрику фарфоровыхъ издѣлій.

Рутина собирается написать брошюру съ воззваніемъ къ частному почину о пользѣ кустарныхъ промысловъ, а здравый смыслъ передъ носомъ частнаго почина только на щетахъ пощелкиваетъ, да подсчитываетъ, сколько онъ уже положилъ въ карманъ за свои фарфоровыя издѣлія.

Опросъ мѣстныхъ людей наведетъ на мысль о выгодности въ данной мѣстности промышленнаго плодоводства. Пока рутина углубится въ ученый трактатъ, начавъ съ грѣхопаденія Евы и заснувъ на регулярныхъ садахъ Петра Перваго, здравый смыслъ по бокамъ сооруженнаго подъѣзднаго пути заведетъ превосходный плодовый садъ и начнетъ въ поученіе сосѣдямъ на славу торговать.

Боюсь, что Штурмъ будетъ убитъ, но заранѣе радуюсь за петербургскихъ гастрономовъ, ибо лучше и выше *нѣжинскихъ огурцовъ* en fait de salaison ничего быть не можетъ, но какъ ихъ добыть? Нѣжинскихъ, подлинныхъ нѣжинскихъ огурцовъ, и подъ бокомъ, въ Кіевѣ не всегда возможно достать. Какая могла бы быть жатва, да дѣлателей мало! Итакъ, подъѣздный путь, который мы назовемъ просто *огуречною желѣзною дорогою*, расширеніемъ производства обогатитъ всю округу и намъ доставитъ отмѣнное удовольствіе.

Само собою, что *молочный* подъѣздной путь запасется инымъ подвижнымъ составомъ, чѣмъ та желѣзная дорога, которая будетъ предназначена исключительно для развитія *каменноугольной промышленности*. Иной потребуется персоналъ для *птицеводной* желѣзной дороги и иной для той, которая своею *мѣстною культурною* задачею поставитъ, положимъ, виноградное винодѣліе.

Такъ или иначе, но мысль моя, надѣюсь, ясна: сама по себѣ желѣзная дорога еще ничто, а вся сила въ тѣхъ *вспомогательныхъ*, промышленныхъ *сельскохозяйственныхъ* предпріятіяхъ, которыя позволятъ намъ сразу перейти отъ мечтательныхъ благопожеланій къ дѣйствительному дѣлу, отъ хозяйственной растерянности къ добрымъ надеждамъ, отъ невѣжественнаго застоя къ просвѣщенному прогрессу, отъ пищепскаго милліарда къ десятимилліардному бюджету.. «Каждый производитель, позволю себѣ заключить словами одного прошенія пользующійся желѣзною дорогою, усвапваетъ опредѣленную устойчивость въ своей дѣятельности, ибо онъ увѣренъ, что если у него созрѣли напр., груши, то онъ предложитъ покупателю не разбитый товаръ, а такой-же свѣжій и цѣльный фруктъ, какимъ онъ его сорвалъ у себя въ саду... Такой край, такія богатства, оставленныя безъ желѣзной дороги, возбуждаютъ только жалость. Придать всему этому иной, болѣе здоровый и осмысленный видъ—только въ рукахъ правительства»...

Итакъ, *десять милліардовъ* сами плачутъ, молятъ, тянутся въ казну, просятся лечь въ бюджетъ дѣйствительно достойный такого государства, какъ Россія!

Вл. Заточниковъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТЮРЕМНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(третій годъ изданія)

I. ОФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Узаконенія и распоряженія по тюремной части. 2) Приказы Высочайшіе, по Министерству и мѣстнымъ начальствамъ о наградахъ, назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ по тюремному вѣдомству и учрежденіямъ Общества Попечительнаго о тюрмахъ. 3) Сообщенія о движеніи тюремнаго и ссыльнаго населенія, о ходѣ тюремныхъ построекъ, пересылкѣ арестантовъ, санитарномъ состояніи мѣстъ заключенія и о тюремныхъ работахъ, съ означеніемъ рода издѣлій и условій, на которыхъ они могутъ быть пріобрѣтаемы.

II. НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Оригинальныя и переводныя статьи и замѣтки практическаго характера по вопросамъ тюрьмовѣдѣнія и организаціи ссылки, со включеніемъ отчетныхъ свѣдѣній по инспекціи мѣстъ заключенія. 2) Извѣстія и статьи объ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ. 3) Извѣстія и статьи о пріютахъ для арестантскихъ дѣтей и учрежденіяхъ для призрѣнія семействъ ссыльныхъ. 4) Извѣстія и статьи о обществахъ попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія. 5) Сообщенія о международныхъ тюремныхъ конгрессахъ, съѣздахъ и иныхъ собраніяхъ по пенитенціарнымъ вопросамъ. 6) Сообщенія изъ современной и прошлой тюремной практики (воспоминанія). 7) Очерки жизни и дѣятельности умершихъ отечественныхъ и иностранныхъ тюремныхъ дѣятелей. 8) Новости русской литературы по тюрьмовѣдѣнію. 9) Статьи для арестантскаго чтенія.

Подписка принимается въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра). Цѣна съ доставкою и пересылкою 4 руб. въ годъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 5% съ каждаго экземпляра.

Издатель А. Гикачевъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый въ Одессѣ,

ПО МОРЮ И СУШѢ.

(5-й годъ изданія)

Журналъ заключаетъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Хроника столичной, мѣстной и провинціальной жизни за недѣлю: 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду: 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Текстъ будетъ иллюстрироваться портретами и др. рисунками.

При журналѣ періодически будутъ выпускаться приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ: (Съ пересылкой и доставкой):

На годъ 4 р.—На полгода 2 р.

Для старыхъ подписчиковъ, недополучившихъ №№ за декабрь мѣсяцъ въ 1894 г., подписная цѣна на 1895 г. 3 р. 70 к., а на полгода 1 р. 85 к.; старые подписчики, не подписавшіеся на 1895 г., получатъ четыре №№, недосланные имъ въ декабрѣ 1894 года.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ въ Редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіевская ул., д. 18, кв. 10).

ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СТРАННИКЪ

И ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ НЕМЪ

«ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЦЕРКОВНО-УЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Журналъ «СТРАННИКЪ», съ октября 1880 года, издается новою редакціею, по утвержденной Св. Сунодомъ, новой программѣ и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти** до **12-ти** и болѣе листовъ, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ обще-церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской жизни. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, разсказы, описанія, знакомящіе съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, разсказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія: краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

При «СТРАННИКѢ» начато изданіе «Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы». Въ **первый выпускъ** его который будетъ разосланъ подписчикамъ въ декабрѣ 1894 г., входятъ: Поученія Луки Жидяты, преп. Ѳеодосія Печерскаго, митроп. Иларіона и Кирилла Туровскаго. съ примѣчаніями и объяснительными историко-литературными статьями П. Е. Евсѣева, Ѳ. Г. Калугина, доцента Н. К. Никольскаго и проф. А. И. Пономарева. Въ **1895** году, **во второмъ выпускѣ «Памятниковъ» будетъ помѣщенъ «Древне-русскій церковно-учительный Прологъ»** — поученія изъ древняго славяно-русскаго Пролога по рукописямъ (съ XIII по XVI в.) и печатнымъ изданіямъ, подъ редакціей, съ примѣчаніями и объяснительной статьей проф. А. И. Пономарева.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Подписная плата на журналъ въ 1895 г., съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ, **ШЕСТЬ** руб., **съ приложеніемъ-же «Памятниковъ» СЕМЬ** руб. (Цѣна перваго выпуска «Памятниковъ» 1894 г. для подписчиковъ «Странника» **ОДИНЪ** руб., для не-подписчиковъ **ДВА** руб.); съ пересылкою за-границу **ВОСЕМЬ** руб. и съ приложеніемъ «Памятниковъ» **ДЕВЯТЬ** руб.—Адресоваться въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 173).

Редакторъ-издатель: Проф. **А. Пономаревъ.**

ПРАВОСЛАВНАЯ БУКОВИНА

Политическая и литературная газета, издаваемая два раза въ мѣсяцъ въ г. Черновцахъ, въ Буковинѣ.

Цѣль изданія: Защита русскаго православнаго народа въ Буковинѣ.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой на годъ **5** р., на полгода **2** р. **50** к

Адресъ Редакціи: Австрія, г. Черновцы, Рошевская ул., д. № 10.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 Г.

VIII годъ изданія. **СѢВЕРЪ** VIII годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики «СѢВЕРА» въ 1895 году получатъ:

52 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цвѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: А. Н. Майкова «Двѣ судьбы», Д. В. Григоровича «Петербургскіе шарманщики» и «Лотерейный билетъ», такъ какъ этимъ произведеніямъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.

12 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ «Парижскихъ модъ» и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ модныиъ парижскимъ журналамъ.

12 отдѣльныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

6 рисунковъ-чертежей для любителей выпиловки изъ дерева, кости и металла.

6 цвѣтныхъ узоровъ для вышиванія.

12 альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени княженія Іоанна Калиты по минувшій 1894 годъ царей, царицъ, полководцевъ, патріарховъ, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.

1 РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ. (Книжка въ форматѣ «Сѣвера»).

12 ежемѣсячныхъ безплатныхъ приложеній къ журналу: «БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА»: Собраніе сочиненій Г. Р. Державина. Въ продажѣ соч. Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ. (Цѣна 20 р.). Сочиненія И. Д. Аршарумова: Двойникъ. Повѣсть. Во чтобы то ни стало. Романъ. Мудреное дѣло. Романъ. Натурщица. Повѣсть. Граждане лѣса. Повѣсть. Сочиненія Квитко-Основьяненко: «Панъ Холявскій». Сочиненія Сильвіо Пеллико: «Объ обязанностяхъ человѣка».

Безплатныя художественныя приложенія къ журналу:

Портретъ Государя Императора НИКОЛАЯ II. Большой листъ in folio, исполненный красками.

Большая картина извѣстнаго художника В. И. Сурикова.

«ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ».

Битва Ермака подъ Кучумовымъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1583 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго Царства къ Россіи. Величина картины 105×70 сант.

ТАБЕЛЬ КАЛЕНДАРЬ, въ краскахъ.

«Библіотека прикладныхъ знаній».

Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: «чего бы поѣсть» и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса, чѣмъ бы накормить свою семью? Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» выдастъ своимъ подписчикамъ книгу

ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

За годовое изданіе со всѣми прилож. безъ достав. въ С.-Петербургѣ . . . **6** р. — к.
Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской . . . . . **6** » **50** »
Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи . . . . **7** » — »
Съ пересылкою за-границу **11** руб.

Въ виду большой цѣнности картины «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укупорки, гг. иногородніе подписчики «Сѣвера» благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почт. марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи «СѢВЕРЪ» Екатерининская, № 4.

Съ Января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библіографическій журналъ, органъ Московскаго Библіографическаго Кружка, подъ названіемъ:

Книговѣдѣніе,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 іюня, слѣдующая: I. Лѣтопись. 1) полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще. II. Хроника. 1) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка. III. Объявленія на всѣхъ языкахъ. IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26"), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 р.; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 р., для постороннихъ 10 р. въ годъ. **Плата за объявленія:** За 1 страницу: для членовъ Кружка 4 р., для подписчиковъ на журналъ **6** р. и для всѣхъ остальныхъ **10** р. Въ годъ для членовъ и подписчиковъ **35** р. и для всѣхъ остальныхъ **50** р. Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ ¼ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Лапиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ **А. Д. Торсповъ.**

ОРУЖЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

ПРОГРАММА СБОРНИКА:

1) постановленія и распоряженія правительства, касающіяся ручнаго оружія. 2) свѣдѣнія о вооруженіи войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ, и описаніе новыхъ наиболѣе замѣчательныхъ системъ 3) вопросы по вооруженію и обученію войскъ и по употребленію оружія. Библіографія и военное обозрѣніе русское и иностранное. 4) свѣдѣнія о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ по части военнаго и охотничьяго оружія: оружейная техника, устройство различныхъ оружейныхъ заводовъ; починка оружія въ полкахъ, содержаніе оружія на службѣ и другіе вопросы, касающіеся оружія. Хроника ружейнаго охотника.

Оружейный сборникъ выходитъ четыре раза въ годъ, книжками около 15 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе безъ достав. 6 р., съ достав. и пересыл. 6 р. 70 к.

Г.г. служащіе могутъ выписывать журналъ черезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою платежа по третямъ.

Отдѣльныя книжки журнала продаются по 1 р. 50 к. безъ пересылки; за пересылку 3 почтовыя 7 коп. марки или 20 коп.

Подписка принимается исключительно въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, при Картографическомъ заведеніи А. А. ГЛЫНА, Большая Мастерская, № 11.

Оставшіеся экземпляры Оружейнаго Сборника съ 1861 г. можно получать въ конторѣ журнала, по цѣнѣ: за 1861 г. безъ достав. 1 р., 1861—1881 включительно по 3 р., а съ 1882 безъ достав. 6 р.; за перес. прилагается по 60 к. за годъ.

Для служащихъ допускается разсрочка платежа по третямъ.

Редакторы: В. Бестужевъ-Рюминъ и В. Чебышевъ.

СОЮЗЪ

Третій годъ изданія.

Газета для поощренія французско-русской ввозной и вывозной торговли

издается въ Парижѣ и выходитъ 1 и 15 числа (н. с.) каждаго мѣсяца.

ПРОГРАММА

1) Передовая статья на русскомъ и французскомъ языкахъ. 2) «Echos», извѣстія, касающіяся преимущественно торговли Россіи и могущія интересовать французовъ, на французскомъ языкѣ; 3) корреспонденціи собственныхъ агентовъ, статьи, извѣстья и т. п.: 4) Вѣсти и слухи; 5) хроника; 6) фельетонъ; 7) обзоръ послѣднихъ изобрѣтеній и открытій 8) смѣсь; 9) по европейскимъ портамъ, о прибывающихъ въ порты пароходахъ съ русскими произведеніями; 10) почтовый тарифъ изъ Парижа въ Россію; 11) цѣны товарамъ въ Гаврѣ и Марсели; 12) разныя торговыя свѣдѣнія; 13) спросъ и предложеніе; 14) почтовый ящикъ; 15) объявленія.

Съ новаго года форматъ «Союза» будетъ нѣсколько увеличенъ; къ газетѣ, кромѣ того, привлечены новые сотрудники и корреспонденты.

Подписная цѣна для Россіи: на годъ — **4** р., на полгода — **2** р., на 3 мѣс.— **1** р.

Администрація **Союза**, вслѣдствіе договора съ Парижскимъ художникомъ г. Дюгардэнъ, предлагаетъ своимъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ въ видѣ преміи, **безвозмездно**, ихъ изящно отдѣланный **ПОРТРЕТЪ, ПИСАННЫЙ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ.**

Желающіе воспользоваться, благоволятъ прислать въ Редакцію свою фотографическую карточку съ обозначеніемъ цвѣта волосъ, глазъ и костюма и 1 руб. на расходы по пересылкѣ. Фотогр. карточка не возвращается).

Кубанскія Областныя Вѣдомости.

Съ 1-го Января 1895 г. газета выходитъ ежедневно (отдѣлы офиціальный и неофиціальный),

кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ; въ каждомъ нумерѣ будутъ ТЕЛЕГРАММЫ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ городскимъ подписчикамъ ТЕЛЕГРАММЫ БУДУТЪ РАЗСЫЛАЕМЫ ОСОБО.

Въ неофиціальной части своей «Кубанскія Областныя Вѣдомости» будутъ заниматься главнымъ образомъ разработкою мѣстныхъ матеріаловъ: этнографическихъ, статистическихъ, историческихъ, географическихъ, топографическихъ, археологическихъ и пр. и будутъ помѣщаться разнородныя полезныя для мѣстнаго населенія свѣдѣнія и извѣстія о дѣятельности городскихъ, станичныхъ и сельскихъ общественныхъ управленій, судебныя, земскія; о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ области, о явленіяхъ метеорологическихъ, статьи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, судоходствѣ, о движеніи поѣздовъ Владикавказской жел. дор., о рыночныхъ и справочныхъ цѣнахъ, состоявшихся торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привиллегіяхъ на изобрѣтенія, отзывы о книгахъ, некрологи извѣстныхъ въ области лицъ и пр.

Цѣна на 6 мѣс. съ достав. и пересыл. 3 р, на годъ 5 р. 60 к. Для обязательныхъ подписчиковъ 5 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: исключительно въ конторѣ типографіи Кубанскаго Областного Правленія, въ Екатеринодарѣ.

(Отдѣльно на неофиціальную часть подписка не принимается).

Редакторъ неофиціальной части **В. В. Скиданъ.**

„ВѢСТНИКЪ ПТИЦЕВОДСТВА“.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ РУССКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПТИЦЕВОДСТВА.

(6-й годъ изданія).

Журналъ одобренъ разными вѣдомствами и удостоенъ большой золотой медали на выставкѣ птицеводства въ С.-Петербургѣ, въ 1891 г.

«Вѣстникъ Птицеводства» выходитъ ежемѣсячно, въ размѣрѣ 2½—3 печатныхъ листовъ, съ рисунками и чертежами въ текстѣ.

Задача «Вѣстника» – распространять среди русскаго общества знанія и правильныя свѣдѣнія по всѣмъ отдѣламъ птицеводства, главнымъ же образомъ по разведенію домашнихъ птицъ. Спеціальность журнала—служить интересамъ среднихъ и мелкихъ хозяевъ, которые, толково занимаясь отраслью домашняго птицеводства, могутъ значительно поднять доходность своихъ хозяйствъ.

Цѣна годового экземпляра 4 рубля, съ доставкою и пересылкою. Для сельскихъ школъ, учителей и священниковъ цѣна годового экземпляра 2 рубля, а для Гг. членовъ Русскаго Общества Птицеводства 3 р.

Оставшееся количество журнала истекшихъ годовъ желающіе могутъ выписать по слѣдующимъ цѣнамъ: 1890 и 1891 гг.—по 3 руб.; 1892 г.—2 руб.; 1893 г.—3 руб. 50 коп. и 1894 г.—4 руб. Выписывающіе журналъ одновременно за 6 лѣтъ (1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895) платятъ: Гг. члены—15 руб., а всѣ остальныя лица—17 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала «Вѣстникъ Птицеводства» (С.-Петербургъ, Фонтанка, Императорскій Сельско-хозяйственный музей) по вторникамъ, отъ 1 часу до 3-хъ час., кромѣ праздниковъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

РДЫ

„ЛИСТОПАДЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Все обстоитъ благополучно.—Консерватизмъ истинный и министерскій.—Кн. Бисмаркъ и славянофилы.—Золотыя строки.—Хлѣбъ насущный.—Православный полонизмъ. — Психологія раскола. — Странствующій полонофилъ. — Хрюканье.—Признанія барона Гоморрскаго.—Эпитафія кн. Бисмарку.—Генезисъ великой идеи и проч.

М. 1891 г.—Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к.

Выписывающіе прямо отъ автора (Спб., Пет. Ст., уг. Б. Проспект. и Павловской, д. Ефимова, кв. 25) благоволятъ высылать всего *четырнадцать семи коп. почт. марокъ.*

„PARLAMENTÄR“

Ежедневная всеславянская политическая газета, издаваемая въ Вѣнѣ, на нѣмецкомъ языкѣ.

Подписная цѣна для Россіи 18 руб. въ годъ.

Адресъ редакціи: Wien, 9/3 Universitäts Strasse, № 6.

Редакторъ-издатель: Д-ръ К. Н. Живный.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

РОДНИКЪ

и педагогическій листокъ

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

(14-й годъ изданія).

«РОДНИКЪ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Въ 1895 году въ «РОДНИКѢ» между прочимъ будутъ помѣщены: большая повѣсть изъ морской жизни **К. М. Станюковича**, подъ названіемъ „**Вокругъ свѣта на Коршунѣ**“, и біографическая повѣсть **В. П. Авенаріуса**: „**Ученическіе годы Гоголя**“.

Вмѣстѣ съ «РОДНИКОМЪ» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ», посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

«РОДНИКЪ» рекомендованъ и одобренъ учеными и учебнымъ Комитетами: Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 году.

Условія подписки:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу.	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» Н. Н. Морева.

Редакторъ **Алексѣй Альмединgenъ.**

За издателя **Н. Моревъ.**

ГАЛИЧАНИНЪ

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Органъ Русскихъ въ Прикарпатской Руси.

Выходитъ ежедневно въ г. Львовѣ, подъ редакціей **О. А. Маркова.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ перес. и достав. въ Россію: на годъ **16** р., на полгода **8** р., на 3 мѣсяца 4 руб.

Плата за объявленія: по 6 коп. за строку петита.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Австрія, г. Львовъ, Бляхарская ул., д. № 13.

ПОЖАРНОЕ ДѢЛО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ОРГАНЪ СОЕДИНЕННАГО РОССІЙСКАГО ПОЖАРНАГО ОБЩЕСТВА.

Программа журнала: I. Пожарный календарь. II. Правительственныя постановленія и распоряженія Главнаго и Окружныхъ Совѣтовъ, относящіяся до пожарнаго дѣла. III. Обсужденіе вопросовъ по пожарному дѣлу. IV. Хроника. V. Корреспонденціи. VI. Техническій отдѣлъ VII. Обзоръ пожарной литературы. VIII. Вопросы, отвѣты и разъясненія редакціи по вопросамъ пожарнаго дѣла. IX. Пожарная статистика и отчеты пожарныхъ обществъ и командъ. X. Объявленія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Спб., Большая Морская, д. 39—12.

Подписная цѣна: съ перес. и достав. на годъ—2 р. 50 к. на полгода 1 р. 50 к. **Плата за объявленія:** за цѣлую годовую страницу—150 р., за половину годовой страницы—100 р., за ¼ годовой страницы — 50 р. За строку петита разового объявленія—25 коп.

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Воскресная Бесѣда.

52 №№ въ годъ, съ приложеніями, 4 р.; на 6 мѣс. 2 р. 50 к.; на 3 мѣс. 1 р. 50 к. съ достав. и перес. 5 р. годъ.

Въ рознич. продаж. у газетчик. цѣна 10 коп.

Цѣль изданія проводить въ жизнь ученіе христіанской нравственности, примѣняя ее по возможности ко всѣмъ вопросамъ жизни.

Программа журнала слѣдующая: 1) статьи по вопросамъ общественнымъ и нравственно-духовнымъ. 2) Очерки изъ жизни лицъ, посвятившихъ себя служенію ближнимъ, какъ-то: проповѣдниковъ, филантроповъ, миссіонеровъ и другихъ дѣятелей. 3) Статьи по воспитанію дѣтей. 4) Разсказы. 5) Очерки, взятые изъ жизни городской и деревенской, главные мотивы которыхъ будутъ: въ чемъ нужда и какъ ей помочь. 6) Благотворительность у насъ и заграницей. 7) Книжный листокъ. 8) Вопросы и отвѣты. Приложенія: Духовные стихотворенія, переложенныя на музыку.

Издательница: Княгиня Щербатова.

МЕЛЬНИКЪ,

посвященный мукомольному дѣлу и хлѣбной торговлѣ.

Подписная цѣна 4 руб. въ годъ съ пересылкой.

Подписной годъ съ 1-го Іюня 1894 г. по 1-е Іюня 1895 г.

ПРОГРАММА:

1. Распоряженія правительства по мукомольному дѣлу и хлѣбной торговлѣ. 2. Справочныя цѣны хлѣбныхъ рынковъ въ Россіи и заграницей. 3. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи касающіяся мукомольнаго дѣла и хлѣбной торговли. 4. Техническія описанія всякаго рода мельницъ и мельничныхъ аппаратовъ, съ чертежами и рисунками. 5. Торговыя и техническія объявленія.

ПОДПИСКА адресуется на имя редактора Д. А. Мансфельда, Москва, Чернышевскій пер., типографія Волчанинова.

Всѣ подписчики пользуются правомъ получать справки, совѣты и указанія по техническимъ вопросамъ.

Журналъ выходитъ ДВА раза въ мѣсяцъ.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Часть неоффиціальная.

а) Сибирская желѣзная дорога. Извлеченія изъ журналовъ засѣданій Высочайше утвержденнаго Комитета Сибирской желѣзной дороги. Журналы Совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, а равно нѣкоторые журналы и доклады другихъ учрежденій Министерства Путей Сообщенія и нѣкоторыхъ комиссій; б) статьи, отражающія въ себѣ, по возможности, дѣятельность, предположенія и виды Министерства и подвѣдомственныхъ ему учрежденій; в) статьи, знакомящія съ текущими разработываемыми и разсматриваемыми въ Министерствѣ и подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ вопросами; г) извлеченія изъ оффиціальныхъ отчетовъ по постройкѣ путей сообщенія, портовъ и различныхъ сооруженій; д) свѣдѣнія о разрѣшенныхъ кредитахъ на производство работъ по постройкѣ, перестройкѣ, усиленію и улучшенію путей сообщенія, портовъ и различныхъ сооруженій.

II. Часть неффиціальная.

а) статьи ученаго, теоретическаго и практическаго характера, входящія въ область инженернаго дѣла; б) статьи административнаго, политико-экономическаго, финансоваго и юридическаго характера, въ строгихъ рамкахъ спеціальностей вѣдомства; в) отчеты, замѣтки, данныя и матеріалы историческаго и современнаго значенія; г) хроника обо всемъ выдающемся и соприкасающемся съ интересами инженернаго дѣла, какъ въ Россіи, такъ и заграницею; д) обзоръ журналовъ и техническихъ сочиненій, какъ на Русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ; е) корреспонденція съ русскими и иностранными спеціалистами по техническимъ вопросамъ, входящимъ въ программу журнала. Содержаніе неоффиціальной части журнала будетъ подраздѣляемо на отдѣлы:

1) желѣзнодорожный; 2) водныхъ сообщеній; 3) шоссейныхъ и другихъ сухопутныхъ сообщеній; 4) портовъ; 5) искусственныхъ сооруженій; 6) учебный; 7) хроника; 8) примѣненія электричества къ инженерному дѣлу; 9) библіографія; 10) техническая корреспонденція; 11) частныя объявленія.

Журналъ Министерства Путей Сообщенія будетъ выходить не менѣе одного раза въ два мѣсяца.

Къ журналу будетъ безплатно прилагаться **«Указатель правительственныхъ распоряженій по Министерству Путей Сообщенія».**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкою: на годъ—9 р., на полгода—6 р.; заграницу на годъ—16 р., на полгода—9 р.

Подписка на «Журналъ Министерства Путей Сообщенія» принимается: исключительно въ Канцеляріи Министра П. С.—въ зданіи Министерства, Фонтанка, 117.

Чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Путей Сообщенія, завѣдывающій Редакціею Журнала Министерства Путей Сообщенія.

Н. Сытенко.

БРЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

еженедѣльная газета съ прибавленіями, посвященная интересамъ своего края и ближайшаго къ нему района.

Цѣна на годъ: 5 р., на полгода 3 р. Для лицъ духовныхъ и учебнаго вѣдомства на годъ 3 р. (безъ пересылки и доставки).

ПОДПИСКА принимается въ Брянскѣ, Орловской губ., въ конторѣ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Допускается разсрочка платежа подписной суммы по соглашенію съ конторою редакціи.

РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫБРАТЬ или ЗАКАЗАТЬ нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи «Ремесленная Газета» оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій.—Въ ней постоянно помѣщаются **рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ** по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. Притомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» въ теченіе истекшихъ 10-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того ОБИЛІЯ полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она дастъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) **50 №№ въ годъ**, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ и

2) **СТО** листовъ приложеній (замѣняющихъ преміи къ «Рем. Газ.»), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ СВЫШЕ 20 р. с.

3) Изящно иллюстрированный КАЛЕНДАРЬ.

4) Сверхъ того, каждому годовому подписчику будетъ высланъ **«СБОРНИКЪ РЕЦЕПТОВЪ и СОВѢТОВЪ ПО РАЗЛИЧНЫМЪ РЕМЕСЛАМЪ»**.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: 6 р. въ годъ съ перес. и дост. (за полгода 4р.).

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Ремесленной Газеты» со всѣми приложеніями за 1886 г. по **10** р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893 и 1894 г. (безъ книгъ) по **5** р. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

«Ремесленная Газета» рекомендована г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ: 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., д. 71.

Издатель: Учен. Инжен.-Механ. **К. А. Казначеевъ.**

ЛИСТОКЪ

единственная русская газета въ Угорской Руси.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ г. Унгварѣ.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой на годъ **6** руб., на полгода **3** руб.

Адресъ Редакціи: Венгрія, Великій Раковецъ.

Ungarn. Nagy—Rákócz, Ugocsa—megye.

Редакторъ-Издатель: *Свящ. Фенцикъ.*

РУССКІЙ АРХИВЪ.

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и проч.

Русскій Архивъ въ 1895 году будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1895 году съ пересылкою и доставкою—9 руб. Для чужихъ краевъ—12 руб.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ «Руск. Арх.» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, д. 175. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Кіевѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по 1 руб., за три по 80 коп., за четыре и болѣе по 75 коп. каждая.

Петръ Бартеневъ и Юрій Бартеневъ.

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

съ приложеніемъ СБОРНИКА.

Ставя на первомъ планѣ вопросы педагогическаго характера, редакція «ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ» имѣетъ въ виду и общіе интересы небогатаго сельскаго учителя и поэтому въ каждомъ № будетъ помѣщать, соотвѣтственно программѣ, отдѣлы: «Политическія извѣстія» и «Новости русской жизни»; такимъ образомъ, при скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, каждый учитель, живущій въ глуши, можетъ вполнѣ довольствоваться нашимъ органомъ. Основные отдѣлы «ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ» будутъ восполнятся въ каждомъ № текущими новостями.

Въ разрѣшенномъ намъ «Сборникѣ» будутъ помѣщатьсь, кромѣ статей, портреты Августѣйшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности и народнаго образованія.

Мы надѣемся, что «ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» представитъ тотъ руководящій органъ по школьному дѣлу, необходимость котораго ощущается у насъ настоятельно, и при томъ не въ однихъ только центральныхъ мѣстностяхъ, съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, но и окраинахъ нашихъ, съ населеніемъ, говорящимъ на различныхъ языкахъ, призваннымъ жить полною русскою гражданскою жизнью, органъ, который, держась русскаго народно-историческаго пути, освѣщалъ бы всѣ стороны умственнаго и нравственнаго развитія народа въ духѣ его священныхъ преданій и началъ народной жизни съ точки зрѣнія государственнаго единства и общерусскихъ интересовъ.

«ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» въ 1895 г. выйдетъ въ 52 №№ съ приложеніями. Цѣна за годъ съ перес. и доставкой 5 р., на девять мѣс.—4 р., на полгода—3 р., и на три мѣсяца 2 р., для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 р. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей №№-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г., въ видахъ ознакомленія съ новой редакціей, можно получать за два руб.

Вышедшіе №№ «Школьнаго Обозрѣнія» тек. г., по требованію, высылаются наложеннымъ платежомъ на счетъ конторы. Подписка принимается въ главной конторѣ «ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ»: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

АРМЯНСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

НОРЪ-ДАРЪ

(двѣнадцатый годъ изданія).

Подписная цѣна: съ перес. и доставкою по Россійской имперіи: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к.; заграницу на годъ 40 франковъ.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ газеты «Норъ-Даръ» въ Тифлисѣ, на Пушкинской ул., д. 14, противъ сквера.

Объявленія принимаются на всѣхъ языкахъ.

Редакторъ-издатель **Спандаръ Спандарьянъ.**

КУРСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣль изданія: знакомить населеніе курской губерніи съ ея прошлымъ и теперешнимъ состояніемъ путемъ научныхъ и серьезныхъ изысканій, пользуясь при этомъ оффиціальными источниками, какъ болѣе вѣрными для осуществленія намѣченной цѣли. Срокъ выхода ежедневный, исключая по-воскресныхъ и послѣ праздничныхъ дней.

Цѣна: **ШЕСТЬ** руб. въ годъ съ пересыл. и достав.

Подписка принимается: въ г. Курскѣ, въ редакціи, (при губернскомъ правленіи).

НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

«Неоффиціальная часть Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, и издаваться по слѣдующей программѣ: 1. **Общій отдѣлъ:** а) внутреннія извѣстія, б) разныя извѣстія, в) телеграммы, г) статьи по хозяйству и д) смѣсь. 2. **Мѣстный отдѣлъ:** а) статьи и замѣтки по различнымъ вопросамъ мѣстной и общественной жизни; б) хроника жизни г. Гродны и Гродненской губерніи, в) корреспонденціи, г) періодическая печать о Гредненской губерніи, д) сельскій отдѣлъ, е) къ исторіи края, ж) справочныя извѣстія и з) объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ—4 р. 50 к., на полгода—2 р. 50 к. на 1 мѣс.—60 к.

Вмѣстѣ съ оффиціальною частью: на годъ—6 р. 50 к., на полгода— 3 р. 50 к.

КАРСЪ

Газета **«Карсъ»** имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской Области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

ЦѢНА съ достав. и пересыл. **3** руб. на годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты **«Карсъ»** въ г. Карсѣ.

ВАРШАВСКІЯ УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія выходятъ девять разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца). Составъ выпусковъ: I) оффиціальный отдѣлъ (протоколы засѣданій Совѣта, отчеты, инструкціи, отзывы и т. п.); II) неоффиціальный отдѣлъ (оригинальныя сочиненія гг. профессоровъ и прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ Университету; справочныя свѣдѣнія и т. п.).

Подписная цѣна — 5 рублей съ пересылкою.

Подписныя деньги должны быть высылаемы въ Правленіе Императорскаго Варшавскаго Университета.

Редакторъ проф. Г. Ульяновъ.

РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

съ особымъ отдѣломъ работъ и сообщеній

НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ и УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Объемъ: не менѣе 25 листовъ въ годъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Берентамъ, Н. Бунаковъ, Гербачъ, врачъ Григорьевъ, Демковъ, Добросисцевъ, д-ръ медицины Ивановъ, Кричагинъ, Латышевъ, Св. Песоцкій, Пузыревскій, Д. Соловьевъ, Св. Мих. Соколовъ, Сентъ-Илеръ, Шаталовъ, и др. Въ журналѣ помѣщаются многія работы и письма народныхъ учителей, разборы новыхъ книгъ и различныя сообщенія о ходѣ учебнаго дѣла.

Ежегодный конкурсъ на составленіе чтеній для народа.

Подписка на 1895 годъ (шестнадцатый) принимается въ редакціи (Спб., Звенигородская ул., д. 8, кв. директора народныхъ училищъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 3 р. съ пересылкой.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для народныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

Редакторъ-издатель **В. Латышевъ.**

РУССКІЙ ПЧЕЛОВОДНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **И. Н. Апухтина,**

выходитъ ежемѣсячно отъ $1^1/_2$ до 2 листовъ съ иллюстраціями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ 1-го января 2 руб. съ пересылкой.—Для подписчиковъ «Труды И. В. Э. О.» цѣна 1 руб. 50 коп.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Отдѣлъ I.—Хроника; пчеловодныя извѣстія. Библіографія—обозрѣніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ по вопросамъ пчеловодства. Отдѣлъ II. — Сообщенія и оригинальныя статьи по практикѣ и вопросамъ пчеловожденія, съ рисунками. Отдѣлъ III.—Пчеловодныя новости и обозрѣніе иностранной литературы и пчеловодныхъ журналовъ (съ рисунк.). Отдѣлъ IV.—Почтовый ящикъ «Русскаго Пчеловоднаго Листка»: вопросы и отвѣты гг. подписчиковъ и редакціи.—Объявленія.

Подписка на 1895 г. принимается въ редакціи «Русскаго Пчеловоднаго Листка», С.-Петербургъ, 4-я рота Измайл. полка, домъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, № 1/33.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1-го марта вышла третья книжка.

Отд. перв.: I. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Историч. ром. въ 2 ч. Д. Мережковскаго. — РОМАНИСТЪ-МОРАЛИСТЪ. Проф. Л. Шепелевича. — III. УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Ром. Арне Гарборга. Пер. съ датск. О. Петерсонъ.—IV. ЭЛЬЗИ. К. Бальмонта. — V. ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСУ О НАСЛѢДСТВЕННОСТИ. Проф. В. Шимкевича.—VI. ХОЛЕРА. Разсказъ Кота-Мурлыки.—VII. ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Очеркъ У. Женскіе типы въ произведеніяхъ Тургенева. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.— VIII. ПОСВЯЩЕНІЕ. Стих. З. Гиппіусъ. — IX. ХОЗЯИНЪ и РАБОТНИКЪ. Повѣсть. гр. Л. Н. Толстого. — X. ПОРТРЕТЪ. Стих. Н. Минскаго. — XI. Н. Н. ГЕ. Біогр. очеркъ В. Стасова.—XII. ЛЕДА. Стих. Д. Мережковскаго.—XIII. NATURE MORTE. Разск. М. Коннопницкой. Пер. съ польск. Н. Арабажиной.—XIV. ИСПОВѢДЬ Анни Безантъ. Пер. съ англ. З. Венгеровой.—XV. НА МОДНУЮ ТЕМУ. П. Кузнецова.—XVI. РѢПИНЪ и ГЕ. А. Волынскаго.—Отд. втор.: I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.—Провинціальная печать.—Земскія участковыя комиссіи.—«Приаз. Край» о крестьянскихъ промыслахъ.—«Самар. Газета» о школахъ грамоты.—«Жизнь и Искуство» о деревенскихъ кормилкахъ.—«Спб. Вѣстн.» объ общественномъ кабакѣ.—Голосъ въ Саратовскомъ земствѣ о запрещеніи питейной продажи и винокуренія. — «Волж. Вѣстн.» о принесеніи человѣческой жертвы.— О публицистахъ и газетахъ. — «Новор. Телегр.» о парламентаризмѣ. — «Одесскій Вѣстн.» о женщинахъ.—Фамусовъ и Чацкій въ «Южанинѣ». Л. Прозорова.— II. ПЕРЕСМОТРЪ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНІЯ. М. Стиваля.—III. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ.—IV. ТЕАТРЪ. Текущій репертуаръ.—V. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Первая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта.—Кризисъ земледѣлія.—Задолженность частнаго землевладѣнія и положеніе крестьянскаго хозяйства.—Вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи.—Институты или каѳедры въ университетахъ.— Мѣры содѣйствія министерства земледѣлія дѣятельности земствъ.—Кустарный музей—складъ вятскаго земства.—Организація мелкаго кредита.—Отчетъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ.—Земскій докладъ о положеніи крестьянъ Петербургской губерніи.— VI. НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.—VII. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.— ИЗЪ ЖИЗНИ и ЛИТЕРАТУРЫ. Совѣщаніе о судѣ присяжныхъ.—Дѣло Палемъ.— Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ.—Пастеръ.—«Петербургскія трущобы».—Н. С. Лѣсковъ.—Д. Д. Коровяковъ.—Программа для собиранія свѣдѣній по вопросу о всеобщемъ обученіи. — IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Л. Полонскаго.— X. «РУССКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ». А. Волынскаго.

Съ январьской книгой новымъ годовымъ подписчикамъ разсылается 1-я часть повѣсти М. Крестовской ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ (все напечатанное въ 1894 г.).

ЦѢНА.	Годъ.	Полгода.	Четверть.
Безъ достав.	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ достав.	12 » 50 »	6 » 50 »	3 » 50 »

	Годъ.	Полгода.	Четверть.
Съ пересыл.	13 р. 50 к.	7 р. — к.	3 р. 50 к.
За границей.	15 » — »	8 » — »	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны. Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

ПОДПИСКА ПРИНИМ. въ главн. конторѣ, *Спб. Троицкая, 9*, въ моск. отд. Тверская, д. 37, Сазикова и кромѣ того въ Спб., въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, «Нов. Вр.» и др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. За редактора Л. Я. Гуревичъ.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

(6-й годъ изданія).

«Русскій Листокъ» попрежнему считаетъ своей первой и главной задачей служеніе ПРАВОСЛАВІЮ, САМОДЕРЖАВІЮ и НАРОДНОСТИ—этимъ тремъ несокрушимымъ базисамъ благоденствія русскаго народа, и будетъ такъ-же, какъ и прежде, служить истинно русскимъ интересамъ. Жизнь церкви, тѣсно и неразрывно связанная съ жизнью великаго русскаго народа, какъ и борьба съ расколоученіемъ и старообрядчествомъ, попрежнему будутъ занимать видное мѣсто на страницахъ «Русскаго Листка». Выросши въ громадную газету, почти вдвое большую по формату, чѣмъ въ первый годъ изданія, печатаясь теперь въ 7 колонъ плотнымъ убористымъ шрифтомъ, «Русскій Листокъ» имѣлъ-бы нравственное право, въ виду всего этого, увеличить подписную плату.—но желая дать подписчикамъ дешевую, полную всевозможныхъ разнообразныхъ свѣдѣній, по размѣрамъ положительно громадную газету—«Русскій Листокъ» нашелъ возможнымъ выходить въ свѣтъ, не повышая совершенно подписной цѣны, за ту-же плату—**5** р. въ годъ и **3** р. за 6 мѣсяцевъ.

Въ «РУССКОМЪ ЛИСТКѢ» есть слѣдующіе отдѣлы:

«Дѣйствія и распоряженія правительства», «Распоряженія и назначенія по духовному вѣдомству», «Факты и слухи», «Дневникъ происшествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра», «Военный Листокъ», повседневныя событія московской жизни; повседневныя событія петербургской жизни; Телеграммы; «Желѣзнодорожный Листокъ», «Театръ и музыка» и «Изъ міра искусствъ»; «Обо всемъ» и «Погородамъ и селамъ»; «Мелочи», «Всякая всячина» и «Мимоходомъ»; «Пѣсни дня»; «По Россіи»; «Торговопромышленный листокъ» и «По сельскому хозяйству»; «Разныя извѣстія», биржевыя, рыночныя и справочныя свѣдѣнія.

Ежедневно-же въ фельетонахъ «Русскаго Листка» печатаются интересные романы лучшихъ беллетристовъ, изъ которыхъ многіе уже пріобрѣли незыблемыя симпатіи читающей публики, а также помѣщаются повѣсти, разсказы, сценки и т. д.

Затѣмъ—**за ту-же пятирублевую цѣну**—«Русскій Листокъ» время отъ времени даетъ своимъ подписчикамъ **безъ всякой приплаты** художественно исполненные портреты Особъ Императорскаго Дома и выдающихся государственныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: **5** р. въ годъ, **3** р. за 6 мѣсяц., **70** к. за 1 мѣсяцъ.

Адресъ редакціи: Москва, Варсонофьевскій переулокъ, домъ Поповой.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

БЕСѢДА

съ юмористическимъ приложеніемъ

СТРАХОПУДЪ

Выходитъ въ г. Львовѣ, два раза въ мѣсяцъ, подъ редакціей **О. А. Мончаловскаго.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ перес. и достав. въ Россію: на годъ 8 р., на полгода 4 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Австрія, г. Львовъ, Армянская ул., д. № 3.

Пермскія Губернскія Вѣдомости.

Условія подписки на оффиціальную часть:

1) для обязательныхъ подписчиковъ на годъ 3 р., съ достав. и пересыл.

2) для необязательныхъ подписчиковъ на годъ 5 р., съ достав. и пересыл.

Съ января 1895 года неоффиціальная часть «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» будетъ выходить ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ, въ которые гг. городскимъ подписчикамъ будутъ разсылаться полученныя въ тѣ дни телеграммы особымъ приложеніемъ.

Неоффиціальная часть «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» будетъ высылаться только тѣмъ подписчикамъ, которые изъявятъ желаніе подписаться на условіяхъ помѣщаемыхъ ниже и внесутъ своевременно причитающуюся подписную плату.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА НЕОФФИЦІАЛЬНУЮ ЧАСТЬ

Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ 1895 году

съ доставкою и пересылкою иногороднимъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 руб.

Подписка на «Пермскія Губернскія Вѣдомости» принимается въ конторѣ типографіи Пермскаго Губернскаго Правленія, а также у всѣхъ [illegible] ковъ, полицеймейстеровъ, исправниковъ, становыхъ и частныхъ [illegible]

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЗЕМСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Вѣстникъ Псковскаго Губернскаго Земства,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВѢ.

ПРОГРАММА ВѢСТНИКА:

1) Законы и распоряженія Правительства, до земскихъ учрежденій относящіяся. 2) Рѣшеніе Псковскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. 3) Земская хроника. 4) Постановленія городскихъ думъ и хроника городскихъ общественныхъ управленій. 5) Статьи и замѣтки по земскимъ вопросамъ. 6) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 7) Объявленія. Приложенія: Одна книжка постановленій губернскаго земскаго собранія и 8 книжекъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній Псковской губерніи. Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губерніи.

Подписная цѣна: Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи на годъ 1 р. 50 к. *ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ*: Псковъ, Губернская Земская Управа, а также и во всѣхъ уѣздныхъ управахъ Псковской губерніи.

Доз. Цензурою. СПБ., 11 марта 1895 г. Тип. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18

XII. **Вопросы внутренней жизни:**

Необходимость измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ духовно-академическаго устава для пользы богословской науки и церкви. Проф. *А. Гусева* 145
Наши университетскіе диспуты. *Н. Щ.* 161
Дѣятельность С.-Петербургскаго Комитета грамотности. *М. Т.* 163
Наша учащаяся молодежь. *М. Т.* 167
Сельскохозяйственныя промышленныя желѣзныя дороги . . 171
XIII. Объявленія.

Приложеніе **БЛАГОВѢСТЪ**. Февраль 1895 г.

Содержаніе: „Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ“ (продолженіе). Статья *Е Апостолиди.*

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Приложеніе: БЛАГОВѢСТЪ. Статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ съ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль.**

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за 1/4 5 р.

Адресъ Редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“; С.-Петербургъ, Гороховая ул., д. 15.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С. Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1895 г.